

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2

2018

Том 1

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, ректор
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по
научно-исследовательской и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Андрусенко Евгений Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент, стар-
ший менеджер управления академической политики и контроля ФГБОУ ВО
«Армави́рский государственный педагогический университет»

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор ка-
федры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский феде-
ральный университет»

Басов Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий ка-
федрой всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский госуда-
рственный педагогический университет»

Бельченко Владимир Евгеньевич, кандидат технических наук, доцент, заве-
дующий кафедрой информатики и информационных технологий обучения
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Вартумян Арушан Арушанович, доктор политических наук, профессор, замест-
итель директора по научной работе и инновационной деятельности Института
сервиса, туризма и дизайна (филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федераль-
ный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор
кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Даге-
станский государственный педагогический университет»

Великая Наталья Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профес-
сор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Волошин Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент ка-
федры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский госуда-
рственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук профессор, про-
фессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Геворгян Гаяне Аришалуговна, кандидат исторических наук, доцент, доцент
кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армави́рский госуда-
рственный педагогический университет»

Герлах Ирина Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент ка-
федры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО
«Армави́рский государственный педагогический университет»

Горина Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Горобец Людмила Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор
кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армави́рский
государственный педагогический университет»

Грицких Игорь Владимирович, кандидат исторических наук, доцент (по кафедре
всемирной истории и международных отношений), доцент кафедры общих гу-
манитарных и социальных дисциплин ОЧУ ВО «Армави́рский социально-
психологический институт»

Дендеберя Нелли Гавриловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент
кафедры математики, физики и методик их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́р-
ский государственный педагогический университет»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, профессор
кафедры всеобщей и отечественной истории преподавания ФГБОУ ВО «Арма-
ви́рский государственный педагогический университет»

**«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»**

**НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

2018 г.

№ 2

Том 1

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский край*

Web site:

<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail: vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК-378
ББК-74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

КотлярOVA Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Кулакова Бэлла Эльбрусовна, кандидат философских наук, ведущий инженер дирекции Армавирского механико-технологического института (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Мацко Андрей Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физической культуры и медико-биологических дисциплин ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Мозгот Валерий Георгиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории музыки и методики музыкального воспитания ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Назарова Вероника Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» ФГБОУ ВО «Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты».

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Скрипник Константин Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Соболева Елена Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Хлудова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, младший научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Черкасова Инна Петровна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Ответственный редактор

Гладченко Виктория Евгеньевна

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дохоян А.М. Реализация практико-ориентированного подхода в вузе в соответствии с ФГОС ВО	5
Музаева Л.В., Музаев А.И. Применение информационных технологий на уроках ОБЖ	15
Рудых С.А. Этико-правовая культура как компонент общей и профессионально-педагогической культуры учителя	20

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Похилько А.Д., Бирюков И.Л. Мистицизм и предельные состояния в спорте как вид социальной рациональности	29
Глечян Э.Р., Шматько А.А. Человек как социальный субъект правового сознания: социально философский аспект	40
Губанова М.А. Когнитивный трансгуманизм как формообразование духовной культуры	50
Руденко А.М., Киреева Л.Е. Генезис страха человека в современной культуре	60

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Басов И.И., Гараев И.А., Цокур И.В. Мечи из погребений «грунтового могильника «Волна-1»	71
Дударев С.Л. Экономическое состояние горцев Северного Кавказа глазами европейских авторов XVIII в.	84
Приймак Ю.В., Курьян А.М., Фольк Е.С. 40-Я отдельная мотострелковая бригада Н.Ф. Цепляева в боях за переправы Средней Кубани (малоизвестные страницы обороны Армавира)	94
Хоруженко В.К. Историософия анархизма П.А. Кропоткина	107

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Ковалевич Е.П., Корсакова В.А. К вопросу о модели интернет-мема	117
Чернова Л.В. Вторичные коммуникативные функции вопросительных предложений	128
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	136

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета»	142
---	-----

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Dokhoyan A.M.</i> The implementation of the practice-oriented approach in a higher education institution in compliance with FSES HE	5
<i>Muzayeva L.V., Muzayev A.I.</i> The use of information technologies at life safety lessons	15
<i>Rudykh S.A.</i> Ethical and legal culture as a component of general and professional pedagogical culture of a teacher	20

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Pokhilko A.D., Biryukov I.L.</i> Mysticism and limited conditions in sport as a type of social rationality	29
<i>Glechyayn E.R., Shmatko A.A.</i> Human as a social subject of legal consciousness: social philosophical aspect	40
<i>Gubanova M.A.</i> Cognitive transhumanity as spiritual culture forming	50
<i>Rudenko A.M., Kireeva L.E.</i> Genesis of human fear in modern culture	60

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

<i>Basov I.I., Garayev I.A., Tsokur I.V.</i> Swords from "the burial grounds "Volna-1"	71
<i>Dudarev S.L.</i> Economic situation of mountaineers in the North Caucasus in the eyes of European authors of the XVIII century	84
<i>Priymak Yu.V., Kuryan A.M., Folk E.S.</i> The 40th Separate Motorized Shooting Brigade of N.F. Tseplyaev in the fights for crossings of the Middle Kuban (little-known pages of the defense of Armavir)	94
<i>Khoruzhenko V.K.</i> P.A. Kropotkin and his historiosophy of anarchism	107

LINGUISTICS

<i>Kovalevich E.P., Korsakova V.A.</i> To the question of the model of Internet meme	117
<i>Chernova L.V.</i> Secondary communicative functions of interrogative sentences	128
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	136
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	142

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК-378

Дохоян Анна Меликсовна

кандидат психологических наук,
доцент, заведующий кафедрой
социальной, специальной педагогики
и психологии ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Dokhoyan Anna Meliksovna

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor, Head of the
Department of Social, Special
Pedagogy and Psychology, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАКТИКО- ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА В ВУЗЕ В СООТВЕТСТВИИ С ФГОС ВО

THE IMPLEMENTATION OF THE PRACTICE-ORIENTED APPROACH IN A HIGHER EDUCATION INSTITUTION IN COMPLIANCE WITH FSES HE

Аннотация:

*в статье рассматривается опыт
работы кафедры о практико-
ориентированном подходе к
обучению в образовательном
учреждении, применение
практико-ориентированных
технологий, поэтапном
формировании профессиональных
компетенций личности студента
в соответствии с ФГОС ВО.*

Abstract:

*the article deals with the
experience of the Department on
the practice-oriented approach to
learning in an educational setting,
the use of practice-oriented
technologies, the gradual
formation of the professional
competencies of the individual
the student in accordance with
FSES HE.*

Ключевые слова:

*образование, обучение,
профессиональные компетенции,
практико-ориентированная
подготовка; практико-
ориентированное образование;
практико-ориентированный подход.*

Keywords:

*education, training, professional
competencies, practice-oriented
training; practice-oriented education;
practice-oriented approach.*

В системе высшего образования происходят существенные изменения под воздействием изменившихся требований к ее выпускникам.

Главный мотив требований: молодой специалист должен быть подготовлен в вузе таким образом, чтобы мог продуктивно использовать квалификацию, опыт и компетенции, приобретенные в процессе обучения. Современный рынок труда нуждается в специалистах, умеющих применять свои знания, умения и навыки на практике, выполнять определенные профессиональные и социальные функции. И эту задачу может решить только совместное участие вуза и работодателей в формировании заказа на подготовку специалистов.

Работодатели удовлетворены в большей степени объемом базовых знаний, которые выпускники получают в вузах, и меньше работодатели удовлетворены специальными знаниями выпускников, которые, по их мнению, зачастую оторваны от реалий современного образования. Выпускник вуза должен быть востребованным на рынке труда.

Достоинством системы советского образования была фундаментальность и научность, проблема российского образования в том, как от фундаментальных, теоретических знаний перейти к инновациям и обеспечить подготовку специалиста к конкретной работе. Не теряя своей фундаментальности, система образования стремится приобрести новое, практико-ориентированное содержание, основанное на рациональном сочетании фундаментального образования и профессиональной подготовки. При организации учебного процесса с доминированием теоретического материала учебный процесс становится излишне усложненным и отрывается от реальной практики, что ведет к потере интереса студентов к обучению.

Практико-ориентированное обучение – это процесс взаимодействия трех субъектов обучения: преподавателя, студента и работодателя.

Существует несколько моделей практико-ориентированного обучения, например сэндвич-курсы, кооперативные программы, когнитивное ученичество и другие. Их можно классифицировать по принципу «обучение для работы»; «обучение на работе»; «обучение через работу».

Профессорско-преподавательским коллективом кафедры социальной, специальной педагогики и психологии АГПУ практико-ориентированный подход применяется с первых дней обучения и проходит систему поэтапного формирования профессиональных компетенций личности

студента. Данная система предполагает следующие этапы: адаптационный, ценностный, практический и заключительный.

1 этап – Адаптационный

На первом курсе обучения студенту важно познакомиться со своей будущей специальностью, получить информацию об организациях, учреждениях, потенциальном месте работы, знать о работодателях, о требованиях к молодым специалистам. Данный этап позволяет студенту изучить свой психологический профиль и ресурсный потенциал для профессиональной деятельности. Это происходит в рамках дисциплин «Введение в специальность», «Введение в деятельность социального педагога», и др. На этих занятиях студенты знакомятся со сферой практической деятельности, изучают опыт работы педагога-психолога по оказанию социально-педагогической помощи, социальной адаптации, консультированию родителей, коррекции поведения детей и подростков, относящихся к «группе риска», профилактическим мероприятиям.

2 этап – Ценностный

На данном этапе происходит специализация, формирование профессиональных интересов студентов. Большая роль отводится дисциплинам по выбору, которые больше всего ориентированы на будущую трудовую деятельность. Тематика таких курсов определена в учебных планах. В качестве примера можно предложить: «Генезис социально-педагогической работы на Кубани», «Работа социального педагога в школе», «Активные методы в работе психолога» и т. д. Нагрузка распределяется таким образом, что преподаватели кафедры читают лекции, а работодатели проводят практические занятия, выполняют совместные со студентами научные исследования, курсовые проекты и т. д.

Долговременное сотрудничество, например с МАОУ СОШ № 3, 6, 7 г. Армавира, проявляется в том, что студенты готовят практические и лабораторные работы на их базе. Площадки этих школ стали базами для апробирования результатов научных исследований студентов, обучающихся по соответствующему направлению подготовки.

Практические занятия проводятся в кабинете у педагога-психолога, где студентам демонстрируют, как работает специалист с детьми младшего

возраста, с подростками и т. д. Студенты на практических и лабораторных занятиях непосредственно на практике знакомятся с методикой работы, с проблемами психолого-педагогического процесса в школе. Изучают использование имеющейся базы диагностических методик с целью исследования уровня психического и личностного развития учащихся; частные методики, например рисуночный тест «Дом, дерево, человек», «Моя семья». Участвуют в проведении психологического консультирования педагогов по вопросам создания индивидуальной траектории развития и саморазвития детей. Занимаются профориентационной деятельностью непосредственно в школе.

Сотрудничество кафедры ССПП с учреждениями образования и социальной защиты, с коррекционными учреждениями осуществляется в соответствии с перспективным планом работы социально-психологического факультета. В настоящее время идет работа совместных научных исследований преподавателей и студентов вуза через систему грантов.

Большая роль в реализации практико-ориентированного подхода отводится циклу психологических дисциплин. Например, в рамках дисциплины «Педагогическая психология» особый акцент делается на практическое изучение профессионального стандарта педагога, психологического сопровождения внедрения ФГОС в образовании; психологические основы работы с детьми группы риска; диагностику воспитанности и др. При изучении «Возрастная психология» все практические занятия ориентированы на формирование умений работать с диагностическим материалом.

3 этап – Практический

С этих позиций практико-ориентированного обучения практика студентов приобретает совершенно новый смысл и становится важнейшим элементом программ вузовской подготовки. Сотрудничество вуза с конкретными работодателями начинается уже с первого года обучения студента на ознакомительной практике.

Наши работодатели оказывают всестороннюю помощь практикантам по выполнению заданий практики, делятся практическим опытом работы.

По итогам производственной практики проводятся совместно с работодателями конференции.

В рамках направления Педагогическое образование знакомство с профессией происходит не только при изучении дисциплин психологического цикла «Психология самопознания», «Общая психология», «Возрастная психология», но и в процессе прохождения учебной психолого-педагогической практики в базовых школах города: МАОУ-СОШ № 7, гимназия № 1, МБОУ-СОШ № 5, МБОУ-СОШ № 8, МБОУ-СОШ № 10 и др.

Задания, выносимые на практику, носят четкий практико-ориентированный характер:

- знакомство со школьной документацией, регламентирующей работу образовательного учреждения;
- знакомство с функционалом деятельности учителей-предметников, школьного психолога, социального педагога;
- выполнение практических заданий: наблюдение за учеником, посещение уроков и пр.

Студенты выходят на практику, чтобы попробовать себя в роли психологов. В детской деревне «Виктория» студенты включались в работу психологов из психологической службы деревни. В соответствии с годовым планом работы психологов, студенты проводили психологическую диагностику воспитанников деревни: изучение самооценки у подростков; изучение страхов у детей, которые только прибыли в приёмные семьи; диагностику познавательной сферы у детей младшего школьного возраста, которые слабо успевают в школе (по запросу родителей). Подготовили и провели тематические встречи с подростками по проблеме игровой (компьютерной) зависимости.

Часто студенты принимают участие в проводимых на базе детской деревни «Виктория» тренингах специалистов из других городов и стран (Москва, Санкт-Петербург, Словения, США), среди них:

- работа с психологическими травмами;
- работа с зависимостями;
- диагностика психического развития и пр.

Привлечение работодателей к организации производственной практики способствует практико-ориентированному обучению. Работодатели рассматривают конкретных студентов как свой кадровый резерв, активно

включаются и вносят конкретные предложения по содержанию работы студента-практиканта. Но есть и такие руководители, которые считают своей задачей пассивный контроль, не интересуясь деятельностью практиканта во время прохождения практики. Они видят свою роль просто в оказании помощи студентам по закреплению на практике того, чему их учили в университете. Назрела необходимость пересмотреть задания, выносимые на производственные практики, сделать их адресными с учетом конкретного места прохождения практики.

4 этап – Заключительный

На данном этапе студенты включаются в научно-исследовательскую деятельность. Мы учитываем пожелания и заказы работодателей с целью проведения практико-ориентированного обучения студентов в процессе подготовки курсовых проектов, выпускных квалификационных работ. Эта деятельность, прежде всего работа не учебная, а именно квалификационная. Работодатели активно участвуют в подготовке студентов к этой деятельности: выступают в качестве научных руководителей, консультантов, делают запросы для исследования, предлагают свои темы для исследования.

Кроме того, учителя и воспитатели, логопеды и дефектологи этих школ приносят на рецензию свои разработанные методические пособия, программы выходного дня и другие материалы. Успешному трудоустройству выпускников и студентов способствуют проводимые на факультете совместно с работодателями дни карьеры, экскурсии в интернаты г. Армавира.

Регулярно накануне выпуска и после полугода работы проводится анкетирование выпускников на предмет выяснения их профессиональных ожиданий, оправдались ли они после начала трудовой деятельности. Также проводится сбор и анализ отзывов работодателей на выпускников.

В рамках нашего исследования нами было проведено анкетирование среди студентов СПФ, обучающихся по направлениям подготовки «Психология», «Психология и социальная педагогика», «Логопедия».

Полученные результаты позволили нам сделать вывод, что, поступая в АГПУ, 40 % студентов стремятся получить теоретические и практические знания, 40 % студентов возможность трудоустроиться после окончания вуза, а 20 % – получить диплом о высшем образовании.

Анализ результатов анкетирования показал, что ни один студент не выбрал ответ, предполагающий получение только теоретических знаний. Для студентов главным мотивом выбора вуза стали:

- 1) престиж учебного заведения (60 %);
- 2) возможность учиться на бюджете (40 %);
- 3) советы родителей (20 %).

На вопрос «Устраивают ли Вас возможности, предоставляемые вузом?»: 38 % студентов отметили недовольство по поводу трудоустройства, 42 % студента недовольны возможностью прохождения практики по специальности, 20 % респондентов утверждают, что обладают только теоретическими знаниями, 50 % студентов говорят о преобладании теоретических знаний над практическими умениями. Ни одного предпочтения не получили варианты: «отличное знание теории и практики», «практические знания преобладают над теоретическими», «обладаю только практическими знаниями».

15 % студентов отметили, что прохождение различных видов производственной практики чаще всего проходит формально и никак не влияет на их профессионализм. 20 % опрошенных оценивают уровень практической подготовки, в рамках прохождения практики, как средний.

Наибольший интерес у студентов (50 %) вызывает совмещение теоретических знаний с практическими умениями и получение практических навыков. Ни один из опрошенных не заинтересован в получении только теоретических знаний, не подкрепленных практическими умениями и наоборот.

Возможность трудоустроиться по специальности после окончания вуза 60 % студентов оценивают как средние, 40 % – как низкие. Все опрошенные студенты имеют желание работать по специальности, но при этом ни один из них не дал высокую оценку возможности трудоустройства. Как показало исследование, больше 80 % студентов считают, что устроиться на работу можно или по знакомству, или по личным связям.

80 % студентов считают, что, получая глубокие практические знания, даст большие возможности при трудоустройстве, 20 % указали на потребность подтверждения полученных практических знаний дополнительными

сертификатами. При этом все студенты отмечают необходимость включения в процесс обучения более глубокой практической подготовки. Более половины респондентов признались, что производственная практика, организованная вузом, им ничего не дает и является формальным отчетом.

В заключение хотелось бы отметить, что в центре диалога между вузом и современным рынком труда находится выпускник. Именно готовность выпускника, его способность к профессиональной деятельности являются для работодателя критерием оценки качества вузовской подготовки. Современный выпускник должен обладать необходимыми компетенциями, которые позволили бы ему легко адаптироваться к изменяющимся условиям, быть гибким в выборе карьерной траектории, успешно строить свою жизнь. Такая задача стоит перед российским образованием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. Федеральный образовательный портал: нормативные документы. – М., 2013.

2. Калугина И.Ю. Образовательные возможности практико-ориентированного обучения учащихся : дис. ... канд. пед. наук. – Екатеринбург, 2000. – 215 с.

3. Костюнина А.А. Практико-ориентированная профессиональная подготовка будущих педагогов в условиях модернизации педагогического образования: Технологический аспект // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 2-3. – С. 499-503.

4. Месенева Н.В. Практико-ориентированная деятельность студентов вуза в процессе их подготовки к профессиональной деятельности. Теория новых возможностей // Вестник Владимирского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – № 1 (19). – С. 72-76.

5. Солянкина Л.Е. Модель развития профессиональной компетентности в практико-ориентированной образовательной среде // Известия ВГПУ. – 2011. – № 1.

6. Современные проблемы науки и образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rae.ru.

7. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. – М. : Смысл, 2001. – 365 с.

8. Levina E.Y., Akhmetov L.G., Latipova L.N., Mirzagitova A.L., Mirzanagimova F.I., Latipov Z.A., Masalimova A.R. Diagnostics of Educational Activity Quality on the Basis of Qualitative Methods // Asian Social Science. Vol. 11, No. 4, February 2015. P. 246-252.

9. Lipman M. Thinking in education. Cambridge. Cambridge university press, 1991. P. 188.

10. Mirzagitova A.L., Akhmetov L.G. (2015). Self-development of pedagogical competence of future teacher. International Education Studies; Vol. 8, No. 3; 2015. P. 114-121. DOI: 10.5539/ies.v8n3p114.

11. Mirzagitova A.L., Mukhametgaliyeva S.H., Tirigulova R.H. Realization of Competence-based Approach in Preparation of the Competitive Specialist. The Proceedings of 6th World Conference on educational Sciences. – Procedia – Social and Behavioral Sciences. – Volume 191. – 2 June 2015. P. 1938–1940.

12. Делор Ж. Learning: the Treasure within. Report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century. UNESCO Publishing, 1996. P. 20-22.

REFERENCES

1. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya na 2013-2020 gody [The State program "development of education of the Russian Federation" on the 2013-2020 years]. Federal Educational Portal: normative documents. M., 2013.

2. Kalugina I.Yu. *Obrazovatel'nye vozmozhnosti praktiko-orientirovannogo obucheniya uchashchihsya* [Educational opportunities of practice-oriented studies]. Cand. Ped. Sc. Thesis. Ekaterinburg, 2000. 215 p.

3. Kostjunina A.A. Practice-oriented training of future teachers under the conditions of modernization of pedagogical education: technological aspect. *Sovremennye Naukoemkie Tekhnologii = Modern High Technologies*, 2016, no. 2-3, pp. 499-503. (In Russian).

4. Meseneva N.V. Practice-oriented activities of the University students in their preparation for professional activities. Theory of new opportunities. *Vestnik Vladimirskego Gosudarstvennogo Universiteta Ekonomiki i Servisa = Bulletin of the Vladimir State University of Economics and Service*, 2013, no. 1 (19), pp. 72-76. (In Russian).

5. Solyankina L.E. the model of the development of professional competence in practice-oriented educational environment. *Izvestiya VGPU = Bulletin of VSPU*, 2011, no. 1. (In Russian).

6. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. Multisubject Scientific Journal, The Academy of Natural Sciences, 2015. Available at: www.rae.ru. (In Russian).

7. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to designing]. M., Smysl, 2001. 365 p.

8. Levina E.Y., Akhmetov L.G., Latipova L.N., Mirzagitova A.L., Mirzanagimova F.I., Latipov Z.A., Masalimova A.R. Diagnostics of Educational Activity Quality on the Basis of Qualitative Methods. *Asian Social Science*, Vol. 11, No. 4, February 2015, pp. 246-252. (In Russian).

9. Lipman M. *Thinking in education*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 188 p.

10. Mirzagitova, A.L., Akhmetov, L.G., Self-development of pedagogical competence of future teacher. *International Education Studies*, Vol. 8, No. 3; 2015, pp.114- 121. DOI: 10.5539/ies.v8n3p114 (In Russian).

11. Mirzagitova A.L., Mukhametgaliyeva S.H., Tirigulova R.H. Realization of Competence-based Approach in Preparation of the Competitive Specialist. The Proceedings of 6th World Conference on educational Sciences. *Procedia Social and Behavioral Sciences*. Vol. 191. 2 June 2015, pp.1938–1940.

12. Delors J. *Learning: the Treasure within*. Report to UNESCO of the International Commission on Education for the Twenty-first Century. UNESCO Publishing, 1996, pp. 20-22.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дохолян А.М. Реализация практико-ориентированного подхода в вузе в соответствии с ФГОС ВО / А.М. Дохолян // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 5–14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dokhoyan A.M. The implementation of the practice-oriented approach in a higher education institution in compliance with FSES HE / A.M. Dokhoyan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 5–14. (In Russian).

УДК-378

Музаева Людмила Васильевна
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
информационных и
коммуникационных технологий
Дагестанского государственного
педагогического университета
(г. Махачкала)

Музаев Артур Исламович
учитель ОБЖ и физической культуры
МБОУ «Каспийский лицей № 8»
(г. Каспийск), e-mail:
arturmuz27@mai.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ ОБЖ

Аннотация:

*в статье раскрываются
преимущества применения
современных информационных
технологий на уроках ОБЖ,
предлагаются различные варианты
их использования, даются
рекомендации по изготовлению
наглядного и дидактического
материала. Статья представляет
интерес для учителей ОБЖ и
руководства средней
образовательной школы.*

Ключевые слова:

*информационные технологии,
безопасность жизнедеятельности,
интенсификация учебного процесса,
презентация, тестирование.*

Muzayeva Lyudmila Vasilyevna
Candidate of Pedagogical sciences,
Senior Lecturer of the Department of
Information and Communication
Technologies, Dagestan State
Pedagogical University
(Makhachkala)

Muzayev Artur Islamovich
life safety and physical education
teacher and of MBEE "Caspian
Lyceum No. 8" (Kaspiysk)

THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES AT LIFE SAFETY LESSONS

Abstract:

*the article reveals the advantages of
using modern information
technologies at life safety lessons,
various options of their use are
offered, recommendations on the
production of visual and didactic
material are made. The article is of
interest to life safety teachers as well
as to management of secondary
schools.*

Keywords:

*information technologies, life safety,
intensification of educational
process, presentation, testing.*

Современный мир требует от молодежи твердого понимания смысла жизни, представления своего будущего и настоящего места в жизни. Эти

понятия у школьников помогает формировать курс ОБЖ, где учащиеся овладевают практическими навыками преодоления сложных жизненных ситуаций, разбирают всевозможные приемы и способы обеспечения собственной безопасности.

Использование компьютера, проектора, интерактивной доски на уроках ОБЖ активизирует внимание учащихся, их мышление, память. В результате восприятие материала становится глубже, ярче, интерес к предмету и обучению в целом повышается. Природа человека такова, что мы лучше запоминаем информацию, если видим ее. Научкой доказано, что с помощью зрения запоминается свыше 80% информации. Поэтому информационные технологии все чаще находят свое применение на всех уроках.

Уроки ОБЖ дают возможность учащимся получить сведения о том, какие существуют виды чрезвычайных ситуаций, каковы их проявления и последствия. Кроме того, школьников знакомят с правилами их преодоления и мероприятиями по устранению последствий. Находит свое место также изучение Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС) и гражданской обороны (ГО). Для того чтобы учащиеся могли более полно и наглядно представить все эти моменты, приходит на помощь компьютер как исследовательская установка, которая дает возможность использовать необходимую базу данных посредством телекоммуникационных сетей.

Очевидно, компьютер играет большую роль в интенсификации учебного процесса с целью повысить эффективность урока и тем самым активизировать познавательную деятельность учащихся.

Думается, не нужно доказывать, что каждый учитель-предметник сегодня должен владеть компьютером и информационными технологиями для того чтобы вести свои уроки на должном уровне. Рассмотрим, как информационные технологии учитель ОБЖ может использовать в своей работе.

С учетом специфики дисциплины ОБЖ, на уроках можно часто использовать раздаточный материал – это могут быть карточки с индивидуальными заданиями, картины или фотографии для работы группами, схемы и рисунки с заданиями разного рода. Для получения всего этого нужно следующее:

Фотографии можно сделать самому или поручить сделать ответственным учащимся. Также необходимые фотографии можно найти готовые из мультимедийных источников.

Используя графический редактор, можно изготовить нужные рисунки и схемы. Кроме того, их можно сканировать из учебников, журналов, других источников информации. При необходимости к этому процессу можно привлечь учащихся.

Часто учитель может использовать на уроках созданные самостоятельно или взятые из библиотеки презентации на интересующую тему. К примеру, при изучении в старших классах темы «Основы военной службы», учитель должен рассказать учащимся и при возможности показать современную военную технику. На помощь учителю может прийти Internet, где можно найти, к примеру, мультимедийное пособие «Энциклопедия вооружений». С помощью скриншотов необходимые изображения можно скопировать и создать на их основе новую презентацию.

Красочные видеоролики, графики, схемы, фотографии, плакаты можно с помощью современных информационных технологий оформить в виде небольших презентаций. Это позволит представить материал более полно, зрелищно, интересно и информативно.

Учитель должен помнить, что информационные технологии лучше использовать на уроке лишь частично, перемежая демонстрации с другими формами ведения урока. Очевидно, комбинированный урок, где применяется мультимедийная техника, имеет существенные преимущества, поскольку небольшая презентация делает любой этап урока более интересным, материал преподносится более красочно, несет больше информации, что также экономит время учителя. Главное – помнить, что нельзя затягивать время демонстрации, поскольку в таком случае падает интерес школьника, в результате эффективность урока снижается. Значит, при планировании урока с использованием компьютера учитель должен учитывать возраст детей и их возрастные особенности. К примеру, для младших школьников лучше использовать яркие картинки, фотографии, и время показа должно быть минимальным. Старшие школьники уже могут разобраться в графиках и схемах, время работы с проектором может быть больше.

Конечно, нельзя заменить урок полностью презентацией. Должны быть и устный опрос, и письменные работы, и диспуты, и многое другое. Главное – с помощью мультимедийной техники творчество учителя, его возможности в образовательном процессе расширяются, вследствие чего формируются его новые компетенции.

Другой вариант использования компьютеров на уроках ОБЖ – тестирование, когда с помощью тестовых заданий можно проконтролировать уровень знаний учащихся на разных этапах изучения материала. Практикой доказано, что этот метод контроля имеет как преимущества, так и недостатки. Преимущества видятся в том, процесс тестирования проходит просто, демократично, и оценивание работы школьника не зависит от преподавателя. К недостаткам можно отнести то, что тестирование проходит несколько формально, задания относительно просты и не отражают глубину знаний ученика.

Несмотря на плюсы и минусы данного способа контроля, он набирает все большую популярность. Это объясняется тем, что тестовые программы дают возможность фронтального оценивания знаний учащихся и по его результатам определить, на какие темы следует обратить больше внимания. Понятно, что для проведения тестирования необходим оснащённый кабинет информатики для того чтобы каждый ученик имел возможность работать индивидуально.

Компьютер можно использовать на уроках ОБЖ самым различным образом. Это может быть работа по закреплению новой темы, отработка пропущенной темы, самостоятельное написание учащимися рефератов по определенной теме, и многое другое.

Таким образом, за время своей работы с помощью ИКТ учитель набирает необходимый методический и дидактический материал, записанный на диски или другие носители информации, оформляет их должным образом, создает отчеты, планы, схемы и т. д., что намного облегчает его работу. Но это при условии, что учитель в достаточной мере владеет информационными технологиями и умеет их использовать в своей работе.

Что дает учащимся применение компьютера и информационных технологий на уроках ОБЖ? В результате на уроке они более внимательны,

самостоятельны, инициативны, что говорит о повышении интереса к предмету и обучению вообще.

Из всего сказанного можно заключить, что преподавание ОБЖ с применением ИКТ – это уже назревшая необходимость, а не дань моде, поскольку информационные технологии существенно повышают уровень решения целей и задач современного образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комаров В.Н. Технология применения компьютерных технологий в преподавании ОБЖ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.in-n.ru>.
2. Методические рекомендации по педагогической практике по основам безопасности жизнедеятельности / Сост.: С.Г. Боклагова, В.Н. Повесина, Л.А. Ситак, Г.Е. Шиловская. – Железноводск, 2002.
3. Соловьёва Л.Ф. Компьютерные технологии для преподавателя. – СПб. : БХВ-Петербург, 2008. – 453 с.
4. Ставрова О.Б. Применение компьютера в профессиональной деятельности учителя. – М. : Интеллект-Центр, 2007. – 144 с.

REFERENCES

1. Komarov V.N. *Tekhnologiya primeneniya komp'yuternyh tekhnologij v prepodavanii OBZ* [The technology of use of computer technologies in teaching life safety]. Available at: <http://www.in-n.ru>. (In Russian).
2. *Metodicheskie rekomendacii po pedagogicheskoj praktike po osnovam bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti* [Methodological recommendations on life safety teaching practice]. Compiled by Boklagova S.G., Povesina V.N., Sitak L.A., Shilovskaya G.E. Zheleznovodsk, 2002.
3. Solovyova L.F. *Komp'yuternye tekhnologii dlya prepodavatelya* [Computer technologies for teachers]. St. Petersburg: BHV-Petersburg, 2008. 453 p.
4. Stavrova O.B. *Primenenie komp'yutera v professional'noj deyatel'nosti uchitel'ya* [The use of the computer in professional activity of the teacher]. Moscow: Intellekt-Centr, 2007. 144 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Музаева Л.В. Применение информационных технологий на уроках ОБЖ / Л.В. Музаева, А.И. Музаев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 15–19.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Muzayeva L.V., Muzayev A.I. The use of information technologies at life safety lessons / L.V. Muzayeva, A.I. Muzayev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 15–19. (In Russian).

УДК-378

Рудых Сергей Александрович

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры философии, права
и социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Rudykh Sergey Aleksandrovich

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the
Department of Philosophy, Law and
Social Humanitarian Sciences,
Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

ЭТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК КОМПОНЕНТ ОБЩЕЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧИТЕЛЯ

ETHICAL AND LEGAL CULTURE AS A COMPONENT OF GENERAL AND PROFESSIONAL PEDAGOGICAL CULTURE OF A TEACHER

Аннотация:

*рассмотреть необходимость и
значимость этико-правовая
культура как компонент общей и
профессионально-педагогической
культуры учителя, которая
является элементом и
органически входит практически
во все компоненты
профессионально-педагогической
культуры учителя, составляет
основание идейно-нравственного и
нормативно-правового каркаса
структуры личности учителя,
определяет его профессиональное
сознание, широкий спектр
нравственных чувств и норм
поведения, профессиональную и
гражданскую позицию и др.*

Ключевые слова:

*этико-правовая культура учителя,
профессионально-педагогическая
культура, её сущность, содержание
и специфика, уровни
функционирования педагогической
культуры, критерии этико-*

Abstract:

*the article considers the need and
significance of ethical and legal
culture as a component of
teacher's general and professional
pedagogical culture, which is an
element and organically enters
almost all components of teacher's
professional pedagogical culture.
It is the basis of the teacher's
ideological, moral and regulatory
framework; it determines
teacher's professional
consciousness, a wide range of
moral feelings and norms of
behavior, professional and civic
position, etc.*

Keywords:

*ethical and legal culture of a teacher,
professional pedagogical culture, its
essence, content and specificity, level
of functioning of pedagogical culture,
criteria for ethical and legal culture of
a teacher, value-emotional*

*правовой культуры учителя,
ценностно-эмоциональный
компонент педагогической
культуры, структурные
компоненты профессионально-
педагогической культуры учителя.*

*component of pedagogical culture,
structural components of professional
pedagogical culture of a teacher.*

Интерес к профессионально-педагогической культуре учителя обусловлен потребностями в теоретической разработке этой проблемы, поиском путей совершенствования практической готовности учителей к успешной реализации учебно-воспитательного процесса, гуманизации социальной и образовательной среды, системы педагогических отношений.

В последнее десятилетие в педагогической науке и практике наметились тенденции культурологического анализа педагогической реальности, проведены исследования, посвящённые отдельным сторонам педагогической культуры учителя: методологической (В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, В.Э. Тамарин, В.В. Краевский, А.Н. Ходусов, нравственной и эстетической (Е.В. Бондаревская, Э.А. Гришин, Н.Б. Крылова, Д.С. Яковлева), коммуникативной (В.А. Мудрик), технологической (М.М. Левина), духовной (Н.Е. Щуркова), историко-педагогической (А.К. Колесова), физической (М.Я. Виленский), этической (Е.Г. Силаева) и др. Однако вопросы взаимодействия этической и правовой культуры в структуре личности учителя оказались вне поля зрения исследователей. Носителями педагогической культуры могут быть родители, педагоги, наставники, руководители, то есть люди, занимающиеся воспитательной практикой на профессиональном и непрофессиональном уровнях. Носителями же профессионально-педагогической культуры являются люди, призванные осуществлять педагогическую работу на профессиональном уровне. Профессионально-педагогическая культура учителя, воспитателя, преподавателя вуза основывается на специальном и педагогическом образовании, предполагает высокий уровень профессиональной деятельности.

Для определения сущности, содержания и специфики профессионально-педагогической культуры необходимо обратиться к анализу понятия «культура», используя данные новой отрасли научного знания – теории

культуры, или культурологии, и частных культурологических исследований. Следуя логике анализа культуры в философии и социологии, обратимся к характеристике понятия «профессионально-педагогическая культура» на обыденном и теоретическом уровнях.

На обыденном, житейском уровне профессионально-педагогическая культура понимается прежде всего как нечто нормативное, заданное, как образец, на который равняются представители определенной профессиональной группы. Культура при этом рассматривается как механизм, регулирующий поведение людей.

В другом случае профессионально-педагогическая культура отождествляется с педагогической грамотностью, образованностью.

В-третьих, под профессионально-педагогической культурой понимают педагогический такт и педагогическую технику.

Обыденное понимание профессионально-педагогической культуры, таким образом, раскрывает в основном её регулятивную, воспитательную функцию, направленную на регулирование поведения, формирование профессиональных качеств личности специалиста. В этом ограничении и упрощении мы усматриваем объяснение тому факту, что понятия «педагогическая культура» и «профессионально-педагогическая культура» длительное время описывались и раскрывались в педагогике в категориях обыденного сознания и не претендовали на строгое научное объяснение. Положительно оценивая важность и необходимость обыденного понимания профессионально-педагогической культуры, признавая ценность накопленного эмпирического опыта, мы отмечаем все-таки поверхностность и недостаточность такой характеристики.

Поскольку понятие «профессионально-педагогическая культура» относительно недавно включено в научный оборот, то при анализе современных подходов к этой категории мы будем обращаться к более широкому понятию «педагогическая культура». До последнего времени в педагогике наиболее прочно утвердилось понимание педагогической культуры как «определенной степени овладения преподавателем педагогическим опытом человечества, степени его совершенства в педагогической деятельности, достигнутый уровень развития – его личности» [1, с. 50].

На основе изучения личностных качеств преподавателей высшей школы, анализа научных работ и педагогической печати А.В. Барабанщиков выделяет основные слагаемые структуры педагогической культуры преподавателя. К ним отнесены: педагогическая направленность личности, психолого-педагогическая эрудиция и интеллигентность, нравственная чистота, гармония рационального и эмоционального, педагогическое мастерство, умение сочетать педагогическую и научную деятельность, система профессионально-педагогических качеств, педагогическое общение и поведение, требовательность, потребность в самосовершенствовании и ряд др.

В данном подходе сделана перспективная заявка на рассмотрение педагогической культуры как сложного системного образования, включены слагаемые, отражающие различные стороны личности преподавателя, дана их педагогическая интерпретация.

Вместе с тем данная характеристика педагогической культуры преподавателя не может быть признана завершенной, так как в ней представлены разнопорядковые слагаемые (педагогическое мастерство и умение сочетать научную и педагогическую деятельность, педагогическая направленность личности и повышенная требовательность к себе т. д.) зафиксированы только профессионально-личностные характеристики, не отражена педагогическая деятельность как важнейший элемент педагогической культуры; расширенная характеристика педагогического мастерства приводит к его фактическому тождеству с педагогической культурой.

Подход к пониманию педагогической культуры, суть которой состоят в стремлении раскрыть культуру как интегральное единство ряда компонентов, может быть рассмотрен на примере концепции, предложенной Л.А. Нейштадт. Автором выделяются следующие компоненты: духовно-интеллектуальный, процессуальный, творческий и ценностно-эмоциональный. Первые три компонента, выделенные в структуре понятия «педагогическая культура», отражают в основном смысл и назначение педагогической технологии. Ценностно-эмоциональный компонент педагогической культуры выступает показателем социальной зрелости человека, свободы выбора, активности. Очевидно, что в данном случае

технологическая и педагогическая культура учителя отождествляются, в то время как технологическая культура является лишь элементом культуры педагогической [2, с. 192].

С позиции теории диалога культур предложенных В.С. Библером можно предложить такое понимание феномена педагогической культуры:

- это процесс взаимопроникновения «я» в «ты», «ты» в «я», откровения воспитателя и воспитанника;

- это процесс создания педагогического «мира» как среды духовного, эстетического, интеллектуального развития субъектов педагогического взаимодействия и т. д.

Процесс личностного событийного предполагает равенство положения субъекта и объекта педагогической культуры, так как только на основе уважения личностного бытия возможно их общение и сотрудничество. Отсюда вытекает и принцип гуманизации педагогической культуры: человек является целью, а не средством общения и развития. Личностный аспект педагогической культуры предполагает и национально-индивидуальную детерминацию субъектов педагогического общения.

Процесс взаимопроникновения «я» в «ты», «ты» в «я» выступает в качестве условия для самореализации личности в процессе педагогического общения. Только познав свою психическую, социальную сущность, познав своего педагогического партнера, возможно выйти на уровень откровения как форм самореализации личности в её исторической и духовной ответственности [3, с. 15]. В индивидуально-личностном плане возможно рассматривать педагогическую культуру как сущностную характеристику целостной личности педагога, способного к диалогу культур.

И, наконец, процесс создания педагогического мира имеет в виду качественно новое педагогическое открытие личности для себя в другой личности. При этом интеллектуальное произведение педагогической культуры выполняет функцию развития разума личности, духовное – нравственных убеждений, эстетическое – эмоционально-чувственной сферы развития личности. Такая функциональная структурированность призвана облегчить теоретическое исследование педагогической культуры, но ни в коей мере

не свидетельствует о необходимости выяснения субординации обозначенных процессов.

Качественными характеристиками педагогической культуры в разной мере могут выступать такие черты, как гуманность, творчество, саморазвитие, педагогическая рефлексия и другие свойства целостной личности.

Можно назвать ещё один подход в понимании «педагогической культуры», когда рассматривается в основном её прогностическая, рефлексивная функция, подчеркивается способность носителей педагогической культуры в предвидении, предвосхищении, прогнозировании воспитательных воздействий. Безусловно, прогностическая, рефлексивная виды деятельности учителя, преподавателя – необходимые составляющие их педагогической культуры, но она не может быть сведена к ним как сложное социально-педагогическое явление [4]. Уровни функционирования педагогической культуры могут быть рассмотрены в общественно-историческом и индивидуально-личностном аспектах. В связи с этим возникает вопрос о критериях их различения. Опираясь на положения, используемые обществоведами при изучении культуры как интегральной характеристики жизнедеятельности общества, условно можно принять следующие критерии: а) ориентация педагогической культуры на воспитание гуманного типа личности; б) доступность её материальных и духовных ценностей широким массам; в) развитость механизмов передачи и развития педагогической культуры; г) наличие элементов творчества в массовой практике (на необходимость использования этого критерия указывает креативность как особенность педагогической культуры).

Насколько данные критерии применимы к оценке уровня педагогической культуры современного общества, еще предстоит исследовать [5, с. 63].

Таким образом, можно полагать, что профессионально-педагогическая культура представляет собой часть общей культуры, и поэтому её исследование должно опираться на данные культурологии, раскрывающей общую структуру, механизм функционирования культуры.

Профессионально-педагогическая культура – это системное образование, включающее в себя ряд компонентов, имеющее собственную

структуру (взаимосвязь между компонентами), избирательно взаимодействующее с окружающей средой и обладающее интегративным свойством целого, не сводимого к свойствам отдельных частей. Педагогическая деятельность рассматривается в качестве единицы анализа профессионально-педагогической культуры, является лишь одним из её элементов. Особенности формирования профессионально-педагогической культуры учителя обусловлены индивидуально-творческими, психофизиологическими, возрастными характеристиками, сложившимся социально-профессиональным опытом личности.

Учет указанных методологических обобщений дает возможность условно обозначить основные структурные компоненты профессионально-педагогической культуры учителя:

- совокупность профессионально-педагогических ценностей;
- специфические способы педагогической деятельности;
- проявления творчества;
- способы реализации сущностных сил учителя.

В каждом из этих компонентов присутствуют элементы этико-правовой культуры: начиная от нравственных и правовых ценностей личности и до способов их реализации в творческой деятельности учителя. Профессионально-педагогическая культура как совокупность педагогических ценностей, и как процесс интернализации творческого воспроизводства педагогических ценностей, осуществляется в теоретической и практической педагогической деятельности, суть которой состоит в том, что педагогический опыт общества, общечеловеческие ценности педагогической культуры становятся внутренним достоянием личности, превращаются в педагогические способности и творческие возможности, субъективные критерии, внутренние регуляторы профессиональной деятельности и поведения.

Таким образом, профессионально-педагогическая культура учителя – это динамическая система педагогических ценностей, способов деятельности и профессионального поведения учителя.

В качестве компонентов этой системы, подлежащих оценке, ряд авторов выделяет: а) педагогическую позицию и личностные качества,

б) профессиональные знания и культуру педагогического мышления, в) профессиональные умения и творческий характер педагогической деятельности, г) саморегуляцию личности и культуру профессионального поведения педагога.

В становлении личности педагога-профессионала, ориентированной на профессиональное саморазвитие, приоритет принадлежит гуманизации педагогической культуры. Разработка принципа гуманности: его сущности, содержания, путей реализации в изменяющихся социально-экономических условиях составляет методологическую основу современной педагогической культуры [6, с. 13]. Представленное выше обыденное понимание профессионально-педагогической культуры раскрывает её регулятивную, воспитательную функцию, направленную на регулирование поведения, формирование профессиональных качеств личности специалиста. Регулятивные и нормативные функции напрямую зависят от уровня сформированности этико-правовой культуры, являющейся системным качеством, которое интегрирует многие профессионально – значимые качества личности учителя. Интеллектуальное произведение педагогической культуры на нормы поведения, выполняют функцию развития мышления личности и элементов её духовности – этических убеждений, проявляющихся в правовых нормах поведения и поступках индивида.

Таким образом, этико-правовая культура является элементом и органически входит практически во все компоненты профессионально-педагогической культуры учителя, составляет основание идейно-нравственного и нормативно-правового каркаса структуры личности учителя, определяет его профессиональное сознание, широкий спектр нравственных чувств и норм поведения, профессиональную и гражданскую позицию и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанщиков А.В. Основы военной педагогики и психологии. – М., 1981. – 336 с.
2. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. – М., 1991.
3. Бондаревская Е.Г. Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. – 1997. – № 4. – С. 11-17.

4. Введение в педагогическую культуру : Учебное пособие. – Ростов н/Д. : РПГУ, 1995. – 172 с.

5. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика : Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / под ред. В.А. Сластенина. – М. : Академия, 2013. – 576 с.

6. Формирование профессиональной культуры учителя : учебное пособие / под ред. В.А. Сластенина. – М. : Прометей, 1993. – 178 с.

REFERENCES

1. Barabanshchikov A.V. *Osnovy voennoj pedagogiki i psihologii* [Fundamentals of military pedagogics and psychology]. М., 1981. 336 p.

2. Bibler, V. S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury* [From teaching science to logic of culture]. М., 1991. Available at: litmir.me " br/?b=42472&p=1.

3. Bondarevskaya E. G. Humanistic paradigm of personality-oriented education. *Pedagogika = Pedagogy*. 1997, No 4, pp. 11-17.

4. *Vvedenie v pedagogicheskuyu kul'turu: Uchebnoe posobie* [Introduction in pedagogical culture: a Training manual]. Rostov-on-Don: RSPU, 1995. 172 p.

5. Slastenin V. A., et al. *Pedagogika* [Pedagogy]. Moscow: Publishing Center "Academy", 2013. 576 p. Available at: https://edu.tatar.ru/upload/images/files/slastenin_v_a_pedagogika.pdf.

6. *Formirovanie professional'noj kul'tury uchitelya* [The formation of professional culture of a teacher] / ed. by V.A. Slastenin. М. Prometey, 1993. 178 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рудых С.А. Этико-правовая культура как компонент общей и профессионально-педагогической культуры учителя / С.А. Рудых // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 20-28.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rudykh S.A. Ethical and legal culture as a component of general and professional pedagogical culture of a teacher / S.A. Rudykh // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 20-28. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК-141.333: 796.011.3

Похилько Александр Дмитриевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Pokhilko Alexander Dmitirivich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

Бирюков Игорь Леонидович

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Biryukov Igor Leonidovich

post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir)

МИСТИЦИЗМ И ПРЕДЕЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ В СПОРТЕ КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

MYSTICISM AND LIMITED CONDITIONS IN SPORT AS A KIND OF SOCIAL RATIONALITY

Аннотация:

в статье обозначается проблема корреляции непосредственного и опосредованного знания в духовности спортсмена. Утверждается, что сущность мистического опыта, отображенного в понятийной форме, может квалифицировать его как одну из форм нетривиальной социальной рациональности. Обозначаются проблемные вопросы в понимании специфики рационального и мистического опыта, взаимосвязи телесности и духовности, а также практические аспекты применения этого опыта в физкультурной и спортивной деятельности. Обозначаются контуры спортофисии как социального проекта саморазвития молодежи.

Abstract:

the article describes the problem of correcting the direct and mediated knowledge in the spirituality of an athlete. It is argued that the essence of mystical experience, displayed in a conceptual form, can qualify it as one of the forms of non-trivial social rationality. Problematic issues of understanding rational and mystical experience, interrelations between physicality and spirituality are designated, including practical aspects of the application of this experience in physical culture and sport activities. The contours of sport philosophy as a social project of youth self-development are indicated.

Ключевые слова:

социальная рациональность, духовность, глубокая духовность, спиритуализм, мистицизм, мистический опыт, спорт, спортивная деятельность, физическая культура, нравственная ценность, соотношение духовности и телесности.

Keywords:

social rationality, spirituality, deep spirituality, spiritualism, mysticism, mystical experience, sports, sport activities, physical culture, moral value, relations between spirituality and physicality.

Проблема философского осмысления мистического опыта и предельных состояний связана с активно обсуждаемой в философской литературе проблемой соотношения непосредственного и опосредованного знания. Содержание мистического опыта, выраженного в понятийной форме, позволяет квалифицировать его как один из источников рационального знания, которое мы можем применять и в спортивной деятельности. Опираясь на морально-нравственные аспекты развития личности, через физическую культуру, можно использовать пограничные состояния и мистицизм как одну из форм познания. Мистический опыт, будучи синтезом рационального и иррационального, новой формой знания «своего иного», вписывается в сложнейшие социально-философские построения.

В литературе – как традиционной, так и современной – поднимается вопрос о проблеме духовности в индивидуальном и социальном измерениях. По сути, польский философ Е. Косевич разграничивает два этих понятия, определяя их как две совершенно разные формы духовности. Мыслитель сетует, что «польские и англоязычные мыслители не различают понятие духовности и спиритуализма и поэтому не используют понятие спиритуализма в описаниях человеческих психических переживаний. Они обращаются только к определению духовности, характеризуя на его основе то, что я называю духовностью духовности и духом духовной духовности».

Спиритуализм (не путать со спиритизмом), вообще говоря, есть (в смысле источника) философский термин, принимающий – с точки зрения онтологии и аксиологии – эту духовную реальность, самопознание или сознание, или ментальный опыт – это человеческие компоненты –

компоненты более высокого порядка, которые имеют приоритет над материей [1].

На взгляд Косевича, под эти определения наиболее подходит определение мистицизма как особого духовного делания, опыт прямого личностного общения с Божеством и совокупность психотехнических приемов, позволяющего достигать экстатического общения и единства с Ним, тем самым предполагая существование разнообразных форм духовности и их понимания и применения.

Польский философ говорит о том, что виды соревновательного спорта (то есть высококвалифицированные, профессиональные, зрелищные и олимпийские в современной форме) связаны прежде всего с проявлениями и свойствами поверхностного (циркулирующего, разговорного) духа, что у них мало и обычно не имеет ничего общего со свойствами, приписываемыми понятию спиритизма, то есть с духовными переживаниями и духовностью высшего порядка, квалифицируя это как глубокую духовность [1].

В понимании метафизики глубокой духовности можно принять точку зрения И.А. Бондаренко, который интерпретирует ее следующим образом: «Метафизические... суждения – внеопытные, сверхприродные, внечувственные и недоказываемые – представляют форму способа организации человеческой жизни в качестве человеческой. Когда, например, утверждается, что есть иная размерность мира (утверждение вытекает из основной метафизической процедуры – трансцендирования), где человек может быть собранным и завершенным, чего никогда не бывает в эмпирической жизни...» [2].

Для понимания специфики перехода к духовному уровню самосознания нужно обозначить три важных аспекта:

1. Гносеологический: как общее дело, где личность преобразуется путем самопринуждения к знанию и начинает продвигаться от мелких значений к все большим и общим, становясь субъектом этого процесса.

2. Аксиологический: когда человек выбирает определенные цели – ценности, которые он будет превозносить как совершенные. Воля и стремление к Совершенству будет основой силы духа и главное побуждение

любой истинной религиозной практики, совершенство – основа сущности духа, поскольку многообразные ветви духовности следуют посредством него. По словам С.Гончарова различные обозначения воли к перфекционизму и будет основой для духовности [4].

3. Психологический: совершенство находится в единстве разума с волей и чувствами, где его наполнение это – смешение истинного с добрым и прекрасным [3].

Часто находит распространение аксиологическая модель, поскольку в ней имеет соответствие дух как все понимаемое, переосознаваемое и переживаемое как нечто ценностное, а вот духовность обозначается как способность человека к выбору данных ценностей. Всеобщность важности значений сознания будет являться выражением общности личности, где степень ее всеобщности сознания и универсальности мышления привязана к диапазону общения и различных общественных отношений [4].

Если взглянуть на опыт предельных состояний в восточных единоборствах, то мы увидим, что он является неотъемлемой частью всей философии поединка, поскольку «Природа фехтования носит в себе духовный характер. «Путь меча», в своей глубокой основе обозначает волю преодолеть жизненные неудачи, но более глубинная задача – это стремление человека совершенствовать свой характер, живя достойной жизнью.

Ведь труднее всего к человеку прибывает понимание, что главная цель Кендо выражается не в освоении техники. Меч – это как средство оттачивания своего духа, совершенствования своих нравственных базисов, углубления своей личности путем выработки, как основы, нравственного чувства. Проповедуется, что не наделенный цельным нравственным характером спортсмен не сможет взойти к высотам фехтования. Весь обучающий процесс должен найти свою реализацию в совершенствовании духа, чем на овладение технической стороной; где в процессе залогом успеха является честность и искренность обучающегося. Фехтовальщик, не идущий путем праведного поведения, сможет лишь прийти к разрушению самого себя», тем самым полностью затрагивая морально-нравственный аспект личности [4].

Поэтому духовная составляющая неотделима часть от телесной в восточных единоборствах, и воплощает в себе работу на всех уровнях, включая подготовку к схватке.

Как указывает Д. Зимбельрман, физическая активность будет одним из способов компенсации в практике буддизма эмоционально-чувственных потребностей человека, путем, где искусство владение телом подчиняется мистицизму и экстатичности, являясь в какой-то мере, оторванной от своей гуманистической сущности. В то же время философско-эстетический аспект в релятивизме буддизма оказал свое воздействие на искусство, отобразил в нем неповторимость атмосферы как движения, так и мерцания жизни, способствовал принципу незавершенности в искусстве [5].

Тогда самоактуализация, проявляемая в духовно-мистическом опыте, выступает фактором преодоления психологических барьеров у спортсменов, а эффективное преодоление спортсменом психологических барьеров ведет его к личностному и спортивному развитию. Таким образом, психологический барьер трактуется и как препятствие и как стимул полноценного функционирования личности, это не просто противоречие, затрудняющее движение личности, а более сложное образование, детерминирующее развитие личности и касается когнитивной, аффективной и поведенческой областей личности [1].

В первых переводах Нового Завета выражение духовности означало человека, которому руководил или влиял Святой Дух. Только в XII веке термин «духовность» стал относиться к отдельной психологической функции [8]. В отечественной философии есть целый ряд примеров понимания природы духа в человеке. Скажем, в модели, отображенной М. Каганом, дух понимается как психическая деятельность сутобо «в ее целостности» где он проявляется в общении охватываемых способностей и уровней действий различных механизмов. А под духовностью «понимается субъектность человека, выражающаяся в целостности его психической жизни». В такой модели интеллектуализма, где все осознаваемое будет духом [9].

Используя такое понятие как телесность, Сергей Булгаков, в труде «Свет невечерний» пишет, что задача христианской аскезы заключается

в борьбе не с телесным началом, но за тело, поскольку христианство усматривает в телесности не оковы, а Дом Божий... Христианство содержит в себе абсолютно иное постижение телесности. Телу сообщается в нем положительное и непреложное значение, поскольку, оно не только будет следствием греха или отпадением во что-то низшее, но есть первоизданная сущность... Телесность по существу своему вовсе не есть противоположность духу, ибо существует и духовная телесность, о которой говорит апостол Павел: «если есть тело душевное, есть и духовное» [2].

Ильин подчеркивает, что необходимо различать дух и душу человека: «Душа – это весь поток нетелесных переживаний человека, помыслов, чувствований, болевых ощущений... Дух – это, во всяком случае, лишь те душевные состояния, в которых человек живет своими главными, благородными силами и стремлениями, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Божеством – в умозрении, молитве и таинстве; словом, на то, что человек признает высшим и безусловным благом... Дух – это то, что объективно значительно в душе. Духовное делание предполагает должный уровень внутренней жизни, свободный от пошлости» [11].

Хироши Озава соотносил работу над личностью с работой Духа в фехтовании, говоря, что «нужно и следует помнить, что владение мечом очень точно и наглядно отражает нашу личность. У спортсмена со слабыми духовными способностями и характером будет посредственное и нестабильное Кендо. Ведь чтобы практиковать большой «Путь меча» необходимо обладать большой душой. Красивая манера и практика Кендо формируется как следствие огромного жизненного опыта. Поскольку опыт и стиль жизни неизбежно отобразятся в вашем фехтовании» [12].

Следовательно, мы можем говорить о вхождении спортсмена в определенное духовное состояние, где можем выделить следующие модельные подходы к данной проблеме: Первый подход образован на признании мистицизма и его опыта как непосредственного узрения сущности оригинала, в противовес опосредованному, логически проверяемому, рациональному знанию. Согласно данной модели, рациональное в проявлении мистического опыта понимается как сопутствующее и нечто вторичное,

которое существует только на уровне истолкований или рационализации полученного мистического переживания. Приверженцы данной модели полагают, что мистицизм изначально «чист». В этом случае духовность практически отделена от телесности и представляется как независимый факт «чистоты Духа», наития свыше.

Признание в понимании мистиками экстатического опыта данного «свыше», отображающего собой постижение и понимания Абсолютного, непосредственно нисколько не противоречит и изучению данного отображения как факта культуры, выраженного в опосредованных формах где, в свою очередь, это приводит к отказу от дихотомии в познании и понимании опосредованного и непосредственного.

Второй подход образован на включение гармоничного и рационального знания в сущность мистического переживания. Поскольку отрицание первичного всеобщего и «чистого» мистицизма и его опыта, ведет к признанию абстрактно-рациональных установок в сознании личности мистика и постоянно повторяющихся в различных культурно-религиозных традициях. Аргументируется также и включение мистицизма в орбиту «тео-онтологической» рациональности, с видением в нем интерсубъективного свойства культуры. Этот подход обозначает соотношение к «глубокой духовности» и соответствует практикам этноспорта и этнической спортивной специфики и деятельности.

Третий подход основывается на отрицании прямого, непосредственного характера иррациональных мистических переживаний и редуцирование их к опосредованным уже рациональным формам познания. Согласно такой версии, глубинный мистический опыт, который воспринимается как непосредственный, оказывается опосредованным социализацией, воспитанием и культурой [13]. В этом случае мы получаем вариант «поверхностной духовности» и как следствие наибольшее распространение даже на подсознательном уровне социальной рациональности. К примеру, спортивные психологи, зная историю и понимая истинную социальную природу спорта, наконец, перестали бы удивляться тяге к мистическому, сверхъестественному у опекаемых ими звезд большого спорта [14].

Таким образом, изучение рациональных основ мистицизма и его опыта, приоткрывает новые возможности понимания начал мировоззрения спортсмена, что сообщает философским версиям гносеологического процесса онтологическое значение в применении непосредственного или опосредованного знания и их соотношения.

Благодаря работе по выявлению рациональной составляющей в мистическом опыте возобновляются стремления симбиоза научных и мистических соображений, интерпретации мистических озарений в спортивной деятельности и в соответствии с философской традицией. Способность разума сохранять мистические переживания через суть своей уникальности и естественности позволяет сохранять данный опыт в мерцании мысли, не давая его основе раствориться в безграничности символики. Исследование рациональной составляющей мистицизма органично связано с проблемой традиционного философского понимания возможностей и пределов разума в познании и применении их в спортивной деятельности. Поэтому существует необходимость философского изучения специфики рационального познания в мистическом опыте поскольку, существует необходимость уточнения понятий «спиритуализм», «мистика» и «мистический опыт», что устранит возникновение специфической терминологической путаницей и как следствие размывание границ этих понятий в их применении и употреблении.

Приведенные выше теоретические построения могут показаться далекими от социальной практики современного российского общества. Однако они приобретают чрезвычайно высокую значимость в связи с воспитанием личности, становления личностной автономии молодого человека как единства телесного и духовного. Такой молодежный социальный проект мы условно обозначаем как «спортософия». Данный проект реализуется в деятельности Краснодарской региональной православной спортивно-патриотической общественной организации «СИЛА ЛОГОСА» (руководитель Бирюков Игорь Леонидович). Данная статья выполняется в рамках краевого гранта, распоряжение главы администрации (губернатора) Краснодарского края для социально ориентированных организаций от 29.06.2018 № 170-р «Возрождая

традиции – укрепляем Дух», программа в сфере духовно-культурного и физического воспитания.

Всестороннее философское исследование спорта позволит выяснить, при каких условиях возможно наполнение спорта духовными идеалами и культурными ценностями, определить перспективы его дальнейшего развития во взаимодействии с массовым спортом, который и сегодня демонстрирует свою гуманистическую направленность, выступая механизмом оздоровления населения, достижения самореализации и развития личности, служа средством борьбы против асоциальных явлений и девиантного поведения молодежи.

Таким образом, сущность мистического опыта, отображенного в понятийной форме, может квалифицировать его как одну из форм нетривиальной социальной рациональности. Обозначенные проблемные вопросы в понимании специфики рационального и мистического опыта, взаимосвязи телесности и духовности служат теоретической предпосылкой практического применения этого опыта в физкультурной и спортивной деятельности, который можно обозначить как спортософия, – особый проект развития и саморазвития молодежи. Суть этого проекта заключается в том, что социализация молодежи проходит через опыт формирования личностной автономии как единства телесного и духовного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.В. Теоретические, методологические и практические аспекты психологии преодоления в спорте // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2015. – № 4. – С. 211.
2. Булгаков С.Н. «Свет невечерний: Созерцания и умозрения». М. : Республика. – 1994. – 249 с.
3. Гончаров С.З. Логико-категориальное мышление : в 3 ч. Объективная основа возникновения и развития мысли. – Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2008. – С. 55-94.
4. Дрэггер Донн Ф. Современные будзюцу и будо: Яп. воин. искусства и принципы. – М. : Гранд : Фаир, 1998. – 361 с.
5. Зильберман Д.Б. Откровение в адвайте – веданте как опыт семантической деструкции языка // Вопросы философии. – 1972. – № 5. – С. 118.

6. Ильин И.А. Философия как духовное делание // Ильин И.А. Собр. соч. : в 10 т. М. : Рус. яз., 1994. – С. 23–24.

7. Константинов Д.В., Петров С.С. Философия физической культуры и спорта: перспективы метафизического подхода // Омский научный вестник. – 2012. – № 3. – С. 86.

8. Озава Х. Кендо. Меч – ваша душа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://znate.ru/igore-garshin-sushnoste-busido-soveti-masterov-edinoborstv--su.html?page=28>.

9. Передельский А.А. [и др.]. Рабочие заметки по философии спорта : методические материалы для магистрантов и аспирантов физкультурно-спортивных вузов. – М. : Физическая культура, 2011. – С. 25-30.

10. Попова Н.В. Духовно-нравственные основы молодежной политики в реальном секторе экономики // Образование и наука. – 2017. – № 6 (19). – С. 171.

11. Соболяникова Е.Н. Мистика и рациональность в культуре : монография. – СПб. : АИК, 2017. – С. 4-5.

12. Стрелков В.И. Духовность и творчество // Человек как философская проблема: Восток – Запад. – М. : Российский университет дружбы народов, 1991. – С. 200–201.

13. Kosiewicz J. Sportzawodowy, widowiskowy i olimpijski w kontekście pojęć spirituality i spiritualism oraz etyki normatywnej / Akademia Wychowania Fizycznego Józefa Piłsudskiego w Warszawie / Jerzy Kosiewicz // Filozoficzne i społeczne aspekty sportu i turystyki. 2016. P. 13-44.

14. Skrzypińska K. Czy duchowość jest tożsama z religijnością? Nowe perspektywy badawcze, „Przegląd Religioznawczy” 2004, nr 4/214, s. 14.

REFERENCES

1. Andreyev V.V. Theoretical, methodological and practical aspects of psychology of overcoming in sports. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta = Scientific Notes of the University Named after P.F. Lesgaft*, 2015, no. 4, p. 211. (In Russian).

2. Bulgakov S.N. *Svet nevecherniy: Sozertsaniya I umozreniya* [The Light Non-Evening: Contemplation and Speculation]. М., Respublika, 1994. 249 p.

3. Goncharov S.Z. *Logiko-kategorial'noye myshleniye: v 3 ch. Ob'yektivnaya osnova vozniknoveniya I razvitiya mysli* [Logic-categorical thinking: in 3 parts. Objective basis for the emergence and development of thought]. Yekaterinburg, Russian State Professional Pedagogical University, 2008 (2), pp. 55-94.

4. Dreger Donn F. *Sovremennye budzjutsu I budo* [Modern bujutsu & budo]. М., Grand Fair, 1998. 361 p.
5. Zilberman D.B. Revelation in Advaita Vedanta as an experience of semantic destruction of a language. *Voprosy Filosofii = Philosophy Issues*, 1972, no. 5, p.118. (In Russian).
6. Ilyin I.A. *Filosofiya kak dukhovnoye delaniye* [Philosophy as a spiritual work]. М., Rus. yaz., 1994 (3). pp. 23–24.
7. Konstantinov D.V., Petrov S.S. The philosophy of physical culture and sports: the perspectives of the metaphysical approach. *Omskiy Nauchnyy Vestnik = Omsk Scientific Bulletin*, 2012, no. 3, p. 86. (In Russian).
8. Ozava Kh. Kendo. *Mech – vasha dusha* [The sword is your soul]. Available at: <http://znate.ru/igore-garshin-sushnoste-busido-soveti-masterov-edinoborstv--su.html?page=28>. (In Russian).
9. Peredelskiy A.A. *Rabochiye zametki po filosofii sporta: metodicheskiye materialy dlya magistrantov I aspirantov fizkul'turno-sportivnykh vuzov* [Work notes on sports philosophy]. М., Fizicheskaya Kultura, 2011, pp.25-30.
10. Popova N.V. Spiritual and moral foundations of youth policy in the real sector of the economy. *Obrazovaniye I nauka = Education and Science*, 2017, no. 6 (19), p. 171. (In Russian).
11. Sobolnikova Ye.N. *Mistika I ratsional'nost' v kul'ture* [Mysticism and rationality in culture]. SPb., AIK, 2017, pp. 4-5. (In Russian).
12. Strelkov V.I. Spirituality and creativity. *Chelovek kak filosofskaya problema: Vostok – Zapad = Man as a philosophical problem: East – West*. М., RUDN University, 1991, pp. 200–201. (In Russian).
13. Kosiewicz J. Sport zawodowy, widowiskowy i olimpijski w kontekście pojęć spirituality i spiritualism oraz etyki normatywnej [Professional, spectacular and Olympic sport in the context of spirituality and spiritualism as well as normative ethics]. *Akademia Wychowania Fizycznego Józefa Piłsudskiego w Warszawie. Filozoficznej społeczne aspekty sportu I turystyki*, 2016, pp.13-44. (In Polish).
14. Skrzypińska K. Is spirituality the same as religiosity? New research perspectives. *Przegląd Religioznawczy = Review of Religious Studies*, 2004, no. 4/214, p. 14. (In Polish).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Похилько А.Д. Мистицизм и предельные состояния в спорте как вид социальной рациональности / А.Д. Похилько, И.Л. Бирюков // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 29–39.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pokhilko A.D., Biryukov I.L. Mysticism and limited conditions in sport as a type of social rationality / A.D. Pokhilko, I.L. Biryukov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 29–39. (In Russian).

УДК-101.1:316

Глечян Эдуард Русланович

аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Коллегия адвокатов «Ника» АПКК (г. Краснодар)

Glechyan Eduard Ruslanovich

post-graduate student, Armavir State Pedagogical University, "Nika" Bar Association of Agroindustrial Complex (Krasnodar)

Шматько Александр Александрович

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир)

Shmatko Alexander Alexandrovich

Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences of Armavir State Pedagogical University (Armavir)

ЧЕЛОВЕК КАК СОЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: СОЦИАЛЬНО ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

HUMAN AS A SOCIAL SUBJECT OF LEGAL CONSCIOUSNESS: SOCIAL PHILOSOPHICAL ASPECT

Аннотация:

рассматривается и уточняется понятие «социальный субъект» применительно к правовому сознанию личности. Делается вывод о том, что индивид становится полноценным социальным субъектом и может иметь автономное правовое сознание с достижением дееспособности, т. е. того возраста, когда индивид в силу Закона приобретает все права и обязанности, может ими руководствоваться и нести ответственность.

Abstract:

the concept of “social subject” as applied to the legal consciousness of a personality is considered and clarified. It is concluded that the individual becomes a full-fledged social subject and may have an autonomous legal consciousness with the attainment of capacity, i. e. the age when an individual acquires all rights and obligations by Law, may be guided by it and be responsible for it.

Ключевые слова:

право, человек, личность, правовое сознание, автономность правового сознания, социальный субъект.

Keywords:

law, human, personality, legal consciousness, autonomy of legal consciousness, social subject.

Прежде всего, в настоящей статье нам необходимо раскрыть смысл понятия «социальный субъект правового сознания». Для этого обратимся к источникам, раскрывающие общий смысл понятия «субъект». В классической

философии субъектом признается носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект [8, с. 661].

Как мы видим из данного определения, субъектом может быть как индивид, так и социальная группа. Но так ли обстоит дело по отношению к «социальным субъектам» и «социальным субъектом правового сознания»? Можно сказать, что субъектами правового сознания могут быть как люди, т. е. физические лица, так и иные социальные субъекты, начиная с организаций различных видов собственности, территориальные образования, нации, этносы, в конце концов, и само государство. Но тут имеется некое различие между «социальным субъектом» и «социальным субъектом правового сознания». Хотя данная работа ориентирована на философский аспект, тем не менее, мы должны обратиться и к правовым источникам.

По смыслу статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью [1]. Но это не означает, что новорожденный малыш может, к примеру, самостоятельно осуществлять определенные сделки. Разумеется, нет, однако от его имени и в его интересах в различные правоотношения могут выступать законные представители (иные представители в силу закона). В данном случае нам также необходимо вспомнить, что значит правовое сознание.

В развитии темы автономности правового сознания мы можем констатировать, что правовое сознание представляет собой специфическую рефлексию социального субъекта на право, и в его сущностном определении аспекты свободы и равенства обязательно включаются него [6]. Если мы хотим говорить о том, является ли человек полноценным социальным субъектом правового сознания, то мы должны раскрыть и смысл понятия «дееспособность». По смыслу статьи 21 Гражданского кодекса РФ под дееспособностью понимается способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность). Она возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Из приведенных норм права мы видим, что правоспособность гражданина возникает с момента его рождения, а дееспособность с момента достижения совершеннолетия. Тогда можем ли мы говорить, что с момента рождения и до достижения совершеннолетия человек может быть социальным субъектом правового сознания, имеющим именно смысл автономности, самозаконности? В идеале это представить возможно, но на практике это реализовать сложно. Во-первых, под автономией мы понимаем свободу. В контексте правового сознания, мы автономию должны противопоставить гетерономии, т. е. всему тому, что мешает свободе. Во-вторых, мы автоматически должны подразумевать и то, что субъект, т.е. человек должен знать и само право, поскольку право выступает в роли объекта – источника активности субъекта. В-третьих, мы должны понимать, что с момента рождения и до совершеннолетия человек только формируется как личность. В этот промежуток времени он является подконтрольным субъектом со стороны родителей, преподавателей, социальных работников и тому прочее.

Практически все действия, регламентированные в статье 18 Гражданского кодекса РФ – «содержание правоспособности граждан» не могут быть реализованы субъектом в возрасте до достижения совершеннолетия без ведома законных представителей, – опекунов, иных социальных работников. В силу закона несовершеннолетние граждане частично лишены правовой автономии, даже если им хотелось бы быть полностью свободными.

Следовательно, мы можем говорить, что индивид – это тоже социальный субъект правового сознания. Но тут следует оговориться, что полноценным автономным социальным субъектом именно правового сознания может быть только лицо, достигшее полной дееспособности, поскольку у него с достижением совершеннолетия возникает возможность в полной мере рефлексировать на право, осознавать право как важнейшую ценность, как объект культуры. Но о лице, не достигшем совершеннолетия, мы можем сказать, что это лицо также является социальным субъектом правового сознания, но оно как бы «неполноценное», гетерономное, и не может быть автономным, поскольку оно не содержит в себе

тех необходимых критериев, которые отвечали бы автономности и полной социально-правосознательной субъектности.

Самый важный момент для уяснения исследуемой темы – это определиться с субъектом и объектом правового сознания, поскольку правовое сознание ориентировано не только на познание права, но и познание ответственности в случае нарушения правовых предписаний.

К примеру, по смыслу конституционного права, конституционно-правовую ответственность могут нести те, кто обладает деликтоспособностью, т. е. это два вида субъектов: индивидуальные и коллективные. К первой категории относятся: граждане государства, депутаты законодательных органов государственной власти и местного самоуправления, должностные лица, а ко второй категории относятся: органы государственной власти, органы местного самоуправления, объединение граждан и других социальных образований. Сюда же мы можем отнести и коммерческие организации различных форм собственности, которые также могут нести юридическую ответственность... Самостоятельным субъектом конституционно-правовой ответственности является государство [3, с. 55].

Мы видим, что социальный субъект именно правового сознания не только надиндивидуальный субъект, но и индивид, поскольку индивид тоже является субъектом ответственности, и не только субъектом ответственности, но и высшей ценностью государства, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства [4].

Далее, в развитии данной темы, необходимо рассмотреть то, каким бывает право, и на что ориентировано правовое сознание. Принято считать, что право делится на позитивное и естественное. В первом случае бланкетно регулируются нормы поведения, а во втором случае, это право возникает у человека из законов природы и к общественному императиву отношения не имеет. Следовательно, мы не можем говорить, что естественное право есть социальное явление. Но позитивное право, как объект социального явления, помимо прочего, призвано не регулировать природные императивы естественного права, а «сторожить» нерушимость естественных прав человека. В тоже время, говоря о социальных субъектах правового сознания, мы не можем из общего контекста правового сознания

в качестве объекта выделять естественное право, оставив лишь только позитивное. Таким образом, и в этом ракурсе, в контексте неделимости цельного права (естественного и позитивного) мы можем говорить, что человек есть социальный субъект правового сознания, ибо социальные нормы балансируют стабильность соблюдения естественные индивидуальные прав человека, данных ему от природы. Лишив человека естественных прав, оставив только социальные (позитивные) законы, мы вообще не можем говорить о подлинно автономном правовом сознании. Человек превратится в роботизированный предмет исполнения законов, писанных на бумаге, он превратится в бездушное существо, не будет носителем предметно-практической деятельности и познания, источником активности, направленной на правовой объект, вопреки предписанию общефилософской концепции понятия субъект.

Кроме того, следует признать, что как человек, так и общество имеет свой дух, и, как утверждает И.В. Шабалин, дух принадлежит к одной из базовых характеристик человека и общества. Исследуя тему социального духа, И.В. Шабалин утверждает, что дух мыслится как идея, смысл, сущность или «разум». В этом смысле дух рассматривается в качестве единства идеального порядка, как, например, «единство идей», «дух законов», «дух природы». По его мнению, как обществу, так и человеку свойственны трихнометрические уровни: тело, душа и дух [9]. Действительно, автономное правовое сознание, предполагающее полную свободу понимания и применения права, связано с наличием духа. Этот дух проявляет себя как в индивидуальной, так и в надиндивидуальной (общественной) форме. При этом общественное и индивидуальное в субъекте тесным образом между собой взаимодействуют.

В исследуемой теме также заслуживает внимания мысль Спинозы, который утверждал, что «Сила, с которой человек пребывает в своем существовании, ограничена, а ее бесконечно превосходит могущество внешних причин». В обоснование изложенного Спиноза приводит пример: «...если существует А, то существует далее и другое, например В, еще более могущественное, чем А, и так до бесконечности...» [7, с. 227]. Действительно, сам по себе человек, по крайней мере, в рамках природы, в силу своего

сознания является могущественным существом, наделенный способностью мыслить. Это его возвышает относительно остального животного мира, делает сильнее. Объединившись в общество, люди позволяют ему становиться могущественной силой, стоящей над индивидуумом. Человек наделил общество полномочиями Законодателя, Исполнителя, Карателя и т. п.

Общество состоит из множества людей, наделенных способностью мыслить. Различие правосознательной субъектности индивида и общества состоит в том, что обществу больше присущи институциональные возможности правового сознания, поскольку общество в лице государства или иных политических институтов вырабатывает и толкует порядок общежития, а человек, в силу того, что объединившись в общество для того, чтобы оно его охраняло, обязан как субъект правового сознания следовать правилам общества. Но в тоже время, и общество обязано подчиняться как законам, принятым им самим, так и самому человеку, поскольку, в силу Конституции – не кто-то, а именно человек является высшей ценностью государства.

В качестве примера ответственности государства перед человеком можно указать, что иски за незаконное осуждение или привлечения к иной ответственности предъявляются государству, и государство в лице суда принуждает государство в лице Минфина или иного органа выплатить жертве незаконного осуждения компенсацию. То есть как человек – социальный субъект правового сознания, так и общество – тоже социальный субъект правового сознания должны осознавать неизбежность ответственности за нарушение законов, как позитивных, так и естественных.

То, что индивид является социальным субъектом, подтверждают и иные конституционные нормы, к примеру, избирательное право. По смыслу ч. 2 ст. 32 Конституции РФ граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Данной норме самого главного Закона страны корреспондируют и иные правовые акты, такие как: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 N 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных

прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», Федеральный закон от 26.11.1996 N 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» (вместе с «Временным положением о проведении выборов депутатов представительных органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления в субъектах Российской Федерации, не обеспечивших реализацию конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления»). Необходимо подчеркнуть, что избирательное право у индивида возникает с момента достижения 18-летнего возраста (дееспособности).

Индивид наделен полномочиями, способностью достигать важных социально значимых целей, как активным образом, так и пассивным. Активное избирательное право Конституционный суд Российской Федерации интерпретирует, как право избирать своих представителей в органы государственной власти и органы местного самоуправления, и пассивное, т. е. право быть избранным в эти органы [5].

Еще одна черта, которая характеризует социального субъекта – это возможность иметь и менять свой статус (формальный, неформальный) и социально рефлексировать, т. е. производить изменение своей социальной организации, структуры и иерархии. В этом аспекте заслуживают внимания труды И.Е. Ким. Синтезируя понятие «физическая сущность лица» и «социальный статус», И.Е. Ким выводит понятие «социальное лицо», которое приобретает возможность изменять свой статус. Выделяет понятие неформальный и формальный статус лица. В первом случае, всякий индивид с помощью поступка – знакового действия – меняет отношение к себе других лиц. Во втором случае у индивида есть возможность самостоятельно изменить и свой формальный статус. В качестве примера, И.Е. Ким указывает на многочисленные факты самозванства, которые существовали исторически (Пугачевский бунт и т. п.), и ссылается на художественные произведения классиков («Ревизор», «Капитан Дикштейн»). По мнению И.Е. Кима, сложные социальные субъекты, как и

физические лица, способны проявлять социальную рефлексию и изменять свою знаковую составляющую. Любые выборы, референдумы являются социальной рефлексией – изменением, которое сложный социальный субъект производит со своей социальной организацией, структурой и иерархией [2, с. 48].

Резюмируя изложенное и делая вывод из всего сказанного, можно утверждать, что индивид есть социальный субъект, который наделен правовым сознанием. Но в данном случае можно предположить, что индивид становится полноценным социальным субъектом и может иметь автономное правовое сознание с достижением дееспособности, т. е. того возраста, когда индивид в силу Закона приобретает все права и обязанности, может ими руководствоваться и нести ответственность. По достижении дееспособности индивид получает возможность достигать социально-значимых целей. До достижения 18-летнего возраста лицо Законом несколько ограничено в своих возможностях, и этому есть логическое объяснение. Прежде всего, учитывается психофизиологическое состояние подростка, что в свою очередь существенно влияет на автономию сознания в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.06.2018) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301; Российская газета. № 238-239, 08.12.1994.

2. Ким Е.И. Социальные субъекты: принципы номинации // Вестник Новгородского гос. ун-та. Сер. Филология. История. – 2010. – № 57. – С. 47–51.

3. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. – 3 изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 585 с.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.06.2002 N 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 64, пункта 11 статьи 32, пунктов 8 и 9 статьи 35, пунктов 2 и 3 статьи 59 Федерального закона

«Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Тульского областного суда» // Российская газета. – № 107. – 18.06.2002.

6. Похилько А.Д. Концептуализация феномена автономности правового сознания / А.Д. Похилько, Э.Р. Глечян // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 1, № 1. С. 47-55.

7. Спиноза Б. Этика / Бенедикт Спиноза ; пер. с лат. Н.А. Иванцова. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 336 с.

8. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

9. Шабалин И.В. Сущность и социальная природа духа // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. – № 1 (11). – С. 113-118.

REFERENCES

1. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 11.30.1994 N 51] N 51-FZ (red. ot 23.05.2018) (s izm. I dop., vstup. v silu s 03.06.2018). Sobraniye zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, N 32, st. 3301; *Rossiyskayagazeta = Russian Newspaper*, no. 238-239, 08.12.1994. (In Russian).

2. Kim Ye.I. Social subjects: the principles of nomination. *Vestnik Novgorodskogo gos.un-ta. Ser. Filologiya. Istoriya = Bulletin of Novgorod State University. Series Philology. History*, 2010, no. 576 pp. 47–51.

3. Kozlova Ye.I., Kutafin O.Ye. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia.]. M.: Yurist, 2002. 585 p.

4. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [The Constitution of the Russian Federation] (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ).

5. *Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 11.06.2002 N 10-P* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 11, 2002 No. 10-P] «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 1 stat'i 64, punkta 11 stat'i 32, punktov 8 i 9 stat'i 35, punktov 2 i 3 stat'i 59 Federal'nogo zakona «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastiye v referendum grazhdan Rossiyskoy Federatsii» v svyazi s zaprosami Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsiii Tul'skogo oblastnogo suda». *Rossiyskayagazeta = Russian Newspaper*, no. 107. 18.06.2002.

6. Pokhil'ko A.D., Glechyan E.R. Kontseptualizatsiya fenomena avtonomnosti pravovogo soznaniya. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2018, V. 1, no. 1. pp. 47-55.

7. Spinoza B. *Etika* [Ethics]. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. 336 p.

8. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1983. 840 p.

9. Shabalin I.V. The essence and social nature of spirit. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Volgograd State University*. 2010. No 1 (11), pp. 113-118.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глечян Э.Р. Человек как социальный субъект правового сознания: социально философский аспект / Э.Р. Глечян, А.А. Шматько // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 40–49.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glechyan E.R., Shmatko A.A. Human as a social subject of legal consciousness: social philosophical aspect / E.R. Glechyan, A.A. Shmatko // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 40–49. (In Russian).

УДК-128: 008

Губанова Марина Александровна

кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры философии,
права и социально-гуманитарных
наук ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)

Gubanova Marina Aleksandrovna

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Department of
Philosophy, Law and Social and
Humanitarian Sciences, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)

КОГНИТИВНЫЙ ТРАНСГУМАНИЗМ КАК ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

COGNITIVE TRANSHUMANISM AS SPIRITUAL CULTURE FORMING

Аннотация:

рассматривается познавательная деятельность человека, направленная на самого себя, попытки современного человека выйти за пределы собственной природы с помощью саморефлексии (когнитивный трансгуманизм). Автор предлагает новый термин – «когнитивный трансгуманизм» – для выявления возможностей конструктивного диалога между сторонниками и противниками трансгуманизма, полагая, что такой когнитивный трансгуманизм может послужить своего рода научной деонтологией. Подчеркнуто, что сам человек и создаваемые им культурные формообразования, в отличие от продуктов чистой формализации науки, бессубъектных форм, обладает качеством эмергентности. В этом отношении в качестве вывода отмечается, что в отношении духовности возникает самая серьезная проблема: не станут ли аутентичные смыслы

Abstract:

the article considers the cognitive activity of man, aimed at himself, the attempts of a modern human to go beyond his own nature with the help of self-reflection (cognitive transhumanism). The author proposes a new term “cognitive transhumanism” to identify opportunities for a constructive dialogue between supporters and opponents of transhumanism, believing that such cognitive transhumanism can serve as a kind of scientific deontology. It is emphasized that the person himself and the cultural formations created by him, unlike the products of pure formalization of science, of subjectless forms, possess the quality of emergence. In this regard, as a conclusion, it is noted that with regard to spirituality the most serious problem arises: will not the authentic meanings of human existence become appendages of the artificial spirituality of a new subject – artificial intelligence?

*человеческого существования
придатками искусственной
духовности нового субъекта –
искусственного интеллекта.*

Ключевые слова:

*формы культуры,
формообразование духовной
культуры, формализация науки и
культуры, трансгуманизм,
когнитивные науки, когнитивный
трансгуманизм, синергия, принцип
эмергентности.*

Keywords:

*forms of culture, formation
of spiritual culture, formalization
of science and culture,
transhumanism, cognitive sciences,
cognitive transhumanism, synergy,
the principle of emergence.*

Актуальность проблемы гуманизма заключается в необходимости решения ряда гуманитарных, социальных и экологических проблем, которые выражают непрерывное возрастание роли гуманистического направления в культуры в современном мире. Суть реального (а не фантастического) трансгуманизма, в отличие от постгуманизма или антигуманизма, заключается в попытках практического усовершенствования человеческой природы с помощью науки и техники, т. е. в продолжении и развитии линии гуманизма [5]. Современная наука прочно вошла в жизнь каждого человека, стала решающим фактором формирования мировоззрения и духовного мира человека, его социальной практики. Однако она не может и, наверное, не должна брать на себя функцию творца человека, т. е. полного преобразования его природы. На практике современная наука и техника компенсируют некоторые природные недостатки человека, облегчают страдания и дают возможность противостоять болезням и отдалять смерть.

Когнитивный трансгуманизм – это теоретико-методологическое моделирование самых радикальных преобразований человеческой природы, выявление связанных с этим рисков и обсуждение в диалоге необходимости запретов или разрешений движения науки и практики, особенно генных технологий, в определённых направлениях. Мы предлагаем этот термин для обозначения направления в развитии науки и техники, которое может быть названо «упреждающей деонтологией» междисциплинарных исследований и их технологических применений.

Макс Вебер, выражая свое отношение к науке, говорил о строгой специализации как необходимом условии достижения научного прорыва, однако, все чаще исследования ведутся в междисциплинарных областях. Такое смешение происходит постоянно, притом по необходимости, и тогда у исследователя возникает опасение, что его труды могут быть использованы специалистом в качестве полезной постановке вопроса [3]. По мнению отечественного философа М.К. Мамардашвили, если мы смогли поставить вопрос о том, каким должен быть мир, чтобы мы задавали о нем вопросы, то мы уже делаем первые шаги в попытке получить ответ [6].

Цель данной статьи есть искание в определенном направлении, обозначенное как перспектива философской рефлексии над современными междисциплинарными исследованиями – когнитивный трансгуманизм. Главной задачей здесь является мировоззренческий и методологический диалог. Для диалога вопросы важнее ответов.

Достижения в нейрофизиологии, информатике и кибернетике дают возможность расширить познавательные границы и увеличить информационный потенциал человека, но даст ли это качественные изменения, и если да, то какие? Теперь мы выходим на передний край науки, который заключается в постановке проблемы. На пути понимания познавательных границ мы не преодолели множество парадоксов, представленных еще в ранних направлениях неореализма А. Уайтхедом, Б. Расселом и Дж. Муром, дальнейшее развитие которых приобрело направление логического анализа, заложенного Б. Расселом и продолженного Л. Витгенштейном. Наука движется по пути возрастающей формализации и математизации. В свою очередь, противоположным процессом выступает процесс культурного формообразования, наполняющий эти формы новыми содержательными элементами. Когнитивный трансгуманизм – это своего рода современное культурное формообразование, которое в духе диалогической этики позволило бы перекинуть хотя бы шаткий мостик над пропастью непонимания между ярыми сторонниками трансгуманизма и столь же непримиримыми его противниками. Противники трансгуманизма с полным правом могут упрекнуть оппонентов в том,

что «научные материалисты» возрождают тенденции вульгарного материализма, отбрасывая проблему активности формы.

В античной философии Аристотель пришел к мысли, что материя сама по себе не активна, она есть только пассивная неизменная возможность. Реализовать материю (сделать возможность действительностью) можно в процессе объединения ее с активной формой. Именно форма порождает отдельные вещи. Но, поскольку форма активна, она сама является движущей силой, т. е. соотношение «форма – материя» (а позднее «форма-содержание») не predeterminedены раз и навсегда, это динамичный процесс, предполагающий симбиотические комбинации. Таким образом, мы приходим к понятию культурного формообразования [9], как единства процесса культурно-исторического творчества и результата этого процесса – устойчивых форм человеческой субъективности.

Мы различаем когнитивный гуманизм как мировоззрение и методологию, с одной стороны, и когнитивные науки, с другой стороны. Когнитивные науки являются особенными научными дисциплинами. Их сложность обусловлена внутренними связями и спецификой используемых методов, лежащих на стыке дисциплин, традиционно занимающихся сходными проблемами – психологии, философии, антропологии, нейрофизиологии и т. д. Как правило, термин «когнитивная наука» подразумевает сложную систему, состоящую из большого количества областей научного познания, имеющих отношение к изучению мышления и интеллекта. При этом когнитивные науки интересны тем, что позволяют приблизиться к пониманию такого качества сложных систем как эмергентность (эмерджентность). Как сам человек, так и культурные формообразования, имеющие надындивидуальный характер, проявляют это качество в высшей степени.

Как писал в свое время А.А. Богданов, в сложных системах противостояние пассивного и активного компонентов дает гораздо большее значение, чем простая сумма всех его составляющих, он назвал это принципом эмергентности (эмерджентности) [2]. Закон синергии, позднее описанный И. Пригожиным и Г. Хакеном, уточняет, что в сложной системе главное – соблюсти баланс, сохранить целостность; элементы могут кооперироваться

так, что эффект будет колебаться от низкого до максимально возможного при имеющемся сочетании ресурсов [10]. Человек тоже является системой с возможностью осознавать часть своих компонентов и интегрировать их осознанно, но прогнозировать результат можно только с определенной долей уверенности.

Ввиду такой сложности синергетики ее принято сводить к более простым составляющим. Когнитивный трансгуманизм – уравнение с множеством неизвестных, для лучшего понимания мы тоже начнем его рассматривать с более простых элементов. Прежде всего, интерес представляет гуманизм – от лат. «homo, humanus, humanitas» – человек, человеческий, человеческая природа. К. Леви-Стросс выделяет три вида гуманизма:

- интерес к человеку в античной философии – назовем его протогуманизм, который подразумевал формы самосовершенствования для избранных;

- гуманизм эпохи Возрождения, впервые человек признается свободным существом, познающим и творящим самого себя. Дальнейшие исследования углубляли эту тему, развивая идею саморазвития индивидуальности и создания идеального общества [8];

- антигуманизм – поворот к «дегуманизации», отказу от человеческого в человеке (сам Леви-Стросс отказывался от причастности к этому направлению), характерный для философии Ф. Ницше и Ж.-П. Сартра.

В экзистенциальной философии К. Ясперса человек предстает единством «наличествования» и потенциальных возможностей, синтез этих начал есть истинное существование. При добавлении временного фактора в эту систему, мы получаем «момент» – единство вечности и мимолетности. Историчность какой-либо вещи подчеркивают в том случае, если хотят напомнить, что она имеет историю, которую нужно знать, чтобы понять сущность этой вещи [11]. Человек – это историчность, а история – это человечность. Эта мысль нашла свое дальнейшее развитие в позитивном экзистенциализме [7].

На заре цивилизации первобытный человек не был отделен от мира, это была система, не осознающая свои компоненты. Современный человек отстранился от мира, стал личностью. Однако, разделение частей

«мир» – «человек» в единой системе порождает новую силу – осознание смертности, когда человека охватывает весь ужас бытия и осознание своей собственной малости, ничтожности и беспомощности. Понятию страха экзистенциализм придает особое значение. Перед человеком встают самые общие, «последние», вечные вопросы о жизни и смерти, о смысле жизни. Одна только религия не дает всех нужных человеку ответов и не может стабилизировать систему. К этому процессу подключаются философия и наука, научное мировоззрение. Кстати, трансгуманизм также по-своему отреагировал на проблему смертности человека, развивая идею иммортализма, которую иногда считают суть трансгуманизма.

Современное понятие «гуманизм» появляется в работах датского философа конца XIX – начала XX века Габриэля Сибберна. Специфика его заключается в отстаивании права человека на познание мира без Бога. Но крайний рационализм может быть опасен так же, как и теоцентризм. Современная наука руководствуется принципом утилитаризма, игнорируя и отбрасывая компоненты сложной системы, протекающие в скрытой форме. Остаются части, кооперация которых выглядит наиболее эффективной для человечества в целом. В связи с этим новое формообразование духовной культуры – трансгуманизм – отражает реальные потребности современного человека.

Трансгуманизм (от «trans» – «сквозь, через») – междисциплинарное движение, направленное на использование научных достижений во благо и в интересах людей, улучшение качества их жизни. Данное направление можно заподозрить в антигуманизме, если вспомнить идею Сверхчеловека Ницше, предлагаемый им полный нигилистический отказ от некоторой «человечности», т. е. от религиозной духовности и морали в пользу прогресса и искусственной эволюции. Например, в настоящее время эту идею воплощает направление «биохакинг», аплоадинг. Однако, в сущности, трансгуманизм нельзя полностью отождествлять с антигуманизмом, поскольку он пытается справиться со страхом смерти и бренности человеческого бытия, болезнями и инвалидностями человека средствами науки и техники. В этом смысле трансгуманизм напоминает религию, поскольку обещает спасение и улучшение качества жизни всем

страдающим. Христианство привлекало получением благодати приверженцами веры независимо от социального статуса. Трансгуманисты обещают еще более привлекательное спасение – для праведников и грешников, верующих и атеистов, опираясь не на веру, а на знание.

Такую уверенность дают более стабильные компоненты системы познания – естественные и точные науки, но при соотнесении данных все равно требуют метатеоретического подхода, т. е. обращаются за помощью к гуманитарным наукам и философии в вопросе интерпретации, систематизации и обобщения полученных данных (или целых систем), которые – в рамках одной науки – несопоставимы. Требуется объединение компонентов с целью достижения максимальной эффективности процесса познания. Такую задачу пытается решить особый вид трансгуманизма – когнитивный трансгуманизм. Когнитивный трансгуманизм – формообразование духовной культуры с активной структурой, его, как правило, поддерживает не только небольшая группа ученых и специалистов, но и широкие круги молодежи. Молодежь склонна к экспериментированию над телом и душой.

Отдельные части, предпосылки когнитивного трансгуманизма существовали – в том или ином виде – в разных научных и философских теориях, однако до сих пор не были синтезированы в единое целое. У Н.А. Бердяева методом познания окружающего мира выступала психотехника сенсорной депривации. Для этого он обращался к религиозной практике; особенность его мыслеформ в том, что процесс познание движется в замкнутом пространстве от парадокса к парадоксу, интегрируя противоречие в единство [1]. Современный нейробиолог Дэвид Иглмен приходит к тем же выводам, утверждая, что кроме «сознания» никакого мира для человека не существует вообще. Разум играет с цветом, формой, пространством, временем и нашей личной памятью [4]. Таким образом, человеческий мир – это автономия сознания, причем абсолютная, виртуальная нейрореальность.

Информационное общество требует синхронизации субъекта (человека) и его творений (информационных технологий), что приводит к формализации духовной культуры. Формализация, в свою очередь создает основу для формообразования. Принцип возрастания когнитивного потенциала,

концентрации разума – это принцип культурного синтеза; он пронизывает современную культуру и процесс формообразования духовной культуры. В науке формализация видна, так сказать, «в чистом виде». В других областях культуры часто она протекает в неявном виде. Процессы своеобразной формализации идут в искусстве, морали, философии, религии. Важно соблюдать баланс между тенденцией формализации и тенденцией процесса адекватного формообразования в культуре.

Таким образом, когнитивный трансгуманизм как культурное формообразование синтезирует два вектора анализа: первый – это социальный детерминизм значений (наука и техника), второй – антропологический детерминизм смыслов (философия, религия, искусство). Сочетание этих двух векторов образует ценности. Ценности можно представить либо как универсальные смыслы, либо как конкретизированные социальные значения. Именно на основе ценностей должен идти диалог между наукой и религией. К этому диалогу естественно подключаются философия, искусство. Мораль. Духовность относится к социальному измерению человека, а смыслы – к осознанию неопредмеченной индивидуальной субъективности с ее смысловыми образованиями. Здесь совершенно необходимо связать философию и искусство, религию и науку. Духовное не детерминировано. Оно противоположно формам детерминизма. Дух приходит не из природного мира, а является прорывом в этом отчужденном мире. Он имеет добытийную природу, то есть существует до бытия, это прорыв в новое бытие. В отношении духовности как раз и возникает проблема: не станут ли аутентичные смыслы человеческого существования придатками искусственной духовности нового субъекта – искусственного интеллекта. Возникает ряд серьезных рисков. Однако наука и техника – это судьба современного человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Самопознание. – М.: АСТ, 2015. – 416 с.
2. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. В двух книгах. Кн. 1. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
3. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 768 с.

4. Инглмен Д. Мозг: ваша личная история. – М.: Азбука-Аттикус, 2016. – 270 с.
5. Луков В.А. Трансгуманизм // Энциклопедия гуманитарных наук. 2017. №1. С. 245-252. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28967561> (дата обращения 29.11.2018).
6. Мамардашвили М.К., Формы и содержание мышления. – М.: Азбука Бизнес, 2011. – 288 с.
7. Микеева О.А. Проблема конституирования персональной идентичности в аспекте индивидуальной историчности. – Ставрополь: Философия права. – 2009. – № 6. – С. 65-69.
8. Мор Т., Кампанелла Т. Утопия. Город солнца. – М.: Алгоритм, 2014. – 256 с.
9. Похилько А.Д., Губанова М.А., Формообразование духовной культуры: философский анализ // Научные изыскания современности: проблемы и решения: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, г. Иваново, 15 февраля 2018 г. – Иваново : ИП Цветков А.А., 2018. – 76 с. – С. 30-32
10. Пригожин И.Р., Хакен Г., Эбелинг: Синергетика. Антология. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 408
11. Ясперс К. Разум и экзистенция. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2013. – 336 с.

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. *Samopoznaniye* [Self-knowledge]. M., AST, 2015. 416 p.
2. Bogdanov A.A. *Tektologiya: vseobshchaya organizatsionnaya nauka. V dvukh knigakh* [Tectology: general organizational science]. Book 1. M., Ekonomika, 1989. 304 p.
3. Veber, M. *Izbrannoye. Obraz obshchestva* [Selected works. The image of society]. M., Centr gumanitarnykh initsiativ, 2017. 768 p.
4. Inglmen, D. *Mozg: vasha lichnaya istoriya* [Brain: your personal story]. M., Azbuka-Attikus, 2016. 270 p.
5. Lukov V.A. Transhumanism. *Entsiklopediya gumanitarnykh nauk = Encyclopedia of humanities*, 2017, no. 1, pp. 245-252. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28967561> [In Russian].
6. Mamardashvili M.K. *Formy i soderzhaniye myshleniya* [Forms and content of thinking]. M., Azbuka Biznes, 2011. 288 p.
7. Mikeyeva O.A. The problem of constituting personal identity in the aspect of individual historicity. Stavropol', *Filosofiya prava= Philosophy of law*, 2009, no. 6, pp. 65-69. [In Russian].

8. Mor T., Campanella T. *Utopiya. Gorod solntsa* [Utopia. City of Sun]. М., Algoritm, 2014. 256 p. [In Russian].

9. Pokhil'ko A.D., Gubanova M.A., The Formation of Spiritual Culture: Philosophical Analysis. *Nauchnyye izyskaniya sovremennosti: problemy i resheniya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Scientific Research of the Present: Problems and Solutions. A collection of scientific papers of the I international scientific conference*, Ivanovo, 15 fevralya 2018: IP Tsvetkov A.A., 2018, pp. 30-32. [In Russian].

10. Prigozhin I.R., Khaken G., *Ebeling: Sinergetika. Antologiya* [Synergist. Anthology]. М., Centr gumanitarnykh initsiativ, 2013. 408 p. [In Russian]ю

11. Yaspers K. *Razum i ekzistentsiya* [Reason and Existence]. М., Kannon+ROOI «Reabilitatsiya», 2013. 336 p. [In Russian]ю

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Губанова М.А. Когнитивный трансгуманизм как формирование духовной культуры / М.А. Губанова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1, – С. 50–59.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gubanova M.A. Cognitive transhumanity as spiritual culture forming / M.A. Gubanova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 50–59. (In Russian).

УДК-159.9.01

Руденко Андрей Михайлович

заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты, доктор философских наук, доцент (г. Шахты)

Киреева Людмила Евгеньевна

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донского государственного технического университета» в г. Шахты (Шахты)

ГЕНЕЗИС СТРАХА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация:

в статье раскрываются генетические корни человеческого страха в современной культуре. Авторы показывают, что различные формы и виды страхов сопровождают человечество на всех культурно-исторических этапах его существования. В условиях современной культуры решающее влияние на человека оказывают три типа страха: экзистенциальный страх, социальный страх и страх смерти. Генезис страха человека в современном социокультурном пространстве обусловлен превращением личности из коллективного в существо индивидуализированное.

Rudenko Andrey Mikhaylovich

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty (Shakhty)

Kireeva Lyudmila Evgenyevna

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty (Shakhty)

GENESIS OF HUMAN FEAR IN MODERN CULTURE

Abstract:

the article reveals the genetic roots of human fear in modern culture. The authors show that various forms and types of fears accompany mankind at all cultural and historical stages of its existence. Under the conditions of modern culture three types of fear have a decisive impact on the person: existential fear, social fear and fear of death. Genesis of human fear in modern sociocultural space is caused by the transformation of the personality from a mainly collective being to an individualized being. Sociocultural prerequisites of fears of a modern person are determined by two types of the reasons: first, reasons connected with the specifics of the structure of modern societies

Социокультурные предпосылки страхов современного человека детерминированы двумя типами причин: во-первых, это причины, связанные с самой спецификой структуры современных обществ, породившей базовый страх перед свободой, одиночеством и неопределенностью; во-вторых, это причины, связанные с конкретными жизненными обстоятельствами.

generating basic fear of freedom, loneliness and uncertainty; secondly, reasons connected with specific life circumstances.

Ключевые слова:

генезис, страх, человек, современность, культура, философия.

Keywords:

genesis, fear, person, modernity, culture, philosophy.

Относительно генезиса истоков страха человека в современном социокультурном пространстве блистательно написал Н.А. Бердяев: «Страх правит миром. Власть по природе своей пользуется страхом. Человеческое общество было построено на страхе. И потому оно было построено на лжи, ибо страх порождает ложь. Есть боязнь, что правда уменьшит страх и помешает управлять людьми. Чистая правда могла бы привести к падению царств и цивилизаций... Периодически управление страхом приводит к тоталитарному строю и к террору. Во всякий авторитет входит элемент страха. И противоположна страху свобода. Истина о свободе скрывалась из страха» [3, с. 287–288]. Философ, таким образом, увязывает сущностные и специфические процессы, происходящие в социокультурном пространстве, с управлением страхом. Он убеждает в том, что страх позволяет не только управлять массами, но и сами массы в качестве оружия управления используют страх. Однако он порождает недоверие, жестокость человека. Он проникает как в индивидуальную, так и в социокультурную жизнь человека и касается как жизни, так и смерти. «Забота, необеспеченность жизни в конце концов порождают страх... Замученный человек боится истины, он думает, что правда его ранит» [3, с. 288], – заявляет Н.А. Бердяев. Это порождает конфликт истины и страха, разрешение которого свидетельствует о

величайшем достижении духа, героизме бесстрашия перед истиной и смертью.

Основным объектом анализа для нас далее будет именно центральная посылка: страх как способ существования человека. Различные формы и виды страхов сопровождают человечество на всех культурно-исторических этапах его существования. «Страх темноты, бессонницы, воды, высоты, бедности, насилия, ограбления, войны или увольнения, страх за родных и близких, страх смерти – простое перечисление различных форм страха может занять несколько страниц и свидетельствует лишь о том, что так или иначе проблема определения причин и терапия страха всегда была актуальной...» [5, с. 181], – отмечает Г.А. Дорофеева. Но одними из самых навязчивых форм страха на протяжении столетий были страхи перед иррациональными и потусторонними силами, что стало объектом анализа Ж. Делюмо и Д. Фрезера [4], которые исследовали страх человека перед призраками, живыми мертвецами, колдунами, ведьмами, дьяволом, демонами, ужасами ночного мрака. Привлекая богатый эмпирический материал и показывая эволюцию этого ужаса, исследователи сделали попытку идентифицировать его, а также выявить причины его необыкновенной устойчивости.

В современном социокультурном пространстве человек испытывает массу различных видов страхов. Ю.В. Щербатых [15] попытался классифицировать их, выделив несколько групп, среди которых:

- природные страхи (животные, атмосферные явления, землетрясения, вулканы, астрономические явления);
- социальные страхи (страх перед экзаменами, страх ответственности и др.);
- «личностные» страхи (страх несуществующих явлений, страх темноты, «внутренние» страхи, т.е. страхи собственных мыслей и поступков, страх будущего);
- страхи различной интенсивности: от легкой тревоги до ужаса;
- страхи различной степени осознанности: неосознанные и понятные;
- страх смерти;
- детские страхи: сказочных образов, страх одиночества, замкнутого пространства, посторонних людей, конкретной угрозы извне, врачей, резких звуков и др.

В философско-антропологической экспликации, однако, представляется целесообразной классификация страха, данная Г.И. Фаизовой, согласно которой страх подразделяется на следующие виды:

- экзистенциальный страх, порождаемый любой угрожающей ситуацией и выступающий как «...активатор защитного механизма человека, посредством которого происходит развитие человека, то есть расширение его потенциальных возможностей и способностей» [13, с. 628]. Иницируя отрицательные переживания, данный страх вырывает человека из обыденности, сонности, лени, толкает человека на познание нового, расширение границ своего Я, способствует укреплению социальных связей между людьми;

- социальный страх, связанный с сосуществованием людей. Как верно отмечает А.В. Топилина, это «это образы социально негативного поведения или потенциально угрожающих объектов и субъектов, разделяемые большинством населения в данном обществе» [12, с. 138–141]. Данный страх возникает неизбежно в случае общения и взаимодействия с другими людьми. Человеку всегда хочется больших благ, чем те, которые он имеет, что иногда заставляет человека приносить вред другим. Государственный, религиозный и социальный контроль неизбежно вынужден опираться на механизмы устрашения, прибегать к угрозам наказания за проступки. Именно поэтому социальный страх, играя роль регулятора поведения человека в общества, помогает в достижении социального порядка;

- страх смерти, связанный со спецификой бытия человека: «Страх смерти есть боязнь потерять короткий срок, отведенный для человека в качестве жизни» [13, с. 630]. Данный вид страха регулировался и продолжает регулироваться с помощью религиозных и философских идей. Привлекательность мировых религий во многом основана на вере в бессмертие души после смерти тела. Многие философы, особенно Аристотель [1], Тит Лукреций Кар [6], Сенека [10] и Б. Спиноза [11], стремясь освободить человека от страха смерти и помочь преодолеть ощущение ее трагичности, призывали к достижению абсолютного душевного спокойствия. Все они стремились показать, что человек начинает жить

подлинной жизнью, принимая осознанно неотвратимость смерти, ибо именно конечность жизни заставляет размышлять об ее смысле и предназначении человека.

Думается, однако, что экзистенциальный страх и страх смерти, имея много общего, могли бы рассматриваться не как отдельные формы страха, а как разные проявления одного и того же страха, поскольку и тот, и другой страх в лучшем случае приводит человека к стремлению обрести смысл жизни и реализовать себя.

При этом остается нерешенным вопрос: почему именно в нашу эпоху, а не в античности, не в другие более ранние эпохи, когда жизнь человека подвергалась не меньшему, если не большему количеству угроз, возникла идея, что страх – это способ существования человека? Мы полагаем, что ответ на этот вопрос заключается в структурных и культурных особенностях современного социокультурного пространства, определяющих специфику условий человеческого существования.

Превращение личности из существа по преимуществу коллективного в существо индивидуализированное является одним из важнейших элементов процесса модернизации – становления общества модерна, современного общества [8]. Это общество имеет определенные структурные и культурные особенности. Наша задача заключается в том, чтобы рассмотреть генезис истоков страха в социокультурных особенностях современной реальности, предопределяющих определенные типы и формы страхов [9].

В работе «Бегство от свободы» Э. Фромм показал, как разрушение традиционных сообществ и выделение индивида в качестве отдельной самостоятельной единицы, самостоятельного субъекта деятельности, вызывало специфический страх перед свободой выбора и попытки бегства от этой свободы [14]. В развитии современного индивидуализма сыграл свою роль ряд факторов: культурный поворот эпохи Возрождения, религиозный поворот, произошедший в результате Реформации, развитие капиталистической экономики, расковавшей предпринимательскую частную инициативу и т. д. Но все эти процессы и изменения не происходили гладко и безболезненно. Социальные изменения, с которыми связан

процесс модернизации, порождали ломку традиционного жизненного уклада, разрушали привычные поведенческие модели, выбивали людей из привычной жизненной колеи. Становление современного индивидуализма было болезненным процессом. Неудивительно, что он сопровождался ростом страхов и тревоги.

Говоря о социокультурных предпосылках страхов современного человека, мы будем различать два типа причин [16, с. 12–21]:

- во-первых, причины, связанные с самой спецификой структуры современных обществ, порождавшей страх перед свободой, одиночеством и неопределенностью. Именно этот базовый страх, лежит, по нашему мнению, в основе того страха, который экзистенциалисты называли «метафизическим страхом», страхом перед «ничто». У этого страха действительно нет явной причины, кроме общей жизненной ситуации, которая заставляет человека чувствовать бесосновность и ненадежность своего существования;

- во-вторых, причины, связанные с какими-то конкретными жизненными обстоятельствами. В этой связи Н.А. Бердяев отмечает: «Человеческая жизнь искалечена выдуманскими, преувеличенными, экзальтированными страстями, религиозными, национальными, социальными и унижительными страхами. На этой почве возникает порабощение человека» [2, с. 63]. Например, «великий страх», охвативший французский народ накануне Великой Французской революции. Сюда же можно отнести разнообразные современные страхи, связанные с преступностью, терроризмом, экологией, генетически модифицированной продукцией и т. д. Заметим, что некоторые из таких страхов, существующих в конкретном обществе, недолговечны, некоторые – существуют более продолжительное время [7]. Особенность этого типа страхов в том, что они имеют явную причину, казалось бы, вполне рациональную. Однако при ближайшем рассмотрении может оказаться, что эти страхи лишь маскируют некий более скрытый и значимый страх.

Так, если обратиться к проблеме терроризма и сравнить численность людей, погибших от террористических актов и, например, в результате автомобильных аварий, можно увидеть, что число погибших в авариях

будет неизмеримо больше. При этом автомобили не вызывают панических страхов. Вероятность погибнуть от рук террориста для жителей западных обществ, как и российского, очень мала. Есть множество других, более реальных угроз, которые, тем не менее, игнорируются массовым сознанием. Таким образом, страх перед терроризмом не может быть признан абсолютно рациональным.

То же самое касается многих других массовых страхов – страха перед генетически модифицированными продуктами, например. Нет веских доказательств, что они могут нанести вред здоровью. Тем не менее, все больше людей боятся употреблять их. Страх перед генетически модифицированной продукцией – только один из нескольких «пищевых страхов», которые заставляют современного человека быть постоянно начеку даже в продуктовых магазинах и искать «экологически чистые» продукты, что способствует развитию соответствующего сегмента рынка. Мечтая об экологически чистых продуктах, «натуральной» и «здоровой» еде, которую якобы ели наши предки, современный человек не пытается сопоставить сроки жизни в современных обществах с «плохой и некачественной» пищей со сроками жизни в обществах традиционных, питавшихся исключительно «натуральными» продуктами. Сравнение было бы не в пользу «естественного питания», но большинство современных напуганных потребителей об этом не думает. Пищевые страхи являются проявлением фундаментальной тревожности, и качество еды – только предлог. Таким образом, большее значение для нашего исследования имеет страх первого типа, который, в конечном итоге, стоит и за страхами, имеющими кажущуюся реальную причину.

Базовый страх, постоянная фоновая тревожность, порождающие как «метафизический страх», так и разнообразные рационализованные страхи, порождаются спецификой общества современного типа и его культуры. Мы предполагаем, что базовой социальной предпосылкой выступает современный индивидуалистический способ существования личности в социокультурной реальности, связанный с фундаментальной нестабильностью социального положения, а также с особенностями культуры, которая практически не в состоянии элиминировать последствия этой нестабильности.

Таким образом, различные формы и виды страхов сопровождают человечество на всех культурно-исторических этапах его существования. В условиях современной культуры решающее влияние на человека оказывают три типа страха: экзистенциальный страх, который вырывает человека из обыденности, сонности, лени, толкает человека на познание нового, расширение границ своего Я, способствует укреплению социальных связей между людьми; социальный страх, который, играя роль регулятора поведения человека в обществе, помогает в достижении социального порядка; страх смерти, связанный со спецификой бытия человека, который регулируется с помощью религиозных и философских идей: человек начинает жить подлинной жизнью, принимая осознанно неотвратимость смерти, ибо именно конечность жизни заставляет размышлять об ее смысле и предназначении человека. Генезис страха человека в современном социокультурном пространстве обусловлен превращением личности из существа по преимуществу коллективного в существо индивидуализированное. Разрушение традиционных сообществ и выделение индивида в качестве отдельной самостоятельной единицы, самостоятельного субъекта деятельности, вызывало специфический страх перед свободой выбора и попытки бегства от этой свободы. Социокультурные предпосылки страхов современного человека детерминированы двумя типами причин: во-первых, это причины, связанные с самой спецификой структуры современных обществ, породившей базовый страх перед свободой, одиночеством и неопределенностью; во-вторых, это причины, связанные с конкретными жизненными обстоятельствами (сюда можно отнести разнообразные современные страхи, связанные с преступностью, терроризмом, экологией, генетически модифицированной продукцией и т. д.). Особенность этого типа страхов в том, что они имеют явную причину, казалось бы, вполне рациональную. Однако при ближайшем рассмотрении может оказаться, что эти страхи лишь маскируют некий более скрытый и значимый страх. Базовый страх, постоянная фоновая тревожность, порождающие как «метафизический страх», так и разнообразные рационализированные страхи, обуславливаются спецификой общества современного типа

и его культуры. Его базовой социальной предпосылкой выступает современный индивидуалистический способ существования личности в социокультурной реальности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Большая этика. Никомахова этика. – М.: АСТ, 2002. – 608 с.
2. Бердяев Н.А. Духовное освобождение человека. Победа над страхом и смертью // Развитие личности. – 2014. – № 1. – С. 60–68.
3. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 253–357.
4. Делюмо Ж. Идентификация ужаса / Ж. Делюмо, Д. Фрезер. – М.: Алгоритм, 2009. – 240 с.
5. Дорофеева Г.А. Страхи: определение, виды, причины // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2002. – № 5 (28) . – С. 177–184.
6. Лукреций К. О природе вещей. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 456 с.
7. Матвеева С.Я. Страхи в России в прошлом и настоящем. / С.Я. Матвеева, В.Э. Шляпентох. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 179 с.
8. Мильдон В.И. Ни Афины, ни Иерусалим. Ещё раз об экзистенциальной философии / В.И. Мильдон // Вопросы философии. 2002. – № 3. – С. 32–41.
9. Риман Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 336 с.
10. Сенека. Письма к Луцилию // Сенека. Марк Аврелий. Наедине с собой. – Симферополь: «Ренومه», 1998. – 384 с.
11. Спиноза Б. Избранное. – Минск: ООО «Попурри», 1999. – 592 с.
12. Топилина А.В. Демографическая составляющая социальных страхов и их место в процессе социализации // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 4. – № 11. – С. 138–141.
13. Фаизова Г.И. Страх как важнейшая характеристика человеческого бытия // Вестник Башкирского университета. – 2008. – Т. 13. – № 3. – С. 628–630.
14. Фромм Э. Бегство от свободы // Бегство от свободы; Человек для себя / Пер. с англ. Д.Н. Дудинского; Худ. Обл. М.В. Драко. – Мн.: ООО «Попурри», 2000. – С. 3–366.
15. Щербатых Ю.В. Психология страха. – М.: Эксмо, 1999. – 205 с.
16. Roudenko A. Philosophic and anthropological analysis of man's fear bases in modern culture / A. Roudenko, L. Kireeva // Научный альманах стран Причерноморья. – 2017. – № 4 (12). – С. 12–21.

REFERENCES

1. Aristotle. *Bol'shaya ehtika. Nikomahova ehtika* [Big ethics. Nicomachean ethics]. M.: AST, 2002. 608 p.
2. Berdyaev N.A. Spiritual release of the person. Victory over fear and death. *Razvitie lichnosti = Personal development*, 2014, no. 1, pp. 60-68. (In Russian).
3. Berdyaev N.A. Existential dialectics of divine and humane. *O naznachenii cheloveka = On human destiny*, M.: Republic, 1993, pp. 253-357. (In Russian).
4. Delumeau J. *Identifikaciya uzhasa* [Identification of horror]. M.: Algorithm, 2009. 240 p.
5. Dorofeyeva G.A. Fears: definition, types, reasons. *Izvestiya YUFU. Tekhnicheskie nauki = Bulletin of SFU. Technical sciences*, 2002, no. 5 (28), pp. 177-184. (In Russian).
6. Lucretius C. *O prirode veshchej* [On the nature of things]. M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 456 p.
7. Matveeva S.Ya. *Strahi v Rossii v proshlom i nastoyashchem* [Fears in Russia in the past and the present]. Novosibirsk: Siberian chronograph, 2000. 179 p.
8. Mildon V.I. Neither Athens nor Jerusalem. Once again about existential philosophy. *Voprosy folosofii = Issues of Philosophy*, 2002, no. 3, pp. 32-41. (In Russian).
9. Riemann F. Osnovnye formy straha. *Issledovanie v oblasti glubinnoj psihologii* [Main forms of fear. A research in the field of deep psychology]. M.: Publishing center "Akademiya", 2005, 336 p.
10. Seneca. *Pis'ma k Luciliyu. Seneka. Mark Avrelij. Naedine s soboj* [Letters to Lucilius. Seneca. Marcus Aurelius. Alone with oneself]. Simferopol: Renome, 1998, 384 p.
11. Spinoza B. *Izbrannoe* [Collected works]. Minsk: LLC Popurri. 1999, 592 p.
12. Topilina A.V. A demographic component of social fears and their place in the course of socialization. *Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya = Progress of modern science and education*, 2016, vol. 4, No. 11, pp. 138-141. (In Russian).
13. Faizova G.I. Fear as the most important characteristic of human life. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*, 2008, vol. 13, no. 3, pp. 628-630. (In Russian).
14. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Minsk: LLC Popurri, 2000, pp. 3-366.
15. Shcherbatyh Yu.V. *Psihologiya straha* [Psychology of fear]. M.: Eksmo, 1999, 205 p.

16. Rudenko A., Kireeva L. Philosophic and anthropological analysis of man's fear bases in modern culture. *Nauchnyj al'manah stran Prichernomor'ya = Scientific almanac of the countries of Black Sea Coast*, 2017, no. 4 (12), pp. 12-21. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Руденко А.М. Генезис страха человека в современной культуре / А.М. Руденко, Л.Е. Киреева // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1,– С. 60–70.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rudenko A.M., Kireeva L.E. Genesis of human fear in modern culture / A.M. Rudenko, L.E. Kireeva // *The Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 60–70. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

УДК-902.01

Басов Игорь Иванович

*кандидат исторических наук,
доцент, заведующий кафедрой
всеобщей и отечественной истории
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)*

Basov Igor Ivanovich

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Head of the
Department of General and National
History, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)*

Гараев Илья Александрович

*аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)*

Garayev Ilya Aleksandrovich

*post-graduate student, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)*

Цокур Ирина Васильевна

*научный сотрудник ООО «Ирида»
(г. Краснодар)*

Tsokur Irina Vasilevna

*Research worker, LLC «Irida»
(Krasnodar)*

**МЕЧИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ
«ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА
«ВОЛНА-1»**

**SWORDS FROM "THE BURIAL
GROUNDS "VOLNA-1"**

Аннотация:

статья посвящена группе мечей из погребений «Грунтового могильника «Волна-1». На основе морфологии выделены несколько типов данной категории инвентаря. На основе датировки погребальных комплексов было уточнено время существования некоторых типов мечей. Проанализировано местоположение мечей в погребении, а также динамика их распространения на данной территории.

Abstract:

The article is about the group of swords from the burial grounds "Volna-1". There are several types of this category of inventory. They are based on the morphology. The periods of existence of some types of swords were clarified on the basis of the burial complexes' dates. We analyzed the location of the swords in the burial and the dynamics of their spread on this territory.

Ключевые слова:

Северное Причерноморье, Таманский полуостров, погребения, мечи, клинок, типология, аналогии, датировка, местоположение.

Keywords:

Northern Black Sea coast region, Taman peninsula, burials, swords, blade, typology, analogy, dating, location.

Оружие, найденное в погребениях могильников Таманского полуострова, неоднократно становилось объектом изучения. Исследователи обращались как к типологии отдельных видов вооружения [7, с. 123-197; 6, с. 113; 1, с. 66-87], так и к комплексному анализу погребений с оружием [5, с. 257-295; 4, с. 101-151]. Эти труды до сих пор остаются важным подспорьем для любого, кто занимается изучением античного оружия. Однако археологические изыскания последних лет предоставили в руки исследователей много нового материала, который уточнит существующие представления о вооружении населения Азиатского Боспора.

В 2014 г., во время разведок, проведенных под руководством И.В. Цокур в зоне строительства объектов ООО «ОТЭКО – Портсервис», был выявлен уникальный памятник – «Грунтовый могильник «Волна-1», расположенный в 4,5 км к северо-западу от п. Волна и в 4,1 км от юго-западной окраины ст. Тамань (Темрюкский район, Краснодарского края). В 2015-2017 гг. экспедицией И.В. Цокур на его территории было исследовано 396 погребений, в 20 из которых находились мечи, которые и будут опубликованы в данной статье¹.

Погребения с мечами продатированы по сопроводительному инвентарю – керамике, монетам. Предварительное определение типов чернолаковой керамики (солонки, лекифы, килики, канфары) произведены Н.А. Павличенко, старшим научным сотрудником Санкт-Петербургского института истории РАН². Амфорный материал был интерпретирован профессором Саратовского университета С.Ю. Монаховым и научным сотрудником Центра реставрации и сохранения памятников (г. Саратов) А.С. Цинько, которым также выражаю огромную благодарность. Две

¹ Приношу огромную благодарность И.В. Цокур за предоставленный для публикации материал, за чуткую поддержку и советы, вдохновившие меня на эту работу.

² Хочу выразить Н.А. Павличенко особую признательность и благодарность за проделанную работу по определению материала погребений.

монеты определены нами самостоятельно. Результаты датировки мечей вынесены в отдельную таблицу. Кроме того, пятнадцать мечей классифицированы по типологии, предложенной А.И. Мелюковой, в которой отдел определяется по форме навершия, тип – по форме перекрестья. К первому отделу мечей с брусковидным навершием отнесены семь экземпляров. Для мечей этого отдела характерно навершие в виде бруска, которое могло формироваться двумя способами: выковыванием из одной заготовки вместе с клинком и стержнем рукояти (погр. № 104, таб. 1, 13; № 140-24, таб. 1, 2), и навариванием двух пластин путем кузнечной сварки (погр. № 140-40, таб. 1, 1; № 140-29, таб. 1, 8). Рукояти плоские, образованы навариванием двух пластин, полотна клинков ромбовидные в сечении. Подобные клинки широко представлены как в курганных погребениях Северного Причерноморья [7, с. 47-53], так и в грунтовых могильниках Тамани [2, с. 75-77].

Сохранившиеся перекрестья позволили нам выделить в первом отделе несколько типов. Например, меч из погребения № 25 (таб. 1, 4) имеет перекрестье в форме ложного треугольника с вершиной, обращенной к рукояти и нижней стороной, сломанной под углом к середине (тип 3 по типологии А.И. Мелюковой) [7, с. 51]. Акинаки этого типа часто встречались в Северном Причерноморье, например, в Чертомльцком кургане, Марицинском и Никопольском могильниках [7, с. 51]. Появление таких мечей прежде относили к IV в. до н. э. [7, с. 52], однако наш экземпляр уверенно датируется 1-й чет. V в. до н. э., что позволяет уточнить время появления данного типа.

Второму типу первого отдела соответствуют мечи из погребений № 140-24 и № 140-29 (таб. 1, 2; 8). Они имеют бабочковидные перекрестья, образованные двумя пластинами, наваренными на полотно. Такие акинаки встречались в кургане Старшая Могила, в Мельгуновском и Келермесском курганах [7, с. 50]. Найдены они и в грунтовых могильниках городов Европейского [8, с. 133] и Азиатского Боспора [2, с. 77]. Временем их наибольшего распространения был VI – первая половина V в. до н. э., что подтверждают и наши экземпляры.

Особую группу представляют два меча из погребений № 44 и № 140-1 (таб. 1, 6; 9), аналогии которых отнесены А.И. Мелюковой к третьему типу

первого отдела по декору рукояти [7, с. 59]. Наши же мечи, думается, следует отнести к самостоятельному отделу, поскольку навершия у них нет, а наличие перекрестья спорно. Например, меч из погребения № 44 имеет однолезвийное полотно с плоской спинкой и долами по краям, скошенной к острию, причем само острие заточено с двух сторон. Сохранившаяся часть рукояти плоская, прямоугольная в сечении, на одной из сторон сохранилась бронзовая пластина треугольного сечения. Точных аналогий такому декору найти не удалось, но можно предположить, что прототипом ему стали рукояти рамочных биметаллических мечей, как например, мечи Тлийского могильника или Фаскау [9, с. 30-31]. Вообще этот меч производит впечатление смешения стилей. Однолезвийные мечи не характерны для местной паноплии, представленной в основном акинаками, исследователи видят их прототипами греческие мечи-махайры [7, с. 59]. Не характерна и рукоять, заканчивающаяся не классическим навершием, а выступом, слегка загнутым к лезвию клинка. Видимо, местный мастер решил совместить рубящий эффект однолезвийного меча-махайры, с колющими свойствами акинака, сохранив обоюдную заточку острия. Датируется меч довольно рано – 3-й чет. V в. до н. э., притом что похожие по форме мечи из Чертомлыка и урочища Круглик ранее относили к началу IV-III вв. до н. э [7, с. 59].

Меч из погребения № 140-1 внешне похож на предыдущий, однако имеет линзовидное сечение клинка. Лезвия клинка сходятся к острию не плавно, одно из них слегка скошено. Частично сохранилась рукоять треугольного сечения с частью обкладок и штифтами для их крепления. Рукоять, являющаяся как бы продолжением одного из лезвий, и форма клинка, также говорят о том, что мастер при изготовлении данного меча стремился добиться рубящего эффекта.

Ко второму отделу с антенным навершием уверенно отнести удалось четыре меча (погр. № 24, таб. 1, 5; 113, таб. 1, 7; 140-48, таб. 1, 10; 86, таб. 1, 14). Для всех них характерны навершия в виде круто загнутых волют, концы которых касаются основания наверший, плоские прямоугольные рукояти, на стержни которых с двух сторон наварены пластины, и полотна, откованные на два ската. У двух из них (№ 24 и № 140-48) хорошо сохранились перекрестья в виде «крыльев бабочки», что соответствует второму типу по типологии А.И. Милюковой. Аналогии ему в погребениях

встречались не часто. Основная их концентрация находилась в районе Среднего Приднепровья и Нижнего Буга [7, с. 54]. Недавно в могильнике Артющенко-2, в погребении № 32, был найден акинак, который автор публикации отнес к типу с простым антенным навершием и бабочковидным перекрестьем [2, с. 77], однако форма сложного бронзового навершия заставляет усомниться в таком отождествлении. Скорее он может быть отнесен ко второму подотделу второго отдела, и таким образом, исключая этот спорный экземпляр, найденный на могильнике Волна-1 меч, является пока единственным опубликованным акинаком с простым антенным навершием и бабочковидным перекрестьем с Таманского полуострова.

Интересен меч из погребения № 113, имеющий орнамент в виде углубленных полос, сходящихся от перекрестья к острию клинка. Такой орнамент довольно часто встречается на скифских мечах [6, с. 50, 51, 58], причем считался именно элементом украшения полотна, а не долами, как иногда считают [2, с. 79]. Нередко орнамент на полотне являлся продолжением таких же полос на рукояти [7, табл. 20, 8, 11]. Возможно, это развитие все той же стилизации под рамочную рукоять [9, с. 32-33], когда вместо углубления средней части рукояти, намечались лишь неглубокие полосы.

Замечательный образец искусства «звериного стиля» представляет собой навершие акинака из погребения № 140-48. От него осталась одна половина волюты, подогнутая к основанию, на ее конце имеется стилизованное изображение «глаза» (табл. 1, 10), что позволяет трактовать навершие как изображение головы хищной птицы – символа меткости удара [7, с. 55]. Этот элемент орнамента позволяет отнести данный меч к второму подотделу мечей с антенным навершием. Аналогии такому типу встречаются на акинаке из кургана 401 у с. Журовка и на случайной находке из с. Гамария Каневского района [7, с. 55]. Меч из с. Журовка датируется началом V вв. до н. э., а наш экземпляр концом V – началом IV вв. до н. э. Пару аналогичных мечей из могильника Артющенко-2 автор датирует их 1-й половиной V в. до н. э. [2, с. 79]. Вообще, традиционно мечи с антенным навершием датируют VI – 1-й пол. V вв. до н. э. [7, с. 55], но большинство наших образцов позволяют расширить время распространения мечей этого отдела минимум на четверть столетия (таб. 1, 7; 10; 14).

Ни к одному из отделов не удалось отнести мечи из погребений № 83 (таб. 1, 3) и № 140-2 (таб. 1, 12). У обоих из них отсутствует основной признак – навершие. Но сохранившиеся перекрестья указывают на второй тип. Массивное бабочковидное перекрестье меча из погребения № 83 похоже на перекрестье меча из погребения № 140-24 (таб. 1, 2), а очертания клинка с параллельными лезвиями, напоминают мечи из погребений № 140-40 и 104 (таб. 1, 1; 13). Поэтому можно предположить у него брусковидное навершие. Второй клинок ничем примечательным не выделяется, кроме от- лично сохранившегося перекрестья, характеризующего тип.

Отличным от мечей скифского типа является клинок из погребения № 413 (таб. 1, 16). По форме он близок так называемым мечам синдо-меотского типа. Этот тип был выделен К.Ф. Смирновым при исследовании Пашковского могильника в Прикубанье, впоследствии свои типологии предложили В.Р. Эрлих и И.И. Марченко [10, с. 77]. Для мечей синдо-меотского типа характерно отсутствие перекрестья, что, как считается, является признаком северокавказского оружия. Но в то же время эти мечи имеют источником и скифское оружие, взяв у него форму навершия. Клинок представленного меча треугольной формы, линзовидного сечения, переходящий в рукоять под углом, близким к прямому. Рукоять овальной формы с навершием, откованным из одной заготовки с клинком. Подобные мечи отнесены В.Р. Эрлихом к мечам с брусковидным навершием, подотдела I, типа II. Ближайшие аналогии известны в Закубанье – Серегинский (погребение № 12) и Уляпский (погребение № 23) могильники, которые датируются IV–III вв. до н. э. [10, с. 80]. Несколько синдо-меотских мечей найдены на Артющенко -2, но формой полотна и рукояти они сильно отличаются от нашего [2, с. 80-82]. Датируются они, кстати, более ранним временем – началом V в. до н. э. – началом IV в. до н. э.

От меча из погребения № 527 (таб. 1, 19) сохранилась лишь рукоять и острое клинка. Овальное сечение рукояти и плавное ее расширение, образующее навершие, напоминает предыдущий меч. Кроме того, на рукояти отсутствуют наваренные железные накладки, которые присущи мечам скифского типа, описанным выше, поэтому, кажется, не будет сильным преувеличением отнести данный образец к синдо-меотским мечам. Близка к предыдущему и датировка комплекса инвентаря погребения № 527 – 4-я чет. IV – 1-я чет. III вв. до н. э.

Из пяти фрагментированных мечей погребений № 62, 140-4, 429, 455, 562 наиболее информативным является первый (таб. 1, 15), сохранивший плоскую рукоять с двумя наваренными пластинами, часть навершия неустановленной формы и полотно близкой к треугольной формы. Полотно имеет орнамент в виде углубленных полос, как на мече из погребения № 113. По этому признаку, а также по близкой дате (4-я чет. V в. до н. э.)³, можно попробовать отнести этот меч ко второму отделу, что конечно, является лишь предположением. Остальные мечи (таб. 1, 11; 17; 18; 20) настолько фрагментированы, что сложно выдвигать какие-либо версии в отношении их типологий. Погребение № 562 интересно найденной монетой: дихалк. AV: Сатир безбородый вправо. RV: протомы Пегаса вправо и надпись «ΠΑΝ».

За исключением фрагментированных мечей из погребений № 562 и № 429, все остальные были найдены *in situ*, поэтому можно проанализировать их местоположение. Для начала стоит отметить, что все погребения с мечами принадлежали лицам с высоким социальным статусом. Об этом говорит и богатство сопроводительного инвентаря относительно остальной массы погребений, обязательно включающего статусную чернолаковую посуду и изделия из бронзы, и немногочисленность погребений с мечами, составляющих 5 % от общего числа. Безусловно, это погребения воинской элиты данного коллектива.

На положение меча относительно тела погребенного, как на один из важнейших признаков, впервые обратил внимание Н.И. Сокольский [8, с. 129]. Правда, для него это стало этноопределяющим признаком, что довольно спорно, но многие его наблюдения все же представляют ценность. Так он отметил, что для погребений Таманского полуострова характерно помещение меча поперек, от правой руки к левой ноге. В нашем случае мы имеем девять таких погребений, что тоже является большинством. Аналогичная ситуация наблюдается и на Артющенко -2 [2, с. 83]. Н.И. Сокольский считал такое положение клинка лишь частью обряда, но сейчас многие

³ Датировка данного комплекса выполнена по монете: диобол из белого металла. **AV**. Голова льва в фас. **RV** Вдавленный квадрат с головой барана вправо, сверху надпись ΠΑΝΤΙ. Размеры: диаметр – 13 мм, высота – 1,2 мм.

исследователи склонны рассматривать его как отражение реального способа ношения оружия [2, с. 83], чему есть параллели в изображениях на скифских каменных изваяниях, и аналогии в курганных погребениях [3, с. 76].

Семь мечей у нас расположены параллельно туловищу с левой стороны. Ничем другим, кроме положения оружия, эти погребения не отличаются от описанных выше. Возможно, такое положение меча объясняется отношением этих погребений к другой социальной или этнической группе. Оно отмечается Н.И. Сокольским, как третье по распространенности на Таманском полуострове [8, с. 129]. На втором месте у него – положение справа. У нас всего два таких меча, причем слева от костяков находился либо другой костяк, либо куча сдвинутых костей предыдущих захоронений, что, по всей видимости, мешало положить меч слева.

Очень важную информацию можно получить, проанализировав датировку погребений с мечами (таб. 1, 3). Так, например, мы можем наблюдать сокращение численности погребений с мечами, начиная с четырех экземпляров в 1-й четверти V в. до н. э., и заканчивая двумя мечами во 2-й четверти этого столетия. Затем в 3-й четверти V в. до н. э. происходит небольшое (3 экз.), а в 4-й четверти V в. до н. э. – 1-й четверти IV в. до н. э. резкое увеличение погребений с мечами (6 экз.). После этого наступает спад – серединой IV в. до н. э. у нас датируется всего один меч. Но в 4-й чет. IV в. до н. э. мы можем наблюдать снова резкий рост численности мечей в погребениях (4 экз.). Аналогичная динамика колебаний погребений с оружием, только для VI-V вв. до н. э., уже связывалась исследователями с изменениями военно-политической обстановки в регионе [5, с. 134-136]. Полученные нами данные несколько дополняют их выводы. Кроме того, сопоставив наши датировки с сообщениями известных нам письменных источников, мы можем получить исторический контекст. Так мы узнаем, что рубеж V-IV вв. до н. э. стал временем подчинения пантикапейскими правителями полисов азиатской части Боспора [4, с. 28]. В свою очередь, конец IV в. до н. э. ознаменовался кровавой распрей братьев Сатира и Евмела за боспорский престол, ареной которой стала именней азиатская часть державы [4, с. 33-34]. Оба конфликта сопровождались активным привлечением наемных контингентов войск местных племен. С представителями элиты некоторых из них можно связывать погребения с мечами могильника Волна-1.

Подводя итог всему вышеизложенному, следует отметить, что работы на могильнике Волна-1 продолжаются, и будущие находки позволят дополнить и скорректировать представленную в статье типологию мечей, соотношение их местоположения, динамику распространения, что в совокупности составит прекрасный источник для изучения истории Таманского полуострова.

Таблица 1

**Датировка мечей из погребений могильника Волна-1
(2015-2017 гг.)**

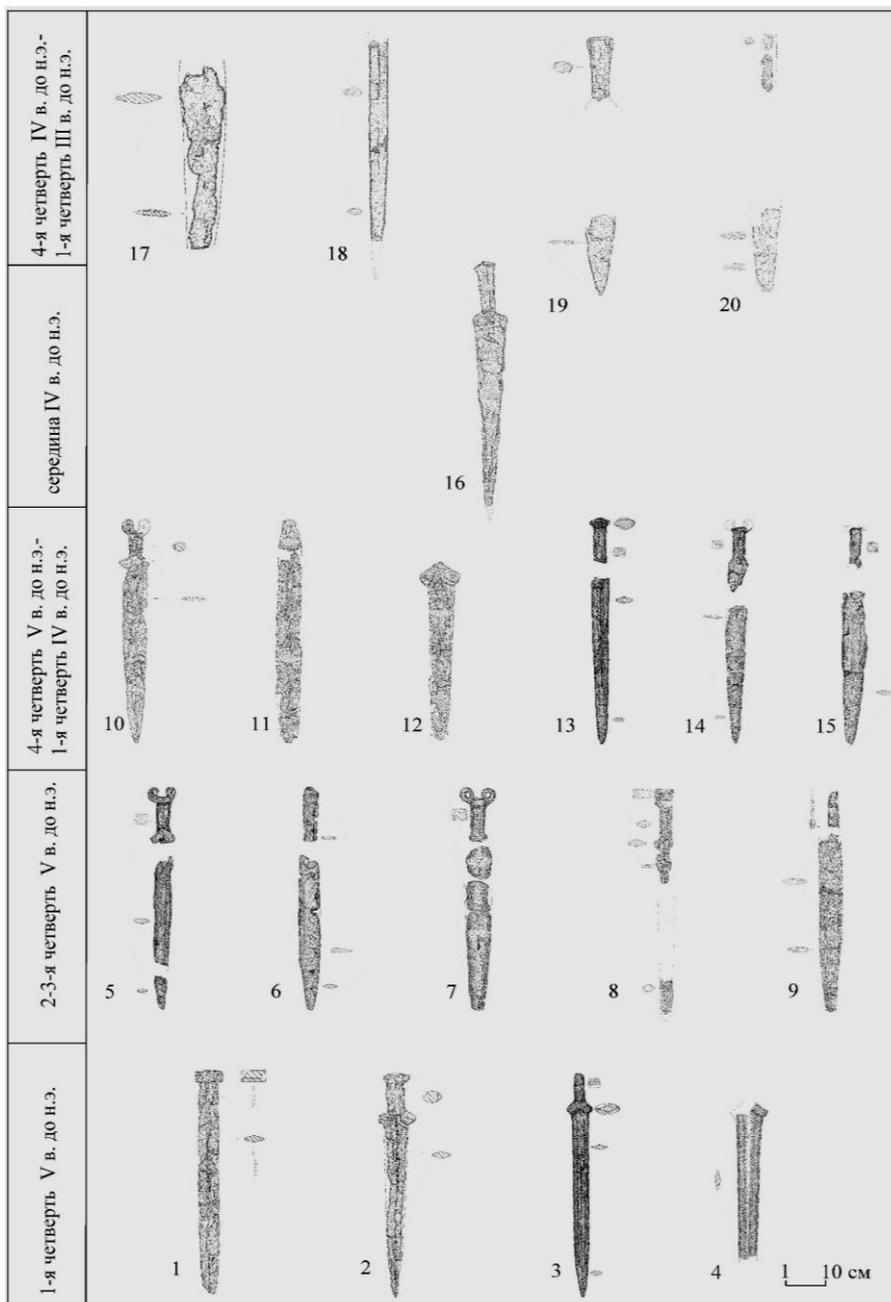

Таблица 2

**Основные параметры мечей из погребений могильника Волна-1
(2015-2017 гг.)**

№ п/п	Длина полотна	Ширина полотна	Длина рукояти	Ширина рукояти
24	650 мм	40 мм	116 мм	26 мм
25	295 мм	42-31 мм	?	?
44	650 мм	?	125мм	25 мм
62	550 мм	?	?	?
83	574 мм	28 мм	?	?
86	61 мм	?	55 мм	8 мм
104	407 мм	40 мм	110 мм	?
113	650 мм	29 мм	110 мм	16 мм
140-1	441 мм	52 мм	89 мм	24 мм
140-2	377 мм	46-38 мм	?	?
140-4	412 мм	43 мм	?	?
140-24	598 мм	30 мм	?	?
140-29	420 мм	42-28 мм	?	?
140-40	493 мм	41 мм	?	?
140-48	695 мм	38 мм	40 мм	21 мм
413	519 мм	66 мм	105 мм	31 мм
429	186 мм	43 мм	?	?
455	395 мм	34-27 мм	?	?
527	101 мм	37 мм	27 мм	17 мм
562	78 мм	40 мм	?	16 мм

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В.А. Монетное дело Боспора / В.А. Анохин. – Киев: Наукова думка, 1986. – 223 с.
2. Ворошилов А.Н., Кашаев С.В. Клинковое оружие из некрополя Артющенко -2 / А.Н. Ворошилов, С.В. Кашаев // Древности Боспора. – Т. 14. – М.: 2010. – С. 66-87.
3. Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области / Г.Л. Евдокимов, В.Ю. Мурзин // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 75-82.
4. Завойкин А.А. Архаический, классический и эллинистический периоды (VI-II вв. до н.э.) / А.А. Завойкин // Античное наследие Кубани: в 3 т. – Т. 2. – М.: Наука, 2010. – Ч. 8. Гл. 1. – С. 12-80.
5. Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI-V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора / А.А. Завойкин, Н.И. Сударев // Древности Боспора. – Т. 9. – М.: 2006. – С. 101-151.
6. Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI-IV вв. до н.э. и местные их особенности / Е.Г. Кастанаян // Материалы и исследования по археологии СССР. – Некрополи боспорских городов. – 1959. – № 69. – С. 257-295.

7. Мелюкова А.И. Вооружение скифов / А.И. Мелюкова // Археология СССР: САИ. – Вып. Д 1-4. – М.: Наука, 1964. – 113 с.

8. Сокольский Н.И. Боспорские мечи / Н.И. Сокольский // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1954. – № 33. – С. 123-197

9. Шрамко Б.А. Из истории скифского вооружения / Б.А. Шрамко // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 22-39

10. Эрлих В.Р. Меотские мечи из Закубанья / В.Р. Эрлих // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. – М.: 1991. – С. 77-100

11. Morris Ian. Death-ritual and social structure in classical antiquity / Ian. Morris. – Cambridge: 1996. – 288 pp.

12. Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B.C. / B.A. Sparkes, L. Talcott // The Athenian Agora. – Vol. XII. – New Jarsey: 1970. – 500 pp.

REFERENCES

1. Anochin V.A. *Monetnoe delo Bospora* [The coinage of the Bosporan Kingdom]. Kiev, Naukova Dumka, 1986, 223 p.

2. Voroshilov A.N., Kashaev C.V. *Klinkovoe oruzhie iz nekropolya Artyushchenko-2* [Bladed weapon from the necropolis of Artyushchenko-2]. *Drevnosti Bospora=Antiquities of Bospor*, vol. 14, M., 2010. pp. 66-87. (In Russian).

3. Evdokimov G.L., Murzin V. Yu. *Ranneskifskoe pogrebenie s oruzhiem iz Hersonskoj oblasti* [Early Scythian burial with a weapon from the Kherson region]. *Voоружение скифов i sarmatov=The weaponry of the Scythians and Sarmatians*. Kiev, Naukova Dumka, 1984. pp. 75-82. (In Russian).

4. Zavojkin A.A. *Arhaicheskij, klassicheskij i ehllinisticheskij periody (VI-II vv. do n.eh)* [Archaic, classical and hellenistic periods (VI-II Centuries B.C.)]. *Antichnoe nasledie Kubani=The ancient heritage of Kuban*. Vol.2. M., Nauka, 2010, Part 8. Chapter 1. pp. 12-80. (In Russian).

5. Zavojkin A.A., Sudarev N.I. *Pogrebeniya s oruzhiem VI-V vv. do n.eh kak istochnik po politicheskoy i voennoj istorii Bospora* [Armament-furnished Burials of the 6th-5th Centuries B.C. as a Source on Bosporan Political and Military History]. *Drevnosti Bospora=Antiquities of Bospor*, vol. 9, M., 2006, pp. 101-151. (In Russian).

6. Kastanayan E.G. The Soil Burial of the Bosporan Cities of the 6th-5th Centuries B.C. and Their Local Features. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. Nekropoli bosporskih goro-dov=Materials and Researches on Archeology of the USSR. Necropolis of the Bosporan Cities*, 1959, no. 69, pp. 257-295. (In Russian).

7. Melyukova A.I. *Vooruzhenie skifov* [Weapons of the Scythians]. Arheologiya SSSR. SAI=Archaeology of the USSR. A set of archaeological sources, Iss. D 1-4. M., Nauka, 1964, 113 p.

8. Sokolskij N.I. *Bosporskie mechi* [Bosporus swords]. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR= Materials and Researches on Archeology of the USSR. 1954, no. 33, pp. 123-197. (In Russian).

9. Shramko B.A. *Iz istorii skifskogo vooruzheniya* [From the history of Scythian weapons]. Vooruzhenie skifov i sarmatov=The weaponry of the Scythians and Sarmatians. Kiev, Naukova Dumka, 1984, pp. 22-39. (In Russian).

10. Ehrlih V.R. *Meotskie mechi iz Zakubanya* [Meotian swords from Zakubanye]. Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ya=Antiquities of the Northern Caucasus. M., 1991, pp. 77-100. (In Russian).

11. Morris Ian. *Death-ritual and social structure in classical antiquity*. Cambridge. 1996, 288 p.

12. Sparkes B.A., Talcott L. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, and 4th Centuries B.C. The Athenian Agora. Vol. XII*. New Jersey, 1970, 500 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Басов И.И. Мечи из погребений «грунтового могильника «Волна-1»/ И.И. Басов, И.А. Гараев, И.В. Цокур // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 71–83.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Basov I.I., Garayev I.A., Tsokur I.V. Swords from “the burial grounds “Volna-1” / I.I. Basov, I.A. Garayev, I.V. Tsokur // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 71–83. (In Russian).

УДК-93/94

Дударев Сергей Леонидович

*доктор исторических наук,
профессор, профессор кафедры
всеобщей и отечественной истории
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ГЛАЗАМИ ЕВРОПЕЙСКИХ АВТОРОВ XVIII В.

Аннотация:

*ряд современных историков
включает в феномен экономики
горцев Северного Кавказа XVIII –
середины XIX в. набеги за добычей.
Автор данной статьи, опираясь на
свидетельства европейских
наблюдателей XVIII в., показывает
различные стороны горской
экономики – земледелие,
скотоводство, меновую торговлю,
ремесла и т. п., которые являлись
основой жизнеобеспечения горских
народов. Наряду с данными
отраслями хозяйства существовал
набеговый «промысел» и торговля
рабами и пленными. Они не
являлись ведущими в сфере
хозяйственных занятий горцев, но
нередко играли важную роль в
условиях экономики, носившей
экстенсивный характер.
Кульминация набегов, опиравшихся,
как показано автором, на давние
традиции, приходится на период
«Кавказской войны» 1817-1864 гг.,
придавших этим акциям
религиозную санкцию.*

Dudarev Sergey Leonidovich

*Doctor of Historical Sciences,
Professor, Professor of the
Department of General and National
History, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)*

ECONOMIC SITUATION OF MOUNTAINEERS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE EYES OF EUROPEAN AUTHORS OF THE XVIII CENTURY

Abstract:

*a number of modern historians
include raids for prey as a
phenomenon of the economy of
mountaineers of the North Caucasus
of the 18th – mid-19th centuries. The
author of this article based on the
testimony of European observers of
the XVIII century, shows various
aspects of the mountaineers'
economy, i. e. agriculture, cattle-
breeding, barter, handicrafts, etc.,
which were the basis of the life
support of the mountaineer peoples.
Along with these sectors of the
economy there was a raid "craft" and
the trade of slaves and prisoners.
They were not primary in the field of
economic activities of mountaineers
but often played an important role in
their rather extensive economy. The
culmination of raids, based, as
shown by the author, on long-
standing traditions, fell on the period
of the "Caucasian War" of 1817-
1864, which gave these actions
religious sanction.*

Ключевые слова:

европейские авторы XVIII в., земледелие, скотоводство, меновая торговля, домашняя промышленность, ремесла, экспорт, импорт, набеги, «набеговая система», невольники, продажа пленных, невольничьи рынки.

Keywords:

European authors of the 18th century, agriculture, cattle-breeding, barter, home industry, handicrafts, export, import, raids, raid system, slaves, sale of prisoners, slave markets.

Тема хозяйственных занятий населения Северного Кавказа, в том числе, горских обществ в историческом прошлом постоянно находится в центре внимания отечественных исследователей [см., например: 1-8]. Актуальность обращения к его изучению важна в связи с поисками руководством СКФО и национальных субъектов Северного Кавказа перспективных моделей экономического развития, когда серьезное значение приобретает изучение традиционных отраслей экономики у автохтонных народов. Однако важен и социально-политический аспект этой проблемы. В 1980-х гг. видный историк-кавказовед М.М. Блиев выдвинул концепцию т. н. «горской экспансии». Она подразумевала промысловый характер нападений северокавказских горцев на российские крепости, села и станицы, что привело резкое обострение ситуации на Северном Кавказе и стало, по мнению ученого, по сути, главной причиной т.н. Кавказской войны. Позднее данное положение нашло свое отражение в совместном с В.В. Дегоевым монографическом исследовании М.М. Блиева. Целый ряд северокавказских ученых-историков расценили указанные выступления как стремление принизить уровень социально-экономического развития горских народов. Особую критику вызывает то, что указанные нападения квалифицировались в качестве «набеговой системы», «индустрии» и т. п. [библ. см.: 9, с. 77-92]. Оппоненты Блиева настаивают на том, что основными занятиями горцев были не набеги, а земледелие и скотоводство. Задачей данной статьи является обращение к сообщениям иностранных авторов XVIII в., как сторонних наблюдателей тех разнообразных процессов, которые происходили в регионе в период, предшествовавший кульминации военных действий на Северном Кавказе. Их сообщения о хозяйственно-экономической жизни горцев [10] будут

иметь большое значение для приближения к истине при решении указанного вопроса. Они уже служили предметом внимания специалистов-кавказоведов, использовавших сведения европейских наблюдателей для отслеживания тех или иных сторон интереса Западной Европы и ее представителей к Северному Кавказу, в том числе и в экономическом аспекте [1, 11], но не исчерпавших, однако, указанной темы.

Представленные западноевропейскими авторами данные позволяют уверенно говорить о том, что основными занятиями автохтонных северокавказских народов являлись земледелие и скотоводство, причем последнему принадлежит первенство. Вот что, например, сообщает Иоганн Готлиб Георги (1766): «Главнейшие доходы их [черкесов – *Авт.*] состоят в скотоводстве, а потом в земледелии и садоводстве. В их стадах главнейшая вещь – овцы», кроме того, называются лошади, рогатый скот, козы, даже в некоторых случаях свиньи (свидетельство неполной исламизации кабардинцев на тот момент), у богатых – верблюды [10, с. 174]. Доминирование скотоводства еще ранее отмечал и Иоганн Густав Гербер (1728) [10, с. 156]. Овцеводство было связано не только с питанием, но и производством шерсти, ткачеством (производством холста, шерстяных материй), выделкой одежды (овчинные тулупы). Из остальных отраслей называется пчеловодство. Среди выращиваемых культур господствует просо. «Немногие заводят себе яровую пшеницу и ячмень». Отмечено выращивание табака, а также садоводство с изобилием арбузов, дынь, и тыкв. Другой автор немецкого происхождения, видный ученый, находящийся на российской службе, академик Иоганн Антон Гюльденштедт (1768-1774), современник Георги, отмечал о занятиях черкесов практически то же самое – главное занятие – скотоводство, прежде всего овцеводство, дающее очень хорошую шерсть, перерабатываемую на сукно и кошмы, разведение лошадей знаменитой кабардинской породы, о чем сообщал и ряд других авторов, например, Яков Штелин (1772). Земледелие ограничивается выращиванием проса, поскольку пшено заменяет у черкесов хлеб [10, с. 235]. Это обстоятельство неоднократно отмечалось как иностранными авторами, так и практически всеми, кто писал о кабардинцах, черкесах впоследствии, отмечая это традиционное пищевое предпочтение в меню адыгов. Практически калькой того, что было сказано выше, являются сведения другого

российского академика Петра Симона Палласа (1793): черкесы не только возделывают землю, но и отводят значительное время уходу за скотом. Основной злак – просо, из которого делают лепешки, мучные пудинги и пр. [10, с. 277]. Якоб Рейнегтс (1781-1783 гг.) повторяет о скотоводстве и земледелии черкесов практически то же самое, за исключением некоторых зерновых культур (овес, и кукуруза).

Однако сказанное касается, прежде всего, кабардинцев. Если же привести сведения о других народах региона, то появляются определенные нюансы, при совпадении основных занятий в целом. Например, П.С. Паллас пишет о слабом развитии земледелия и скотоводства у натухашей (т. е. натухайцев), вновь указывая на наличие в стаде свиней (еще одно косвенное указание на поверхностную исламизацию, которая исключает разведение этого животного) [10, с. 261]. Что же касается балкарцев, то Паллас делает примечательное заявление в отношении того, что пахотная земля, вследствие ее недостатка, является «их величайшим национальным богатством», и этот народ отдает все свои силы ее обработке [10, с. 277]. В свою очередь, по его же мнению, «ингуши замечательные земледельцы», но, как ни парадоксально, «мало занимаются земледелием или скотоводством и пребывают в нищете» [10, с. 279]. Напротив, российский офицер Л. Штедер (1781 г.), об одной из групп ингушей пишет, что в сравнении с другими жителями гор этот народ можно назвать зажиточным, поскольку он имеет в изобилии скот и зерно [10, с. 215]. В области т.н. Больших ингушей местное население трудолюбиво, особенно женщины, которые заботятся о хозяйстве и т. п. Здешнее животноводство состоит из свиней и коз, овец, ослов, мулов, небольшого числа лошадей и крупного рогатого скота [10, с. 217]. Весьма любопытны сведения Штедера о том, что богатые у ингушей сдают «в аренду свой скот и находят в этом много безопасности и выгоды» [10, с. 230]. В этом можно видеть форму экзоэксплуататорской деятельности, которая была описана у вайнахов в прошлом чеченским писателем XX в. М. Мамакаевым. Я. Рейнегтс сообщал о чеченцах – «земледелие и скотоводство – главные источники их пропитания», выделяя и садоводство, под которым нужно, на самом деле понимать огородничество, поскольку автор называет, например, редис и лук, а также упоминает табаководство,

существующее в Чечне и по сей день. Примечательно заявление Рейнегтса о том, что земледелие и скотоводство как и вся домашняя экономика оставлена на попечение женщин [10, с. 185].

Важной сферой хозяйства у горцев было уже упомянутое выше сукнодельное ремесло. Иностранцы сообщают даже о «фабриках» – войлочных, сукновальных и др. (Я. Штелин). Разумеется, определение «фабрика» – это явное преувеличение, так оно предполагает употребление машин. Но то, что существовала домашняя промышленность, когда «каждая мать делает чулки, башмаки и прочую одежду» [10, с.166] – в этом нет никаких сомнений. Этот же автор писал о массовой выделке шкур диких зверей, ягнят (мерлушка), сафьяна для обуви. Среди других видов ремесел – оружейное дело. Так некий Аноним сообщал о производстве кинжалов и выделке из мышьяковистой стали, наносящей-де, смертельные ранения (что, скорее всего, имеет легендарный характер) [10, с. 83]. Я. Штелин сообщал о многих искусных мастерах у кабардинцев по изготовлению огнестрельного оружия, сабель, кинжалов, ножей и пр., украшенных золотой и серебряной насечкой, «притом по турецкому и персидскому вкусу» (моду здесь задавали оружейники Востока), занимавшихся также слесарной и кузнечной работой [10, с. 167]. При этом сталь и железо приобретались у русских купцов. По П.С. Палласу, имело место и изготовление кольчуг, которые выделывались из гладких стальных колец, доставляемых из Персии или из Кубачей (т. е. знаменитого ремесленного центра в Дагестане, селения Кубачи) [10, с. 267]. Иными словами, выходит, что сборка кольчуг производилась на месте из «зарубежных» комплектующих – ситуация, которая выглядит очень современно.

Большую роль в жизни горских народов Северного Кавказа играла торговля. Ряд авторов, как уже упоминавшихся, так и еще не названных, почти в один голос говорят о том, что она имела меновый характер, собственное же денежное хозяйство у горцев отсутствует (Аноним; Обри дела Мотре 1711; Иоганн Лерх (1733-1735); и др.). Тем не менее, в этом вопросе прослеживается определенная и интересная динамика. Обри де ла Мотре указывает, что деньги не известны жителям гор, выражаясь нашим языком как стоимостный эквивалент, но используются в оружейном деле: серебряные монеты переплавляются и используются для «выделки

украшений на рукояти своих ножен и сабель» [10, с. 95]. И.Г. Гербер 17 лет спустя отмечает, что «собственных денег у черкесов нет, но употребляются российские, персидские и турецкие деньги» [10, с. 156]. И. Лерх всего через несколько лет снова пишет, что у кабардинцев нет денег, и они меняют свои товары на другие. Я. Штелин в 1772 г. констатирует, что многие русские и персидские скупщики покупают у кабардинцев много скота и других вещей на наличные деньги или выменивают на всякие другие товары. Поэтому у них есть русская, турецкая и персидская золотая и серебряная монета, медные же деньги отсутствуют. При этом находки значительных кладов русских серебряных монет еще первой четверти XVIII в. из окрестностей Кисловодска и Нальчика указывают на то, что российские денежные знаки прочно входили в обиход местного населения [11, с. 206].

Значительный интерес представляет ассортимент товаров экспорта и импорта. Он достоин отдельного рассмотрения, поэтому мы, отсылая читателя к наиболее подробному и репрезентативному в этом смысле сочинению Шарля де Пейссоннея «Трактат о торговле на Черном море» [10, с. 129-135], кратко укажем на то, что экспорт и импорт товаров, ввозившихся и вывозившихся в Черкесию и из нее через Тамань, был весьма разнообразен. Среди импорта, например, различные ткани, в том числе, шелковые, сафьян, пряности (имбирь, перец, мускатный орех), румяна и белила, мыло, свинец (для пуль), железо, табак, в т. ч. русский, принадлежности конской сбруи, в т.ч. удила, ружейные стволы (они шли из Бахчисарая; крымские ружья очень высоко ценились среди горцев Северного Кавказа), луки (они употреблялись еще и в XIX в.), курительные трубки, и пр. Наряду с трубками, примечательны иголки и самшитовые гребни, которые являются частой находкой в позднесредневековых склеповых могильниках региона. Из Крыма ввозилось не только оружие, но и лошади. Экспорт был тесно связан с местными «натурпродуктами». Среди таковых – большое количество шерсти и изделий из нее, среди которых наиболее примечательны бурки, которые вывозились десятками, и даже сотнями тысяч (бурочное производство было популярно повсеместно в регионе и в XIX в., составляя особую славу некоторых

районов, например, дагестанской Андии), кожи, мед, воск, десятки тысяч шкур диких зверей (куньих, лисьих, волчьих, медвежьих), сами по себе указывающие на широкое развитие такой древней отрасли хозяйства, как охота, и мелкого рогатого скота, т. е. овец, десятки тысяч стрел (для татарской и ногайской конницы), лошади кабардинской породы, сухая рыба, икра и др. Опираясь на И.А. Гюльденштедта, к сказанному добавим торговлю кабардинцами солью с различными народами, в т. ч. черкесскими, абазинскими, татарскими, кубанскими [10, с. 244-245].

Особую статью экспорта составляли невольники. Торговля ими имела во всем регионе широчайший характер, где были известны «авторитетные» невольничьи рынки, например, в ауле Эндери в Дагестане. Тот же Ш. де Пейссоннель писал, что крымские купцы ездят в Черкесию, Грузию к калмыкам и абхазам для покупки рабов, отвозя затем свой товар в Кафу (Феодосию) для продажи, откуда рабы развозятся по Крыму. В свою очередь, купцы из Константинополя, Анатолии, Румелии приезжают за невольниками в Кафу. Стоимость рабов зависела от ряда условий – пола, возраста, красоты, силы и т.п. и колебалась в диапазоне 5-6 – 60 тыс. пиастров [10, с. 126-127]. Источниками для рынка рабов были постоянные набеги, а также добровольная продажа родителями девушек, особенно черкесских, которые представляли особую ценность в гаремах, прежде всего, османских и крымских. Для них оказаться в гареме было своего рода «социальным лифтом», который позволял значительно улучшить свое положение, так как давал не только значительное улучшение качества жизни, но и давал шанс войти в местную элиту (стать хасеки, а затем и валиде-султан). Свободная же жизнь на родине в горном ауле была связана с тяжелым трудом и весьма монотонной повседневной жизнью.

Купцы, которые вели торговлю в регионе, были людьми иноэтничного происхождения – армяне, евреи, греки. Они пользовались уважением среди местного населения (Обри де ла Мотре). Первенство среди них, судя по свидетельствам европейских авторов, имели армянские купцы. Они не действовали только на свой страх и риск, но, как отмечал И. Лерх, обзаводились для безопасности кунаками в каждой деревне (о наемных кунаках,

приобретаемых иноземцами с целью безопасности, сообщают и авторы XIX в.). Порой армянские купцы развивали такую бурную деятельность, что из некоторых районов, например Кабарды, их удаляли. Но армянские купцы сумели стать такими незаменимыми, что их очень быстро приглашали обратно (Ф.А. де Сегюр, 1785) [10, с. 224].

Подведем итоги. Знакомство со сведениями европейских авторов XVIII в. дает достаточно полнокровную картину хозяйственной деятельности северокавказских народов. Они располагали различными отраслями экономики, основой которой являлось земледелие и скотоводство. Однако они имели экстенсивный характер (особенно земледелие) и не могли удовлетворять все жизненные потребности местного населения, которые оказывалось сложно восполнить даже с помощью торговли, долго являвшейся меновой (вплоть до середины XIX в.), с элементами денежного обмена. Недостаток жизненных ресурсов восполнялся набеговой деятельностью и продажей пленных, игравших роль побочного промысла, но приобретающих, нередко, характер одной из главных сфер экономики еще задолго до событий «Кавказской войны». Последние, однако, способствовали активизации набегов, имевших давнюю традицию, и опиравшихся, к тому же, на социоментальные основания (т.н. молодечество), придав религиозную санкцию этим акциям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т.1. – М.: Наука, 1988. – 544 с.
2. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Т.2. – М.: Наука. – 1988. – 659 с.
3. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. – М.: Наука, 2004. – 510 с.
4. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х т.- Изд. 2-е. – Орджоникидзе: Ир, 1987.
5. Калоев Б.А. Осетины/Б.А. Калоев. – М.: Наука, 2004. – 471 с.
6. Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок / Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 199 с.

7. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение. 2007. – 460 с.

8. Тотоев, Ф.В. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII – 40 годы XIX века)/Ф.В. Тотоев. – Нальчик, 2009. – 115 с.

9. Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века/ Д.С. Дударев, С.Л. Дударев. – Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. – 402 с.

10. Кавказ: европейские дневники XIII-XVIII веков / Сост. В. Аталиков. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Вып. III. – 304 с.

11. Виноградов В.Б. Иностранные авторы XVI-XVIII вв. о русско-северокавказских отношениях/ В.Б. Виноградов// Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). – Армавир, 2008. – С. 203-206.

REFERENCES

1. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v.* [The history of peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. М., Nauka, 1988, vol. 1, 544 p. (In Russian).

2. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremen do konca XVIII v.* [The history of peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. М., Nauka, 1988, vol. 2, 659 p. (In Russian).

3. *Istoriya Dagestana s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The history of Dagestan from ancient times to modern days]. М., Nauka, 2004, vol. 1, 510 p. (In Russian).

4. *Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei.* [The history of North Ossetia ASSR from ancient times to modern days]. Ordzhonikidze, Ir, 1987. (In Russian).

5. Kalojev B.A. *Osetiny* [Ossetians]. М., Nauka, 2004. 471 p. (In Russian).

6. Kумыков Т.Н. *Vovlechenie Severnogo Kavkaza vo vserossijskij rynek* [The involvement of the North Caucasus in all-Russian market]. Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 199 p. (In Russian).

7. *Severnij Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii* [The North Caucasus in the Russian Empire]. М., Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. 460 p. (In Russian).

8. Totoev F.V. *Obshchestvennyj stroj Chechni (vtoraya polovina XVIII-40 gody XIX veka)* [Social system of Chechnya (the second half of the XVIII century-1840s)]. Nal'chik, 2009. 115 p. (In Russian).

9. Dudarev D.S., Dudarev S.L. *Severnij Kavkaz glazami predstavitelej rossijskogo obshchestva pervoj poloviny – serediny XIX veka* [The North Caucasus in the eyes of Russian society of the first half-middle of the XIX century]. Armavir; Stavropol, Dizajn-studiya B, 2017. 402 p. (In Russian).

10. *Kavkaz: evropejskie dnevniki XIII-XVIII vekov* [Caucasus: European diaries of the XIII-SVIII centuries]. Nal'chik, Izdatel'stvo M. and V. Kotlyarovyh, 2010, iss. III, 304 p. (In Russian).

11. Vinogradov V.B. Foreign authors of the XVI-SVIII centuries on Russian-North Caucasus relations. *Sbornik izbrannyh statej Vitaliya Borisovicha Vinogradova (k 70-letiyu so dnya rozhdeniya) = A collection of articles by Vitaly Borisovich Vinogradov (70-s anniversary of birth)*, Armavir, 2008, pp. 203-206 (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев С.Л. Экономическое состояние горцев Северного Кавказа глазами европейских авторов XVIII в / С.Л. Дударев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 84–93.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S.L. Economic situation of mountaineers in the North Caucasus in the eyes of European authors of the XVIII century / S.L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 84–93. (In Russian).

УДК-9.94(47)

Приймак Юрий Владимирович

*доктор исторических наук,
профессор, декан исторического
факультета ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)*

Priymak Yuri Vladimirovich

*Doctor of Historical Sciences,
Professor, Dean of the History
Faculty, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)*

Курьян Анжела Мисаковна

*специалист по учебно-методической
работе 1 категории, преподаватель
ФГБОУ ВО «Армавирский
государственный педагогический
университет» (г. Армавир)*

Kuryan Angela Misakovna

*specialist in educational and
methodological work of the 1st
category, Lecturer, Armavir State
Pedagogical University (Armavir)*

Фольк Екатерина Сергеевна

*магистрант ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)*

Folk Ekaterina Sergeevna

*Master Degree student, Armavir
State Pedagogical University
(Armavir)*

40-Я ОТДЕЛЬНАЯ МОТОСТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА Н.Ф. ЦЕПЛЯЕВА В БОЯХ ЗА ПЕРЕПРАВЫ СРЕДНЕЙ КУБАНИ (МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ОБОРОНЫ АРМАВИРА)

THE 40TH SEPARATE MOTORIZED SHOOTING BRIGADE OF N.F. TSEPLYAEV IN THE FIGHTS FOR CROSSINGS OF THE MIDDLE KUBAN (LITTLE-KNOWN PAGES OF THE DEFENSE OF ARMAVIR)

Аннотация:

40-я ОМСБр сыграла важную роль на первом этапе обороны Армавира, не позволив гитлеровцам сходу захватить стратегически важную переправу у ст. Прочноокопской (севернее Армавира) и создать потенциально опасный плацдарм на западном берегу Кубани. С участием 40-я ОМСБр в боях за Армавир связана биография Н.Ф. Цепляева. Военный путь Н.Ф. Цепляева начался в 1912 году, после призыва в армию. Он служил рядовым

Abstract:

the 40th SMSB played an important role in the first stage of Armavir's defense by not allowing the Nazis to seize the strategically important crossing at stanitsa Prochnookopskaya (North of Armavir) and create a potentially dangerous bridgehead on the Western coast of the Kuban. A biography of N.F. Tseplyaev is connected with the participation of the 40th SMSB in the battles for Armavir. The military way of N.F. Tseplyaev began in 1912,

во 2-й конно-артиллерийской батарее 3-го Кавказского корпуса. Первую мировую войну Н.Ф. Цепляев встретил в рядах 2-го кавалерийского полка 21-й кавалерийской бригады на юго-западном фронте. К началу Великой Отечественной войны за плечами Никиты Федоровича Цепляева была Первая мировая война, Великая Октябрьская революция 1917 и Гражданская война.

when he was drafted into the army. He served as a private in the 2nd Artillery Battery of the 3rd Caucasian Corps. N.F. Tseplyaev met the First World War in the ranks of the 2nd Cavalry Regiment of the 21st Cavalry Brigade on the South-Western Front. By the beginning of the Great Patriotic War, Nikita Fedorovich Tseplyaev had the First World War, the Great October Revolution of 1917 and the Civil War under his belt.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, оборона Северного Кавказа, Армавир, 40 отдельная мотострелковая бригада (ОМСБр), Н.Ф. Цепляев.

Keywords:

The Great Patriotic War, defense of the North Caucasus, Armavir, the 40th Separate Motorized Shooting Brigade (SMSB), N.F. Tseplyaev.

Несмотря на эпизодический характер участия в обороне Армавира 40-я отдельная мотострелковая бригада (ОМСБр) Н.Ф. Цепляева, сыграла важную роль в срыве планов вермахта сходу овладеть плацдармами на западном берегу Кубани у Прочноокопской переправы. 3 августа 1942 г. авангарды 13-й танковой (13.Pz.Div.) и 16-й моторизованной (16 Infanterie-Div. (mot)) дивизий Вермахта, на плечах отступающих соединений Донской опергруппы войск РККА, прорвались к переправе через Кубань севернее Армавира и создали реальную угрозу захвата города и мостов через Кубань, которые фактически некому было оборонять. В этот кризисный момент, отбросить противника на западный берег Кубани удалось благодаря контратаке мотострелков Н.Ф. Цепляева.

40-я ОМСБр была сформирована приказом командующего СКФ № 00322/ОП от 16 июня 1942 г. в ст. Крымской. Директивой СКФ № 3207/Ш от 11 июля 1942 г. бригада из ст. Крымской была передислоцирована в ст. Старокорсунскую [8, 9]. С 12 по 30 июля 1942 г. бригада проводила работу по «сколачиванию» своих подразделений [8, 9]. Основу бригады составляли бойцы и командиры 72 кавалерийской дивизии и 1 ОСК. 72 КД, состоявшая из уроженцев кубанских станиц, понесла большие потери в

Крым, была отведена на Кубань для переформирования, а кавалеристы были зачислены в мотострелки. При этом многие казаки-кавалеристы сохранили специфические элементы своей униформы в виде папах-кубанок, бурок, черкесок, башлыков и т. д. Из-за экзотического внешнего вида новоиспеченных казаков-мотострелков 40-й ОМСБр стали образно называть «пластунской» [3], с чем конечно можно согласиться лишь с большой натяжкой.

Фото казаков 72-й Кубанской казачьей кавалерийской дивизии, сделанное на Крымском фронте в 1942 г. В мае 1942 г. в ходе разгрома гитлеровцами Крымского фронта, 72 КД в районе города Керчь обеспечила переправу частей фронта на Таманский полуостров. 15 июня из-за тяжёлых потерь была расформирована и направлена на пополнение 40-й отдельной мотострелковой бригады (ОМСБр) Северо-Кавказского фронта. 3 августа 1942 г. 40-я ОМСБр участвовала в обороне Армавира

Однако помимо кавалеристов в формировании бригады принимали участие бойцы и командиры 1 ОСК, о чем свидетельствует комиссар 1 ОСК Н.И. Привалов. «К началу июля – отмечал бригадный комиссар Н.И. Привалов – корпус оставался в составе двух бригад. Приказом фронта на нас было возложено формирование 40 МСБр, но после ее сформирования она была взята в резерв фронта» [6].

Бригада состояла из 3-х батальонов (по другим данным был еще и учебный), минометного батальона, артиллерийского дивизиона, зенитно-артиллерийского дивизиона, роты бронемашин, общей численности бойцов в 3,5 тысячи штыков. 40-я ОМСБр отличалась высокой степенью механизации (до 400 единиц техники), в том числе вездеходы, броневые автомобили, автомобили «ЗиС», ленд-лизские «Студебеккер», «Додж» [1; 4], «Шевроле» и фورد «Пигмей».

*«Шевроле» – 3116 и «Додж» – WF-32 поставлявшиеся по ленд-лизу.
Таковыми автомобилями была оснащена 40 ОМСБр СКФ,
участвовавшая в обороне Армавира 03.08.42 г.*

Редкий экземпляр автомобиля марки Форд «Пигмей» (Ford Pygmy) поставлялся в СССР по ленд-лизу и использовался в качестве транспорта для штабных и разведывательных целей. «Пигмей» входили в автопарк 40 ОМСБр СКФ

*Н.Ф. Цепляев, в августе 1942 г.
полковник, командир 40-й ОМСБР*

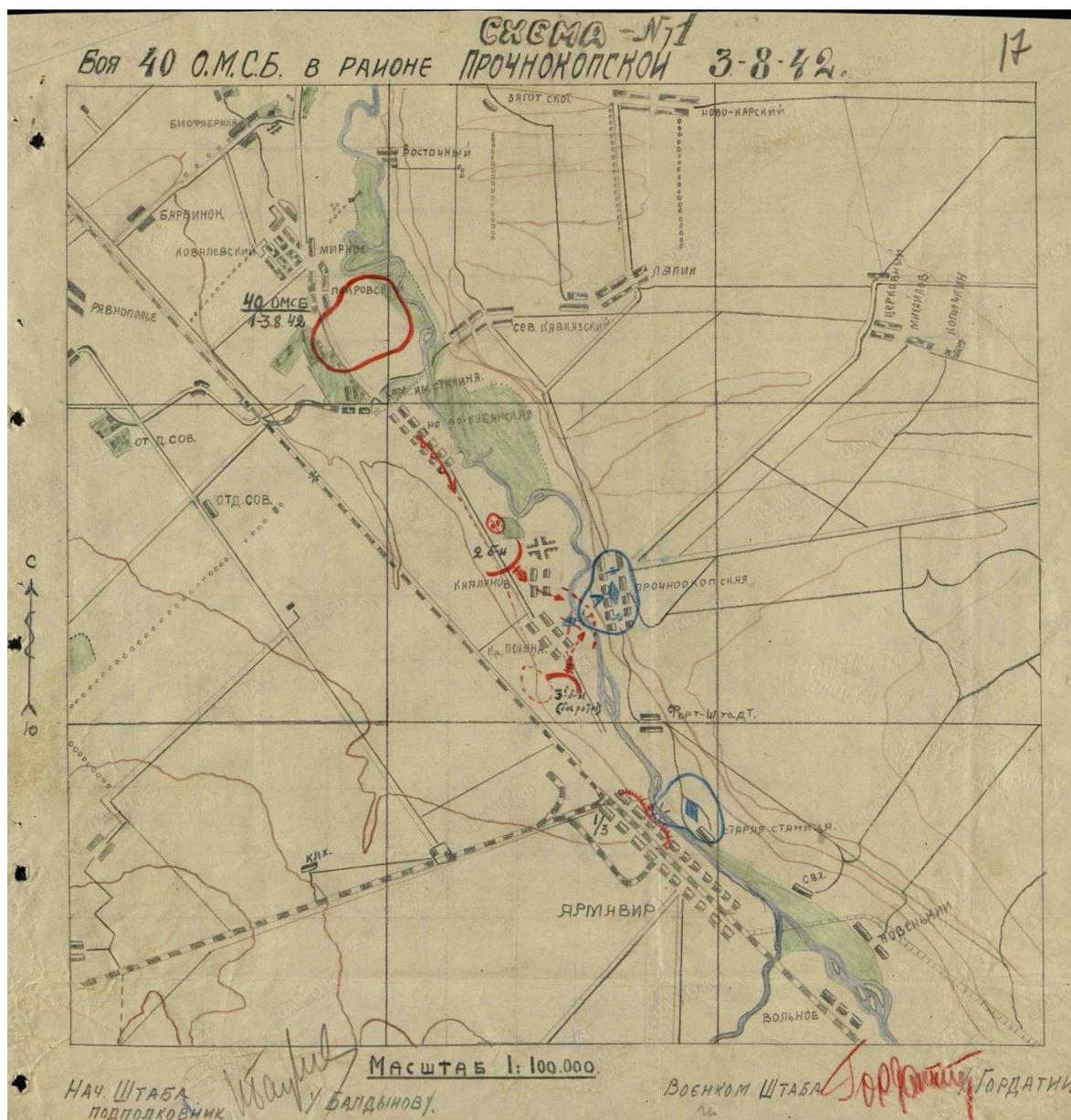

*И.В. Балдынов, в августе 1942 г.
подполковник, нач. штаба
40-й ОМСБР*

Командовал бригадой полковник Н.Ф. Цепляев, начальником штаба являлся подполковник И.В. Балдынов. К началу августа бригада была направлена из Старокорсунской в район севернее Армавира (Мирный, Ковалевский) [2].

С 1-3 августа 1942 года бригада вела разведку по берегу р. Кубани на участке Вольное – Кавказская и производила оборонительные работы по Западному берегу р. Кубани на участке Вольное – Мирное. На основании устного распоряжения начальника штаба СК фронта в 14.00 3.08.42 г. усиленный 3-й батальон бригады с разведротой получил задачу вести разведку в 4-х направлениях: а) Армавир – Ворошиловск, б) Прочноокопская – Изобильное, в) Прочноокопская – Воскресенская, г) Прочноокопская – Григорополисская. Кроме того, бригада получила приказ прикрыть заставами населенные пункты Забайколовский, Церковный и Северо-Кавказский [5].

В районе с. Новокубанское батальон бригады попал под артиллерийско-минометный обстрел, который противник вел с восточного берега р. Кубани из станицы Прочноокопской. К этому времени переправа у Прочноокопской была занята бронетехникой и пехотой противника. Начальник штаба Северо-Кавказского фронта лично приказал Н.Ф. Цепляеву атаковать прорвавшегося противника и отбросить гитлеровцев от Прочноокопской переправы. 3-й батальон и одна рота 2 батальона с разных направлений атаковали переправу у Прочноокопской и отбросили врага на восточный берег Кубани. Задача была выполнена. В этом бою бойцами Н.Ф. Цепляева было уничтожено: 7 средних танков и около двух взводов автоматчиков. Наши потери составили пять человек ранеными и трое убитыми. Потери в технике составили 3 уничтоженные автомашины «Форд». После боя за переправу, в тот же день, 3 августа 1942 г., бригада получила боевое распоряжение штаба СК фронта сдать рубежи обороны частям 1 ОСК и в 19.00 выступить на новый рубеж сосредоточения Лабинская – Курганная – Кошехабль с задачей оборонять переправы по р. Лаба [5].

С Армавиром оказалась связана не только судьба 40-й ОМСБр, но и биография полковника Н.Ф. Цепляева. Будущий комбриг 40-й ОМСБр Никита Федорович Цепляев родился 28 мая 1891 г. в с. Вольное, Хараболинской волости, Енотаевского уезда Астраханской губернии. В юности Н.Ф. Цепляев трудился в рыбопромысловой артели. В 1912 г. был призван в армию. Служил рядовым во 2-й конно-артиллерийской батарее 3-го Кавказского корпуса. После учебной команды получил чины младшего, а затем старшего унтер-офицера. Первую мировую войну Н.Ф. Цепляев встретил в рядах 2-го кавалерийского полка 21-й кавалерийской бригады

на юго-западном фронте. Принимал участие в Галицкой, Лодзинской и Карпатской боевых операциях. В 1915 г. после обучения в Киевской артиллерийской школе Никита Федорович получил чин прапорщика и вернулся в свой полк на должность командира эскадрона. Как и в каком чине Н.Ф. Цепляев закончил военную службу сведений крайне мало, при этом очевидно, что будущий красный командир, именно в период службы проникся идеями большевизма.

Летом 1917 г., вернувшись на родину Н.Ф. Цепляев активно включается в политическую борьбу, становится членом уездного (Енотаевского), а затем и губернского (Астраханского) комитетов ВКП(б). Как бывший офицер, Цепляев активно участвует в работе по созданию Красной гвардии и партизанских отрядов. В 1918 г. занимает должность начальника штаба отряда Красной гвардии Енотаевского уезда. Активный участник гражданской войны. На Восточном фронте командовал 3-м отдельным артиллерийским дивизионом 50-й стрелковой дивизии. После сражений на Урале Н.Ф. Цепляев участвует в боях на юге, где с 1919 г. сражался в рядах Черноморско-Кубанской армии, командуя 22 кавалерийской бригадой. Именно в период боев на Кубани у Н.Ф. Цепляева произошло первое знакомство с Армавиром, в районе которого, с мая по июль 1920 г. он со своими бойцами сражался против отрядов «Армии Возрождения России» генерал-майора М.А. Фостикова [11]. В августе того же года Цепляев героически проявил себя в боях против десанта Улагая, за что был награжден вторым орденом Красного Знамени.

После гражданской войны Цепляев командовал частями особого назначения (ЧОН) Астраханской (1921 г.), а затем Томской и Енисейской (1922 г.) губерний. В 1925 г. Н.Ф. Цепляев прошел обучение на курсах усовершенствования высшего командного состава при Военной академии РККА им. Фрунзе и был направлен в Китай, на должность старшего советника 2-й национальной армии. После недолгого пребывания в Китае Н.Ф. Цепляев оставил военную службу и перешел на хозяйственную работу. С 1929 г. Н. Ф. Цепляев работал управляющим зверобойным Каспийским трестом, с 1932 г. – уполномоченным Волго-Каспийского рыбного треста, с 1934 г. – директором рыбокомбината им. Микояна в г. Петропавловск-

Камчатский. В 1938 г. Н.Ф. Цепляев вернулся в Астраханскую область, работал директором на рыбзаводах в Мумре и Оранжереи Икрянинского района Астраханской области [7].

С началом Великой Отечественной войны опытный боец, командир и организатор Никита Федорович Цепляев вновь возвращается на военную службу. В июле 1941 г. Н.Ф. Цепляев командовал Сводной Донской казачьей дивизией, в конце 1941 г. был назначен командиром 13-й Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. С июня 1942 г. полковник Н.Ф. Цепляев – командир 40-й отдельной мотострелковой бригады 18-й армии Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта. В оборонительных боях на Кубани, Лабее, в предгорной зоне и на перевалах Западного Кавказа, Цепляеву удалось сохранить ядро своей бригады и в сентябре 1942 г. вывести свои батальоны, общей численностью в 2032 чел. на побережье Черного моря в район рек Шапсухо и Небут [10].

В 1943 г. Н.Ф. Цепляев – командир 236-й стрелковой дивизией Северо-Кавказского фронта, назначен начальником Управления военных заводов Красной армии. В 1944 г. Н.Ф. Цепляев был назначен командиром 15-й запасной стрелковой бригады СКВО, преобразованной затем в дивизию. В 1944 г. Никита Федорович был назначен начальником военной кафедры Саратовского государственного университета. С 1945 г. Н.Ф. Цепляев перешел на работу в Наркомат мясной и молочной промышленности СССР. В мае 1946 г. Н.Ф. Цепляев был уволен в запас. После войны Н.Ф. Цепляев был избран секретарем партийной организации колхоза «Красный партизан». Умер Н.Ф. Цепляев 2 января 1971 г. в г. Астрахань.

Успех арьергардных боев, которые вела 40-я ОМСБр под Армавиром и на майкопском направлении, во многом, определялся личной отвагой и хладнокровием комбрига. Н.Ф. Цепляев всегда находился в боевых порядках бригады, не терял управления войсками и несколько раз умело выводил свое соединение из окружения. Будучи волевым командиром, всегда отстаивавшим свою точку зрения и не терпевшим нарушения воинской дисциплины, Цепляев конфликтовал с рядом своих комбатов, ранее служивших в 72-й Кубанской казачьей кавалерийской дивизии. Кри-

тично относился Цепляев и к командиру 1 ОСК полковнику М.М. Шаповалову, который до своего перехода к врагу, жаловался на комбрига командованию 12-й армии, обвиняя Никиту Федоровича в нарушении субординации и нежелании выполнять его распоряжения. В целом, возвращаясь к событиям 3 августа 1942 г., следует отметить, что на первом этапе обороны Армавира, 40-я ОМСБр сыграла важную роль в срыве наступления врага, не позволив гитлеровцам сходу овладеть стратегически важной переправой у ст. Прочноокопской (севернее Армавира) создав потенциально опасный плацдарм на западном берегу Кубани.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басаев С. Первый советский генерал – бурят. [Электронный ресурс] URL: <http://asiarussia.ru/articles/9776/> (Дата обращения 07.05.42).

2. Боевая характеристика 40 омсбр. Описывает период с 05.12.1942 по 05.12.1942 г. Прочие документы. Даты создания документа: с 05.12.1942 по 05.12.1942 г. Архив: ЦАМО, Фонд: 371, Описание: 6367, Дело: 101, Лист начала документа в деле: 110. Авторы документа: 18 А, генерал-майор Гречко, бригад. комиссар Гольдейштейн, генерал-майор Харитонов описывает боевую операцию: Оборона перевалов центральной части главного Кавказского хребта 46-й Армией. Август-декабрь 1942 г. [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131286882&backurl=q%5C40%20%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%B1%D1%80%20::use_main_string%5Ctrue::group%5Ccall::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C6 (Дата обращения 10.08.2018).

3. Воскобойников Г.Л. Советская конница в Великой Отечественной. – М.: Вече, 2008. С.74.

4. Герасименко Р. 40-я Отдельная мотострелковая бригада. Незаслуженно забытая участница Битвы за Кавказ. [Электронный ресурс] URL: <http://sarpust.ru> Саровский краевед. (Дата обращения 15.05.2018);

5. Доклад о боевых действиях 40 омсбр за период выхода из окружения. Описывает период с 10.09.1942 по 10.09.1942 г. Доклады. Даты создания документа: с 10.09.1942 по 10.09.1942 г. Архив: ЦАМО, Фонд: 276, Описание: 811, Дело: 27, Лист начала документа в деле: 9. Авторы документа: 40 омсбр, полковник Цепляев, батал. комиссар Львов, подполковник Балдынов [Электронный

ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=112672579&backurl=q%5C40%20%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%B1%D1%80%20::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C8 (Дата обращения 10.08.2018).

6. Доклад о составе боевых операций 1 ОСК. Период с 05.09.1942 по 05.09.1942 г. (Архив ЦАМО, Фонд 276, Описание 811, Дело 27) [Электронный ресурс] URL: <https://pamyatnaroda.ru/documents/view/?id=112672601&backurl=q%5C1%20%D0%9E%D0%A1%D0%9A> (Дата обращения 19.12.2016).

7. Забытые имена Астраханского некрополя (Никита Федорович Цепляев). [Электронный ресурс] URL: <https://astkraeved.livejournal.com/94985.html> (Дата обращения 19.12.2017).

8. Память народа. Боевая характеристика 40 омсбр. Период с 16.06.1942 по 17.11.1942 г. (Архив ЦАМО, Фонд 47, Описание 1063, Дело 429). [Электронный ресурс] URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132657637&backurl=q%5C40-%D0%B9%20%D0%9E%D0%9C%D0%A1%D0%91%D1%80%20> (Дата обращения 28.08. 2017).

9. Память народа. Краткое описание боевых действий 40 омсбр. Период с 01.08.1942 по 10.11.1942 г. (Архив ЦАМО, Фонд 371, Описание 6367, Дело 101) [Электронный ресурс] URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131286854&backurl=q%5C40-%D0%B9%20%D0%9E%D0%9C%D0%A1%D0%91%D1%80> (Дата обращения 28.08. 2017).

10. Память народа. Справка по 40 мсбр. Справки. Период с 17.09.1942 по 17.09.1942 г. (Архив ЦАМО, Фонд 371, Описание 6367, Дело 940). [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132314447&backurl=q%5C41%20мсбр::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C9 (Дата обращения 23.05.2018).

11. Память народа. Цепляев Никита Федорович. [Электронный ресурс] URL: https://pamyat-naroda.ru/commander/5604/?backurl=%2Fheroes%2F%3Flast_name%3DЦепляев%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_potery%3Apotery_spiski_zahoroneniya%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_vpp%26page%3D1 (Дата обращения 19.12.2017).

ments/view/?id=112672601&backurl=q%5C1 % 20% D0% 9E% D0% A1% D0% 9A (Access date 12.19.2016).

7. *Zabytye imena Astrahanskogo nekropolya* (Nikita Fedorovich Ceplyaev) [Forgotten names of the Astrakhan necropolis (Nikita Fedorovich Tseplyaev)]. Available at: <https://astkraeved.livejournal.com/94985.html> (access date 12.19.2017).

8. *Pamyat' naroda. Boevaya harakteristika 40 omsbr* [The memory of the people. Combat characteristic of the 40th SMSB]. The period from 06/16/1942 to 11/17/1942 (Archive of CAMO, Fund 47, Inventory 1063, Case 429). Available at: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=132657637&backurl=q%5C40-%D0%B9%20% D0% 9E%D0% 9C 91% D1% 80% 20> (Circulation date: August 28, 2017).

9. *Pamyat' naroda. Kratkoe opisaniye boevyh dejstvij 40 omsbr* [The memory of the people. A brief description of the fighting of the 40th OMSB]. Period from 08/01/1942 to 11/10/1942 (Archive of CAMO, Fund 371, Inventory 6367, Case 101). Available at: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131286854&backurl=q % 5C40-% D0% B9% 20% D0% 9E% D0% 9C% D0% A1% D0% 91% D1% 80> (access date 28.08.2017).

10. *Pamyat' naroda. Spravka po 40 msbr. Spravki* [Memory of the people. reference on the 40th SMSB. References]. Period from 09/17/1942 to 09/17/1942 (Archive of CAMO, Fund 371, Inventory 6367, Case 940). Available at: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/? Id = 132314447 &backurl = q% 5C41% 20msbr :: use_main_string% 5Ctrue :: group% 5Call :: types% 5Copersvodki: rasporyajeniya: otcheti: peregovori: jbd: direktivi: prikazi: posnatovleniya: dokladi: raporti: doneseniya: svedeniya: plani: plani_operacij: karti: shemi: spravki: drugie :: page% 5C9 (Access date 23.05.2018).

11. *Pamyat' naroda. Ceplyaev Nikita Fedorovich* [Memory of the people. Tseplyaev Nikita Fedorovich]. Available at: [3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneny% 3Apotery_voennoplen% 3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov% 3Apotery_kartoteki% 3Apotery_vpp% 26page% 3D1](https://pamyat-naroda.ru/documents/view/? Id = 132314447 &backurl = q% 5C41% 20msbr :: use_main_string% 5Ctrue :: group% 5Call :: types% 5Copersvodki: rasporyajeniya: otcheti: peregovori: jbd: direktivi: prikazi: posnatovleniya: dokladi: raporti: doneseniya: svedeniya: plani: plani_operacij: karti: shemi: spravki: drugie :: page% 5C9) (access date 12.19.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Приймак Ю.В. 40-Я отдельная мотострелковая бригада Н.Ф. Цепляева в боях за переправы Средней Кубани (малоизвестные страницы обороны Армавира) / Ю.В. Приймак, А.М. Курьян, Е.С. Фольк // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 94–106.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Priymak Yu.V. The 40th Separate Motorized Shooting Brigade of N.F. Tseplyaev in the fights for crossings of the Middle Kuban (little-known pages of the defense of Armavir) / Yu.V. Priymak, A.M. Kuryan, E.S. Folk // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 94–106. (In Russian).

УДК-93

**Хоруженко Виктория
Константиновна**

*заведующая кафедрой истории
Таганрогского института имени
А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)»
(г. Таганрог)*

**Khoruzhenko Victoriya
Konstantinovna**

*Candidate of Historical Sciences,
Head of the Department of History,
A.P. Chekhov Taganrog Institute
(branch), Rostov State University
of Economics (Taganrog)*

**ИСТОРИСОФИЯ АНАРХИЗМА П.А.
КРОПОТКИНА**

**P.A. KROPOTKIN
AND HIS HISTORIOSOPHY
OF ANARCHISM**

Аннотация:

*теоретическое обоснование
будущего анархического общества
было сформулировано П.А. Кропот-
киным. Ученый-географ, князь
П.А. Кропоткин являлся сторон-
ником позитивистского взгляда на
развитие общества и предложил
оригинальное философское и
этическое обоснование анархизма.
Его историософия доказывала
необходимость разрушения
государства как института,
который неизбежно ограничивает
развитие человеческой личности, не
дает развиваться ее нравственным
началам, заложенным самой
Природой. В статье раскрываются
историко-философские взгляды
выдающегося анархиста, а также
дается их критическое освещение
в историографии.*

Ключевые слова:

*философия истории анархизма,
историческое развитие общества,
этика анархизма, революция,
общественное соглашение,
справедливость, равенство,
самопожертвование.*

Abstract:

*the theoretical substantiation of the
future anarchic society was
formulated by P.A. Kropotkin.
The scientist-geographer, prince
P.A. Kropotkin was a supporter of the
positivist view on the development of
society and proposed an original
philosophical and ethical justification
of anarchism. His historiosophy
proved the need for the destruction of
the state as an institution that
inevitably limits the development of
the human personality, does not
develop its moral principles laid
down by the nature itself. The article
reveals the historical and
philosophical views of the
outstanding anarchist as well as
their critical coverage in
historiography.*

Keywords:

*philosophy of anarchism history,
historical development of society,
ethics of anarchism, revolution, social
agreement, justice, equality, self-
sacrifice.*

Анархическое направление в русском общественном движении второй половины XIX века являлось самым популярным среди народничества. Однако с уходом последнего с исторической арены актуальной проблемой дальнейшего развития движения стало отсутствие теоретической доктрины анархизма, что не позволяло ему соперничать с активно распространявшейся в России с 80-х гг. XIX в. «научной теорией» марксизма. Работы основателя русского анархизма М.А. Бакунина являлись, скорее, практическим руководством для молодого поколения революционеров 1860-1870-х годов. Теория анархизма могла стать жизнеспособной (и конкурентоспособной) только в случае ее научного обоснования. Петр Алексеевич Кропоткин, взявший на себя миссию теоретика анархизма, как нельзя лучше подходил для этой роли. Бывший народник, известный геолог и географ, Кропоткин давал новое толкование анархизма в свете новейших научных достижений XIX века, стремясь создать «синтетическую мировую философию» для обоснования неизбежности анархии для будущего» [7, с. 574].

Историософии анархизма была посвящена работа «Современная наука и анархия», где Кропоткин попытался доказать, что развитие анархической идеи сопровождало прогресс естественных наук, что в современном понимании «анархия есть мирозерцание, основанное на механическом понимании явлений, охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ» [7, с. 280]. В этой же работе были четко обозначены позиции анархизма в отношении государства и его роли в истории.

Антиэтатизм – центральная идея в учении Кропоткина, как и в концепции Бакунина. В отличие от последнего, ученый для обоснования теории анархизма построил свою историческую концепцию. К сожалению, в историографии этому аспекту кропоткинского наследия уделялось мало внимания. Считалось, что теория исторического развития Кропоткина «служит прикрытием анархистского субъективизма в теории и волюнтаризма на практике» [14, с. 37]. Исследователи творчества Кропоткина в основном уделяли внимание рассмотрению его вклада в изучение истории Великой Французской революции. Единственная работа, посвященная

изучению его исторических взглядов, принадлежит О.С. Сафронову, однако он продолжает рассматривать теорию Кропоткина как «деструктивную» и «утопичную» [12, с. 13]. Между тем, историческая концепция теоретика анархизма отличается своеобразием и оригинальностью, привлекает своим оптимизмом, опорой на духовность, верой в Человека.

Исторический процесс, в трактовке Кропоткина, представлял собой прогрессивное развитие анархической идеи. Движение мировой истории было циклическим: развитие человеческих обществ не было непрерывным. Египет, Азия, берега Средиземного моря, Центральная Европа поочередно пребывали очагами исторического развития. И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем оно переходило к сельской общине; затем наступал период вольных городов и, наконец, период государства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем вскоре замирало [7, с. 452]. Таким образом, все цивилизации неизбежно гибнут, когда достигали стадии развитого государства.

Государство для теоретика анархизма – «ярко выраженный тип иерархического учреждения, выработанного веками для того, чтобы подчинить всех людей и все их возможные группировки государственной власти» [7, с. 391]. Государству Кропоткин противопоставлял присущий природе каждого живого существа инстинкт Взаимопомощи. Это понятие становится важнейшей основной составляющей теории кропоткинско-анархизма.

Ученый доказывал, что между историей и нравственностью существует неразрывная связь: если общество не выполняет ни одного из основных законов самосохранения, если в нем в силу той или иной причины слабеют инстинкты Взаимопомощи, Справедливости и Нравственности, то общество обязательно идет к упадку, его ждет крах и полное исчезновение [8, с. 44]. Если государство в истории играло только негативную роль, мешая историческому процессу, то Взаимопомощь всегда являлась главным орудием прогрессивного развития [7, с. 274]. Утрированное рассмотрение некоторыми историками теории взаимопомощи Кропоткина как «проповеди... классового мира эксплуататоров и эксплуати-

руемых» [2, с. 163] не соответствовало взглядам последнего, так как противоречие между силами Государства и Взаимопомощи могло разрешиться, как полагал анархист, только революционным путем.

Все историческое развитие, по мнению ученого, доказывало необходимость уничтожения государства. Первой общественной формой, основанной на началах взаимопомощи, по мнению Кропоткина, был род. Рассматривая историю первобытности, Кропоткин задавался одной основной целью – показать род как образец общества, не знавшего никакой другой власти, кроме власти общественного мнения. Показателем эффективности подобных взаимоотношений, по мнению ученого, являлось длительное существование родовой организации [5, с. 94].

Аргументы, подтверждавшие возможность построения безгосударственного общества, теоретик анархизма находил и в следующей ступени общественного развития – стадии деревенской общины. Отход человечества от первобытности был связан, прежде всего, с переселением народов, которое разрушило старые родовые связи. Чтобы избежать гибели, человечеству пришлось искать новые формы общественной жизни. Стремление человека к взаимопомощи вызвало к жизни деревенскую общину, которая «представляла собой всеобщую ступень развития человеческого рода, естественное порождение родовой организации» [5, с. 126] и унаследовала все функции рода. Община, по мнению Кропоткина, была не только союзом для обеспечения каждому справедливой доли в пользовании общинной землей; она была также союзом для общей обработки земли, для взаимной поддержки во всех возможных формах [5, с. 130]. Значение общины, полагал ученый, состояло в том, что за время своего существования она выработала глубокие нравственные начала [5, с. 153].

С развитием торговли общину сменили новые общественные формы – гильдии, а затем – вольные средневековые города (Флоренция, Генуя, Венеция). Городское самоуправление, в интерпретации Кропоткина, являло собой претворение в жизнь принципа федерации. Кропоткин, утверждал, что никогда человечество не знало такого сравнительного благосостояния, каким пользовались средневековые города [7, с. 418].

Вольные города развивались до тех пор, пока государство не захватило контроль над обществом в свои руки. Кропоткин-историк полагал, что Государство стало одной из форм, которые общество принимало в течение своей истории [7, с. 397]. Время возникновения государства – шестнадцатый век, когда завершилось уничтожение свободных общин и создано общество взаимного страхования между военной и судебной властью, земледельцами и капиталистами [7, с. 422-423]. Все государства создавались путем насилия, интриг и подкупа, а где нужно – кинжала и яда. Так складывалось и Московское государство [7, с. 424-425]. По его мнению, современному ему обществу грозила неминуемая гибель: губительное влияние государства, способствовало ослаблению инстинкта Взаимопомощи; на смену федералистскому духу пришел дух государственной дисциплины, который лишил народ свободы [7, с. 428].

Историческая концепция Кропоткина покоилась на основании его концепции биологического развития, изложенной в знаменитой книге «Взаимопомощь как фактор эволюции». Ее обоснованность до сих пор подвергается критике [17; 19]. Альваро Гирон справедливо отмечает, что попытка Кропоткина обосновать происхождение социальных инстинктов от животных имеет очевидный политический подтекст [19, с. 196].

Из прошлого теоретиком анархизма были взяты основные теоретические принципы организации будущего анархического общества: коммунизм – из первобытного общества; боязнь общественного порицания, добровольное соглашение – из варварства (деревенской общины); принцип федерации – из средневековья.

При рассмотрении обоснования теории Кропоткина становится очевидным, что ведущей составляющей его мировоззрения являлась этика. В этом новизна, оригинальность и глубокая человечность кропоткинского анархизма, ведь теория Бакунина не имела этического обоснования. В историографии гуманистический пафос анархизма Кропоткина получил признание только в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [1; 11; 14].

Государство, в представлении Кропоткина, было негативно, прежде всего, в силу своей безнравственности – все худшие из присущих человеку пороков, по мнению теоретика, являлись результатом власти, одинаково

развращающей и властителей и подвластных [3, с. 26]. Во имя дальнейшего развития общественной Нравственности требовалось уничтожить Государство, Церковь, эксплуатацию, судью, священника, правительство и эксплуататора [8, с. 141].

Конечно, нельзя не признать наивной утопичности взглядов П. Кропоткина с позиций современного знания. Р. Кинна, например, считает, что Кропоткину не удалось создать научное обоснование анархии, несмотря на уверенность ученого, что наука продемонстрировала то, что анархия была жизнеспособной альтернативой социал-демократии [18].

Полагая, что общественный строй народа и его нравственность тесно связаны между собой [8, с. 262], Кропоткин посвятил много сил выработке нравственных основ анархизма. Ученый полагал, что три инстинкта составляют нравственность – это инстинкт общительности, справедливость и самопожертвование [8, с. 270-271]. В условиях равенства и свободы человек мог бы достичь полного развития своей личности, достичь высшей фазы развития нравственности – чувства самопожертвования. Таким образом, перед анархическим обществом ставилась цель не просто достигнуть довольства и благосостояния, но, прежде всего, высот духовных. Только анархический коммунизм сможет дать человечеству и свободу экономическую, и свободу политическую [7, с. 46, 52].

Вопрос о возможности существования конфедерации общин, как альтернативы государству, предложенный П.А. Кропоткиным до сих пор вызывает неоднозначные оценки. При этом некоторые, том числе зарубежные исследователи рассматривают их как альтернативный рациональный вариант организации общества. Так, А. Картер писал: «Анархические предложения для конфедерации, основанной на силе местных общин... более чем актуальны» [16, с. 67].

Революцию Кропоткин считал необходимым элементом исторического процесса. Он оптимистически полагал, что она никогда не бывает результатом отчаяния. От избытка зла не может произойти добро [4, с. 86]. Только надежда на улучшение может привести к революции [4, с. 19]. Основой всякой революции, полагал ученый, может быть только созидательное творчество [3, с. 162]. В такой трактовке революционного процесса

теория Кропоткина разительно отличалась от «философии бунта» его предшественника. Как справедливо заметил Пол Аврич в своей классической работе: «Его научное образование и оптимистический взгляд на мир обеспечили теорию анархизма тем конструктивным аспектом, который резко контрастировал с духом слепого отрицания, пронизывавшего работы Бакунин» [15, с. 27].

Кропоткинская поэтика привлекала к себе молодежь. Желающая действовать, она с радостью следовала призывам Кропоткина, которые отвечали ее революционному романтизму: «Бороться, идти навстречу опасности <...>, сознавать свою солидарность с теми, кто заслуживает любви, и чувствовать себя любимым ими в свою очередь... – в этом заключается радость ощущения бытия» [9, с. 154].

Нравственная привлекательность кропоткинской теории способствовала пополнению рядов анархистов в России. Между тем, отсутствие прямого призыва к революционному насилию делало теорию Кропоткина «устаревшей» для революционной молодежи начала XX века [13, с. 352].

Налицо было разительное несоответствие между идеалами народничества 70-х гг., выходцем из которых был П.А. Кропоткин, и устремлениями молодых радикалов начала XX века. Именно в традициях народничества было переносить вопросы из общетеоретического плана в план этический [10, с. 111], тогда как для террористического анархизма нравственный аспект имел второстепенное значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваль Б.И. Этика анархизма/ Б.И. Коваль // Новая и новейшая история. – 1990. – № 5. С. 53-66.
2. Косичев А. Д. Борьба марксизма-ленинизма с идеологией анархизма и современность /А.Д. Косичев. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1964. – 414 с.
3. Кропоткин П.А. Век ожидания. Сб. ст./ П.А. Кропоткин. – М.: Голос труда, 1925. – 172 с.
4. Кропоткин П.А. Великая Французская революция 1789-1793 гг./ П.А. Кропоткин. – М.: Наука, 1979.- 576 с.
5. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции/ П.А. Кропоткин. – Пб; М.: Голос труда, 1922. – 232 с.

6. Кропоткин П.А. Завоевание хлеба/ П.А. Кропоткин. – СПб.: Изд-во В. Яковенко, 1906. – 210 с.
7. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия/ П.А. Кропоткин. – М.: Правда, 1990. – 638 с.
8. Кропоткин П.А. Этика: избранные труды/ П.А. Кропоткин. – М.: Политиздат, 1991. – 493 с.
9. Кропоткин П.А. Этика анархизма/ П.А. Кропоткин. – СПб.: Свободный договор, 1906. – 143 с.
10. Матковская И. Я. Проблемы развития прогрессивной этической мысли России/И.Я. Матковская. – М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.
11. Мкртчян А.А. Кропоткин и Западная Европа/ А.А. Мкртчян // Новая и новейшая история. – 1991. – № 2. С. 55-63.
12. Сафронов О.С. Петр Алексеевич Кропоткин как теоретик и пропагандист анархизма, как историк. Автореферат дис. канд. ист. наук / О.С. Сафронов. – Воронеж, 2000. – 24 с.
13. Смирнова В.К. «Пропаганда действием» в теории и практике российского анархизма рубежа XIX-XX вв./В.К. Смирнова //Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2014. – № 2. – С. 350-355.
14. Ударцев С.Ф. Кропоткин/ С.Ф. Ударцев. М.: Наука, 1989. -146 с.
15. Avruch P. The Russian Anarchists/ P. Avruch. – Princeton – New Jersey: Princeton University Press, 1967. – 303 p.
16. Carter A. The political theory of anarchism / Carter A. – London: Routledge and K. Paul, 1971. – 118 p.
17. Girón Á. Kropotkin between Lamarck and Darwin: the impossible synthesis / Á. Girón // Asclepio. – 2003. – Vol. 55. – No 1. – P. 189-213.
18. Kinna R. Anarchism and the politics of utopia // Davis L. and Kinna R. (eds.). Anarchism and Utopianism. Manchester : Manchester University Press, 2009. Available at: <https://dspace.lboro.ac.uk/2134/5900>
19. Todes D. P. Darwin's Malthusian Metaphor and Russian Evolutionary Thought, 1859-1917 / D. P. Todes // Isis. – Dec., 1987. – Vol. 78. – No. 4. – P. 537-551.

REFERENCES

1. Koval' B.I. *Ethtika anarhizma* [Ethics of anarchism]. *Novaya i novejšhaya istoriya*=*New and recent history*, 1990, no. 5, pp. 53-66. (In Russian).
2. Kosichev A. D. *Bor'ba marksizma-leninizma s ideologiej anarhizma i sovremennost'* [The struggle of Marxism-Leninism with the ideology of anarchism and modernity]. Moscow, Moscow university Publ., 1964. 414 p.

3. Kropotkin P.A. *Vek ozhidaniya* [Age of expectation.]. Moscow, Voice of labor Publ., 1925. 172 p.
4. Kropotkin P.A. *Velikaya Francuzskaya revolyuciya 1789-1793 gg.* [The Great French revolution of 1789-1793]. Moscow, Science Publ., 1979ю 576 p.
5. Kropotkin P.A. *Vzaimnaya pomoshch' kak faktor ehvolyucii* [Mutual assistance as a factor of evolution]. Moscow: "Voice of labor" Publ., 1922. 232 p.
6. Kropotkin P.A. *Zavoevanie hleba* [Conquest of bread]. Saint-Petersburg: V. Yakovenko Publ., 1906. 210 p.
7. Kropotkin P.A. *Hleb i volya. Sovremennaya nauka i anarhiya* [Bread and will. Modern science and anarchy]. Moscow: Truth Publ., 1990. 638 p.
8. Kropotkin P.A. *Etika: izbrannyye trudy* [Ethics: selected works]. Moscow: Politizdat Publ., 1991. 493 p.
9. Kropotkin P.A. *Etika anarhizma* [Ethics of anarchism]. Saint-Petersburg.:Free contract Publ., 1906. 143 p.
10. Matkovskaya I. YA. *Problemy razvitiya progressivnoj ehticheskoy mysli Rossii* [The problems of the development of progressive ethical thought in Russia]. Moscow: Higher school Publ., 1990. 127 p.
11. Mkrtichyan A.A. *Kropotkin i Zapadnaya Evropa* [Kropotkin and Western Europe]. *Novaya i novejshaya istoriya*=*New and recent history*, 1991, no 2, pp. 55-63. (In Russian).
12. Safronov O.S. *Petr Alekseevich Kropotkin kak teoretik i propagandist anarhizma, kak istorik.* [Peter A. Kropotkin as a theorist and propagandist of anarchism, as a historian]. Avtoreferat diss. kand. ist. Nauk. Voronezh, the author's abstract Diss. kand. east. Sciences'. Voronezh: Voronezh state University Publ., 2000. 24 p. (In Russian)
13. Smirnova V.K. «Propaganda dejstviem» v teorii i praktike rossijskogo anarhizma rubezha XIX-XX vv. ["Propaganda by action" in the theory and practice of Russian anarchism at the turn of XIX-XX centuries]. *Vestnik Taganrogskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute = Bulletin of Taganrog state pedagogical Institute*, 2014, no 2, pp. 350-355. (In Russian).
14. Udarcov S.F. *Kropotkin* [Kropotkin]. Moscow: Truth Publ., 1989. 146 p.
15. Avrich P. *The Russian Anarchists*. Princeton – New Jersey: Princeton University Press, 1967. 303 p.
16. Carter A. *The political theory of aharchism*. London: Routledge and K. Paul, 1971. 118 p.
17. Girón Á. Kropotkin between Lamarck and Darwin: the impossible synthesis. *Asclepio*. – 2003, vol 55, no 1, pp. 189-213.

18. Kinna R. Anarchism and the politics of utopia. Anarchism and Utopianism. Manchester : Manchester University Press, 2009. Available at: <https://dspace.lboro.ac.uk/2134/5900>

19. Todes D. P. Darwin's Malthusian Metaphor and Russian Evolutionary Thought, 1859-1917. *Isis*, Dec., 1987, vol. 78, no. 4, pp. 537-551.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Хоруженко В.К. Историософия анархизма П.А. Кропоткина / В.К. Хоруженко // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 107–116.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khoruzhenko V.K. P.A. Kropotkin and his historiosophy of anarchism of / V.K. Horuzhenko // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 107–116. (In Russian).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

УДК-81'25

Ковалевич Елена Павловна

кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
иностранных языков и методики их
преподавания ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Kovalevich Elena Pavlovna

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Department of
Foreign Languages and Methods of
Teaching, Armavir State Pedagogical
University (Armavir)

Корсакова Виктория Андреевна

аспирантка ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Korsakova Victoria Andreevna

post-graduate student, Armavir state
pedagogical university (Armavir)

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ИНТЕРНЕТ-МЕМА

TO THE QUESTION OF THE MODEL OF INTERNET MEME

Аннотация:

в статье рассматриваются модели интернет-мемов с учётом их видов и основных элементов содержания. Анализируются характеристики, влияющие на их порождение и распространение. Описывается семантическое наполнение мемов, и выявляются причины их употребления пользователями в процессе интернет коммуникации.

Abstract:

the article considers the models of internet memes according to their types and basic elements. The features affecting their genesis and distribution are analyzed. Semantics of memes is described and causes of their usage in the internet communication are revealed.

Ключевые слова:

интернет-мем, структура,
функция, интернет коммуникация,
модель.

Keywords:

internet meme, structure, function,
internet communication, model.

Интернет-мемы составляют один из главных трендов XXI века, заполняя повседневную жизнь человека, находя применение для решения определенных маркетинговых задач и оказывая влияние на настроения

в обществе. С точки зрения меметики – науки, которая занимается изучением мемов, мем представляется некой идеей или единицей культуры и передается не генетическим способом, но посредством имитации. Человеку свойственно перенимать или копировать идеи, поведение и привычки друг друга, поэтому процесс имитации происходит для людей незаметно. Некоторые из ученых отмечают вирусную направленность мемов, в связи с их основным способом передачи от носителя к носителю, подобно инфекции, поражающей мозг [10].

Существует две группы мемов: те, что циркулируют за пределами интернета и те, что распространяются внутри него по различным каналам. И те и другие распространяются по одной и той же схеме, проникая в умы людей. Однако благодаря различным социальным сетям, мемы обретают дополнительное, виртуальное пространство для передачи и хранения. Мемам свойственно лавинообразное распространение, которое инициируется постоянно возникающими в обществе новостями. Достигнув своего апогея, и породив при этом множество вариаций мемов на определенную тему, они постепенно сбавляют скорость распространения до тех пор, пока мем либо перейдет в категорию классики, либо перестанет существовать вообще.

Благодаря техническому прогрессу большинство видов мемов мы можем встретить именно в сети. Основными причинами этого служат общедоступность и легкость в эксплуатации соответствующего оборудования. Согласно наиболее распространенным трактовкам интернет-мемы выступают в следующем качестве:

1) an image, a video, a piece of text, etc. that is passed very quickly from one Internet user to another, often with slight changes that make it humorous [7];

2) a joke that spreads around online that has many variations of itself [6].

Исходя из представленных определений, можно заключить, что интернет-мем является некой картинкой, видео или текстом, которые быстро предаются от пользователя к пользователю; в частности, могут выступать в качестве распространяющейся в сети шутки, также имеющей множество вариаций.

В контексте меметики культура и мем представляются тесно связанными понятиями. Многие исследователи считают, что эволюция культуры

была бы невозможна без эволюции мемов. Основанием для подобной трактовки является тот факт, что такие порождения культуры, как музыка, кино, мода, религия и пр. одновременно выступают в качестве мема и единицы культуры.

Первым ученым, описывающим культуру как совокупность мемов, был Р. Докинз. В своей книге, рассматривая мемы в качестве единиц культуры, он утверждает, что они представляют собой идеи, образ поведения или стиль, передающиеся от человека к человеку в пределах одной культуры: «meme» – is an idea, behaviour or style that spreads from person to person within a culture [3].

Его последователи, опираясь в своих работах на теорию Универсального дарвинизма, выделили основные критерии, влияющие на успешное распространение мемов: точность при копировании (чем точнее копия, тем больше останется от оригинальной модели мема после нескольких раундов передачи); результативность (чем быстрее происходит репликация, тем больше репликаторов будет распространено) и жизнеспособность (чем дольше существует репликатор, тем больше его копий будет сделано).

С. Блэкмор понимает мем как репликатор, который всегда стремится быть скопированным и переданным, а самым успешным, по её мнению, является тот, что сумел сохраниться в долговременной памяти носителя. Согласно теории автора, мозг человека отвечает за отбор и передачу наиболее запоминающихся мемов. Передача тех или иных репликаторов напрямую зависит от предпочтений человека, концентрации внимания, эмоций и желаний [2].

В сети подобное правило также может быть применено, однако в виду большей конкуренции среди мемов, возникает и больше критериев для успешного существования мема. По мнению И. Бергера и К. Милкман, существует шесть главных мотивов, которыми руководствуются люди при выборе к распространению того или иного интернет-мема.

1. Мем носит позитивный характер. Это представляется важным, поскольку люди более склонны распространять мемы позитивные, интересные, удивительные или практичные. Мемы юмористического характера также входят в число самых распространенных в сети.

2. Мем способен вызвать эмоции. При этом не так важно, положительные это эмоции или отрицательные: если данный пост находит эмоциональный отклик у пользователей, его шансы на распространение возрастают во много раз.

3. Мем легко декодировать. То есть простые и понятные мемы распространяются лучше, чем сложные и замысловатые.

4. Мем является престижным (трендовым). То есть, копируя его себе и передавая дальше, пользователь показывает свою осведомленность в сетевых трендах. Например, мем, содержащий аллюзии или кадры из последнего блокбастера, будет более распространяемым, нежели известные небольшой группе людей изображения из сериала.

5. Мем находится в топе лучших. Позиция, занимаемая мемом в списке наиболее трендовых, прямо пропорциональна количеству пользователей, оценивших и распространивших данный пост. И наоборот, чем дольше пост находится в тренде, тем больше людей обратит на него свое внимание. Так, в раздел самых популярных сети Tumblr попадают мемы, которые получили одобрение большинства пользователей.

6. Возможность самому стать мемом, т. е. не просто поделиться постом в сети, но и самому принять участие в акции. Примером может стать флэш-моб Ice Bucket Challenge, ставший популярным в 2014 году, который имел целью сбор денег в фонд по исследованию бокового амиотрофического склероза. Люди снимали на видео то, как они обливают себя ледяной водой и называют еще три имени людей, которым передают эстафету. Если человек этого не делает, то он жертвует деньги в фонд, причём часто участники акции и обливали себя водой, и жертвовали деньги [1].

Таким образом, можно отметить, что популярность и распространённость тех или иных интернет-мемов напрямую зависит от человека, их распространяющего, его склонностей, интересов и социокультурного окружения. Также большое значение имеет психологический фактор, например, от кого исходит информация, насколько престижна она и позволит ли данному человеку продемонстрировать себя и свою осведомленность в трендах. Пользователи стремятся подчеркнуть свою принадлежность к определенному интернет сообществу, что представляется важным для существования и общения в виртуальном пространстве.

Для того чтобы проанализировать популярные мемы в сети, стоит обратиться к определенным сайтам, занимающимся их распространением. Например, согласно одной из ведущих американских социальных сетей Tumblr, позволяющей людям вести свои мини-блоги о своих хобби и интересах, самыми трендовыми темами являются: влоггеры, домашние питомцы, шуточные гороскопы, звезды шоу бизнеса, природа, фильмы, дизайн (интерьер), скриншоты твиттов и т. д. В данной социальной сети также имеются тэги дня, которые отображают самые примечательные события, происходящие в обществе. Например, тэг nws1 (National Women's Soccer League) ознаменовал начало сезона в женской американской лиге футбола, или Wanna One (к-поп группа).

Обычно фанаты выводят в тренды тэг в связи с выходом нового музыкального видео. Тэг дня может изменяться в зависимости от событий, происходящих в реальном мире и уровня заинтересованности в них интернет пользователей и их желание высказать своё мнение по данному поводу. Сам хэштэг представляет собой разновидность мема, поскольку определенный тэг может распространяться большинством пользователей и быть направленным для достижения какой-либо цели. Они активно функционируют в таких соцсетях, как Instagram, Twitter и Tumblr, что позволяет не только привлечь внимание к какому-либо событию, но и облегчает поиск необходимой информации на данных сайтах, поскольку тэги разбиты на категории по темам, например, фитнес, путешествия, красота, мода и прочее.

Говоря о модели распространения мемов, стоит отметить, что их выделяют всего две: горизонтальная и вертикальная. Разработаны они были отечественным ученым В.М. Бехтеревым. Вертикальная подразумевает передачу мемов из поколения в поколение, например от матери к ребенку, или от бабушки внукам (семейные традиции, артефакты, передающиеся по наследству, литература и т. д.). Горизонтальная передача происходит среди представителей одного поколения (посредством книг, телевидения, СМИ и интернет) [4].

Сегодня мы все чаще можем встретить распространение мемов именно горизонтальным способом, чему способствует быстро развивающиеся

технологии и переход коммуникации в сеть. Общение в виртуальном пространстве посредством мессенджеров и соцсетей выступает как особый вид современной коммуникации, включающей письменную и разговорную речь. Подобная коммуникация имеет свои особенности, например, индивидуальную направленность. Поскольку такое общение имеет одного или несколько получателей (группы в чате), в его ходе используется разговорная речь, без всяких клише. Отбор тех или иных мемов в процессе интернет-коммуникации обусловлен темой общения, его целью и особенностями коммуникантов [12].

Мемы находятся в постоянном движении, они обновляются и мутируют, создавая тем самым всё новые и более сложные элементы визуально-вербального общения в сети. Мемы не только дают возможность пользователям визуализировать свои идеи, но и упрощают общение благодаря наличию ситуативно обусловленного мема. По контексту, понятному участникам общения, можно определить, к какой интернет субкультуре они относятся и насколько осведомлены о событиях, происходящих в мире.

Любой мем, имея определенную идею в виде некоего визуального образа, обладают семантической нагрузкой, требующей понимания или декодирования. Правильное декодирование мемов зависит от того, насколько часто пользователь видел этот мем, а также его фоновых знаний о мире и интернет культуре в целом. Чем чаще и больше человек сталкивается в сети с определенным мемом, тем более понятным становится его юмор и ситуация для применения.

Необходимо также отметить, что мемам присуща определенная двойственность, визуальность и/или текстуальность, подкрепленные юмором или сарказмом. Под данный образец можно подвести все мемы, существующие в сети Интернет. Исследователи уверены, что цифровому объекту, чтобы стать мемом, нужна текстовая информация, которая сопровождала бы его контекстом для понимания, однако есть мемы, успешно существующие без текстового дополнения, например, видеоролики, где текст заменен звучащим вербальным компонентом.

С точки зрения паралингвистики интернет-мем можно рассмотреть в качестве креолизованного текста, обладающего как знаковым, так и

коммуникативным характером, поскольку содержит в себе визуальную информацию, которая требует декодирования. Основу подобного текста составляют иконические (изобразительные) средства, объединённые в определенное сообщение в содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом аспектах. Существовая в едином семантическом пространстве и взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический компоненты сообщения обеспечивают целостность и связность креолизованного текста, его коммуникативный эффект [9].

Таким образом, в процессе восприятия реципиентом креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации на визуальном и текстуальном уровнях, в результате чего и возникает единый общий концепт (смысл) креолизованного текста. Использование интернет-мемов в качестве креолизованного текста знаменует собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации, отвечающий потребностям современного общества [9].

Для достижения необходимого воздействия на адресата с помощью интернет-мема необходимо: 1) использование изобразительных (визуальных элементов) (видео, фото, картинка, гиф-изображение); 2) наличие вербальных средств (что может также отсутствовать); 3) использование паралингвистических средств (шрифт, знаки препинания, определенная орфография и т. д.) [11].

Исходя из этого, можно сказать, что мем состоит из трёх основных элементов: визуального (видеоролик, гиф-изображение или картинка), текстуального (наложенный текст на изображения и т. д.) и вербального (озвучка видео, песни). Они могут встречаться в мемах как по отдельности, так и в сочетании, например, текстуально-визуальные и визуально-вербальные. Все три элемента необходимы при рассмотрении разновидностей мемов в сети. Однако полный анализ мемов невозможен без учёта их структуры и функций. На основе этих двух факторов можно создать модель мемов, включающую разнообразные характеристики и иерархию мемов. Данные элементы представляются нам неотъемлемыми составляющими данного феномена.

Современные мемы функционируют как шутки, в качестве политического и идеологического двигателя общества, а также социальных

движений в контексте глобализации. Мемы играют большую роль в формировании общественного мнения, формируя негативное, или наоборот, позитивное отношение к той или иной группе людей / событий / явлений.

Проанализировав популярные мемы в сети, можно выделить следующие функции, которые они выполняют в процессе взаимодействия пользователей в интернете: 1) информирующая (способность мемов в юмористической форме отражать свежие новости из жизни общества); 2) идентифицирующая (позволяющая самовыразиться пользователям и проявить свой творческий потенциал); 3) коммуникативная (способность устанавливать контакт; обсуждать, оценивать и комментировать ситуации или поведения человека) и 4) пропагандирующая (продвижение определенных идей, продуктов массмаркета и т. д.) [8].

Один мем может выполнять несколько функций одновременно, но кроме набора функций им также свойственна определенная структура, обладающая формой и семантикой. Под формой понимается узнаваемая часть мема, «главный герой» мема, или образ, фирменная фраза и/или фоновое окружение, в случае комиксов – последовательность изображений и их расположение, а также формат, в котором мем выступает (видео, гиф, картинка, «фотожаба» и прочее). Семантика подразумевает смысловую нагрузку, имплицитный смысл мема продукта, требующий расшифровки от пользователя.

Не смотря на то, что облик мемов может претерпевать изменения под воздействием разных пользователей, основной семантический признак в процессе передачи остается неизменным. Они способны удачно передавать состояние человека в той или иной жизненной ситуации, что объясняет большую популярность мемов в современном обществе.

Смысловую нагрузку любого мема можно определить, исходя из ситуации их наиболее частого употребления. Большинство мемов носят юмористичный, ироничный или же саркастичный характер. Так, серия мемов Kermit the Frog «But That's None of My Business» (Это не моё дело), описывает саркастичное, порой даже оскорбительное замечание в сторону человека или же группы людей, высмеивающие их поведение или

высказывание [5]. Изображённая на них зелёная лягушка полюбилась пользователям сети в качестве мема, так как большинству людей данный персонаж знаком с детства по сериалам «Улица Сезам» и «Маппет-шоу» и ассоциируется у них с комичными ситуациями из телешоу. Поэтому люди свободно используют его образ для проявления своего творческого потенциала и распространения мнений относительно разных событий.

Таким образом, мем успешно функционирует в сети, если он обладает узнаваемой структурированной формой, наполненной смысловым содержанием, и выполняет определённую функцию. При отсутствии хотя бы одной из составляющих его шансы на продолжительную жизнедеятельность равны нулю.

Подводя итоги, можно сказать, что интернет-мемы смогли прочно закрепиться в жизни современного человека, как в сети, так и за её пределами. Исследователи по-разному относятся к данному феномену. Одни считают их единицами культуры и связывают эволюцию культуры с эволюцией мемов, другие же приписывают им вирусный характер, отмечая их способность заражать своими идеями людей, передаваясь подобно инфекции. В сети Интернет мемы существуют в виде шуток различных форматов: видео, гиф-изображения, картинки и т. д. Успешное распространение мемов зависит от многих факторов, но основным является его способность закрепиться в долговременной памяти человека. Следует также сказать, что мемы играют важную роль в виртуальном общении и становлении интернет субкультур, давая возможность пользователям делиться своим мнением и создавать новые цифровые объекты, способные формировать облик различных социальных сетей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Berger, J., Milkman, K. "What Makes Online Content Viral?" *Journal of Marketing Research*, 49 no. 2 (2012): 192-205.
2. Blackmore, S.J. *The Meme Machine*. Oxford. Oxford University Press, 1999. P. 258.
3. Dawkins, R. *The Selfish Gene*. Oxford. Oxford University Press, 1976. P. 278.
4. Hotshowlife. Что такое мем? [Электронный ресурс], URL: <https://hotshowlife.com/chto-takoe-mem>.

5. Know Your Meme, [Электронный ресурс], URL: <http://knowyourmeme.com>.
6. Macmillan Dictionary (MD) [Электронный ресурс], URL: <http://www.macmillandictionary.com>.
7. Oxford Learner's Dictionaries (OLD) [Электронный ресурс], URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
8. Shifman, L. Memes in Digital Culture. The MIT press | Cambridge, Massachusetts | London, England, 2014. P. 122.
9. Zhao, D. The Internet Meme as a rhetoric discourse: investigating Asian/Asian American' identity negotiation (a thesis). College of Bowling Green, 2015.
10. Академик. Словари и Энциклопедии [Электронный ресурс], URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic>.
11. Григорьева Н.Ю. Комикс как креолизованный текст. Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2011, № 2 С.109-111.
12. Шурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен Интернет-коммуникации // Научный диалог, Екатеринбург, 2012, № 3. С. 100.

REFERENCES

1. Berger, J., Milkman, K., "What Makes Online Content Viral?" *Journal of Marketing Research*, 2012, 49, no. 2, pp. 192-205.
2. Blackmore, S.J. The Meme Machine. Oxford. Oxford University Press, 1999. 258 p.
3. Dawkins, R. The Selfish Gene. Oxford. Oxford University Press, 1976. 278 p.
4. Hotshowlife. What is meme? Available at: <https://hotshowlife.com/chto-takoe-mem>.
5. Know Your Meme. Available at: <http://knowyourmeme.com>.
6. Macmillan Dictionary (MD). Available at: <http://www.macmillandictionary.com>.
7. Oxford Learner's Dictionaries (OLD). Available at: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com>.
8. Shifman, L. Memes in Digital Culture. The MIT press | Cambridge, Massachusetts | London, England, 2014. 122 p.
9. Zhao, D. The Internet Meme as a rhetoric discourse: investigating Asian/Asian American' identity negotiation (a thesis). College of Bowling Green, 2015.
10. Academic Dictionaries and Encyclopedias. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic>.

11. Grigorieva N.Yu. Comics as a type of creolized text. *Vestnik YUUrGU. Seriya «Lingvistika» = Bulletin of SUSU. Series “Linguistics”*, 2011, no. 2, pp.109-111. (In Russian).

12. Shchurina, Yu.V. Internet Meme as a phenomenon of Internet communication. *Nauchnyj dialog = Scientific Dialogue*, Yekaterinburg, 2012, no. 3. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ковалевич Е.П. К вопросу о модели интернет-мема / Е.П. Ковалевич, В.А. Корсакова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 117–127.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kovalevich E.P., Korsakova V.A. To the question of the model of Internet meme / E.P. Kovalevich, V.A. Korsakova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 117–127. (In Russian).

УДК-81 367

Чернова Любовь Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры
отечественной филологии и
журналистики ФГБОУ ВО
«Армавирский государственный
педагогический университет»
(г. Армавир)

Chernova Lyubov Viktorovna
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Department of
Russian Philology and Journalism ,
Armavir State Pedagogical University
(Armavir)

ВТОРИЧНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

SECONDARY COMMUNICATIVE FUNCTIONS OF INTERROGATIVE SENTENCES

Аннотация:

статья посвящена анализу функционально-семантических особенностей вопросительных предложений во вторичной для них функции. Автор исследует базовую классификацию вопросительных предложений, передающих иную семантику через форму вопроса.

Abstract:

the article is devoted to the analysis of semantic and function features of interrogative sentences in their secondary function. The author investigates the basic classification of interrogative sentences that transmit different semantics through the form of a question.

Ключевые слова:

функция, семантика, прагматика, синтаксическая конструкция, вопросительное предложение.

Keywords:

function, semantics, pragmatics, syntactic construction, interrogative sentence.

Всякое речевое высказывание порождается определенным мотивом, который обуславливает возникновение речевой интенции. Возникновение как целого связного речевого высказывания, так и отдельных изолированных законченных предложений программируется мотивацией, результатом чего является формирование системы предикативных высказываний в коде внутренней речи. В программу отдельного высказывания включаются такие компоненты, как субъект, объект, предикат и другие, объединенные содержательной, смысловой и эмоциональной связью. Коммуникативная цель при этом может быть различной: сообщить информацию, получить информацию, побудить к действию.

Однако спектр коммуникативных значений, выражаемых синтаксической единицей, не ограничивается вышеперечисленными, т. к. семантическая составляющая языкового знака насыщена многообразными, неявными, но важными основаниями и предпосылками. Еще академик В.В. Виноградов писал, что «...знание правил сложения смыслов, отчасти опирающееся на исследование законов взаимодействий грамматических и семантических уровней слова, с одной стороны, и законов сочетаний слов, а также сцепления словосочетаний и фраз, с другой, помогло бы яснее и точнее воспроизводить систему функционирования и соотношения всех этих единиц в структуре языка и речевой коммуникации» [3, с. 5].

С коммуникативно-прагматической точки зрения типология предложений по коммуникативной цели является сложной и разветвленной, поскольку предикативная единица является сложным комплексным явлением и асимметрия соотношения формы и содержания «...является естественным процессом, свидетельствующим о гибкости языковых единиц, их экспрессивных возможностях и семантико-грамматическом потенциале» [3, с. 110]. В системе вопросительных предложений выделяют функционально-семантические типы, объединяемые на основе первичных и вторичных функций этих предложений.

Типы формируются на основе оппозитивных отношений между двумя функционально разными вопросительными предложениями. В своих первичных функциях вопросительное предложение направлено на запрос информации и получение ответа, например:

– Вы, верно, едете в Ставрополь? – Так-с точно... с казенными вещами (Лермонтов); [Кнуров] Так выдаете замуж Ларису Дмитриевну? [Огудалова]. Да, замуж, Мокий Парменыч. (А. Островский).

В первичных функциях вопросительные предложения неоднородны и с точки зрения характера выражаемого содержания делятся на ряд подтипов (дидактические, этикетные, игровые и др.).

Во вторичных функциях вопросительное по форме предложение предполагает не столько поиск информации, сколько ее передачу, так называемое сложное сообщение о чем-либо. П.А. Лекант справедливо отмечал, что такие предложения «...не имеют вопросительного значения» [6, с. 16]

вследствие чего их коммуникативная направленность во вторичных функциях может быть различной. По характеру передаваемых интенций можно выделить следующие типы предложений, вопросительных только по форме, но по целеустановке иных:

а) вопрос, в котором заключено уверенное утверждение, с акцентацией обычности и закономерности, например:

Пусть говорят, а нам какое дело? (Лермонтов); Кто не хочет быть честным? Кому не в тягость, оступившись однажды, нести на своих плечах ложь? (Тендряков); Разве не тайной было его [моря] фосфорическое свечение, когда в безлунную июльскую ночь рука, опущенная в черную теплую воду, вдруг озарялась, вся осыпанная голубыми искрами? Или движущиеся огни невидимых судов и бледные медлительные вспышки неведомого маяка? Или число песчинок, недоступное человеческому уму? (Катаев).

В таких вторичных функциях вопросительные предложения ориентированы не на получение ответа, а на передачу (имплицитно или эксплицитно) определенного утверждения, трансляцию информации, почти всегда экспрессивно окрашенной, например:

А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде? (Заболоцкий);

б) вопрос, передающий уверенное экспрессивно-окрашенное отрицание. Так, например, предложение Какая же она ему пара, позвольте спросить? (Вересаев) оформлено как вопросительное, хотя таковым оно не является, так как выражает иронически-отрицательное отношение говорящего к предмету речи. В таких предложениях подчеркивается невозможность, ненужность или нецелесообразность отрицаемой ситуации, например:

– Это с какой радости?! – спросил Кузьма (Бунин); – Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне? (Лермонтов); – Что Дымов? Почему Дымов? Какое мне дело до Дымова? (Чехов); – Мне – извиняться! Да с какой стати? (Островский).

Они содержат пресуппозицию несоответствия ожидаемого и действительного, т. е. несоответствия поведения адресата представлениям говорящего или принятым этическим или иным нормам, с интенсивно выраженной негативной оценкой говорящим партнера по диалогу. Например:

Как ты смеешь так со мной говорить?! (Станюкович); Мать в негодовании вскричала: Как вы смеете ребенка толкать?! (Вересаев); [Карандышев] Что за странная фантазия пить чай в это время? Удивляюсь. (А. Островский); Подлец ты этакий, как ты смеешь?! (Вересаев); – Замолчать! Как вы смеете!? – крикнул капитан ужасным голосом и стал шарить пальцами по кобуре револьвера. (Катаев).

В таких предложениях квалификатор синонимичен словам почему, на каком основании, отчего, но основное назначение этих реплик – выразить запрещение, негативно оценить ситуацию или поведение собеседника;

в) вопрос-уяснение, повторяющий словесный состав предшествующей реплики и обычно осложненный эмоциональной окраской удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения. Они могут передавать значение недоуменного отрицания с оттенком удивления:

Какие же вещи у меня? Разве только умыться вот, в дорогу... (Леонов); Какие ж это товарищи? Это так. Мимолетное знакомство. (Островский); Нет, мне это не нужно, мне только стыдно будет перед вами, какая же я барыня!? (Бунин); Теперь такого паруса больше никогда не справишь. А без паруса какая же ловля? На смех курам! (Катаев).

Предложение «Какая же это смерть? – думает Муся...» (Л. Андреев) не обращено к слушающему, его цель – выразить эмоциональное состояние говорящего, поэтому оно не относится к собственно вопросительным, а выполняет вторичную функцию. Значительная роль при образовании таких построений принадлежит интонации. Предложения произносятся высоким и напряженным тоном, но собственно-вопросительная интонация заменяется эмоциональным всплеском: Какая уж тут близость при таком деле?! (Л. Андреев); Ну уж какая, батюшка, гордыня при нашем-то деле? (Л. Андреев); Уж какое же есть сравнение: военный или штатский? (А. Островский).

Нередко для выражения такого эмоционально-экспрессивного значения используются квазипредложения с яркой эмоциональной оценкой – такие построения, которые не порождаются в соответствии с закономерностями образования подобных синтаксических конструкций, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении структуры и определенной части лексического состава. Подобные особые языковые конструкции, как правило, употребляются в разговорной речи как ответные реплики диалога. Стяженные варианты подобных построений способны превращаться в идиоматичные предложения и употребляться изолированно (типа С какой стати...; Какого черта...; За каким чёртом...; Где там ему (ей, им, нам и т. д.));

г) вопрос-побуждение: либо к совершению действия, либо к прекращению действия. Вопросы-стимулы позволяют завуалированно выразить побуждение к действию в разной степени: мольба, просьба, приказ, распоряжение и т. д.). Например:

Она смотрела на украшение, матово сияющее на черном бархате, и не прикасалась к нему. – Что же ты не примеришь? – спросил Юра. (Берсенева); – А сама косилась на Димку, ну нарочно поддразнивала его, ласково напевая: – Что же ты не дерешься, не отстаиваешь свои принципы?.. (Железников); Почему бы не сходить в библиотеку и не попытаться отыскать заветную папку? (Петросян).

Очевидно, что форма вопроса используется говорящими с целью стимулировать к действию, но для этого используется не побудительная конструкция, а иной коммуникативный тип предложения.

Ряд лингвистов (В. Серль, Дж. Остин и др.) высказывают мысль о том, что любое вопросительное предложение само по себе содержит значение побуждения, т.к. так или иначе побуждает собеседника к выражению определенной реакции, и предлагают унифицировать систему коммуникативных типов предложения, сделав ее бинарной (повествовательные и побудительные). Такие вопросы являются косвенными выразителями значения побуждения к тому или иному действию. Например:

– Ты смотри, Гаврила, не чересчур разорайся, а то, знаешь, теперь за эти слова и повесить могут. [Батрак] – Ну на! Вешай! – кричал, задыхаясь,

батрак. – Чего же ты не вешаешь? На, пей кровь! Пей!.. (Катаев); Что же ты не приходишь баюкать уязвленную совесть мою? (Ахматова); Почему бы не считать важнейшим те стога и завтрак на траве? (Самойлов); – Ты замолчишь или нет?! – заорал Сергей. (Аксёнов); [Лариса] Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? (А. Островский); Колька, ты прекратишь свои дурацкие шуточки или нет? (Маринина).

Интонация в таких предложениях является не только средством организации языковой единицы, но и средством выражения тончайших эмоциональных оттенков, способствует созданию специфического ритмико-мелодического рисунка высказывания, свидетельствующего о наличии у говорящего эмоционального настроения, содействует актуальному членению предложения.

Таким образом, реализация коммуникативных задач предложения, текстовая и подтекстовая его информация связаны с интерпретацией сложно организованной системы средств всех уровней, включая лингвистический и экстралингвистический. Вследствие этого в синтаксической системе русского языка в кругу вопросительных конструкций выделяются не только чистые вопросы, но и асимметричные построения для выражения посредством вопросительной формы иных различных целей и значений.

Используя форму вопроса, говорящий может выразить самый широкий спектр коммуникативных значений: не только собственно запрос информации с целью получить ответ, но и значения возражения, просьбы, констатации, приказания, мольбы, эмоциональной реакции, согласия или несогласия, иронического замечания и др.

Рассмотрены далеко не все возможные вторичные функции вопросительных предложений. Смысловая нагрузка конструкций зависит от целого ряда обстоятельств: ситуации речи и целей общения, характеристик говорящего и собеседника, эмоционального фона и т. д. Вопросительные предложения употребляются как в развернутом, так и в редуцированном виде. Особенности семантики подобных конструкций связаны со сложной организацией их значения, а также с тем, что пропорции совмещения вопросительной, информативной, побудительной частей значения могут быть различными, в силу чего они требуют дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Букаренко, С.Г. Стереотипные сочетания подлежащего и сказуемого [Текст] / С.Г. Букаренко Русский язык в школе. – М., № 4, 2009. – С.80 – 83.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Деньгина Т.В., Чернова Л.В. Асимметрия содержания и формы слов-квалификаторов. Международный научно-исследовательский журнал International research journal с.109-111.
5. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. 5-е изд. – М.: КомКнига, 2007. – 203 с.
6. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 151 с.
7. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. 3-е изд., доп. – М.: Высшая школа, 2004. – 247 с.
8. Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткина Л.Л. и др. Современный русский язык. – М.: Дрофа, 2000. – 560 с.
9. Озмитель Е. К. Конфликт в художественном произведении и своеобразии сатирического конфликта. Озмитель Е. К. Л.: Наука, 1973. С. 54-71.
10. Солганик В. Я. Стилистика текста : Учебное пособие. 3-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2001.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. M., Iskusstvo, 1986.
2. Bukarenko S.G. Stereotype combinations of the subject and the predicate. *Russkij yazyk v shkole = The Russian Language in School*, M., no. 4, 2009, pp. 80-83. (In Russian).
3. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian language (The grammatical doctrine of the word)]. M., Vysshaya Shkola, 1972. 614 p.
4. Den'gina T.V., Chernova L.V. The asymmetry of the content and form of qualifier words. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International research journal*, pp.109-111. (In Russian).
5. Zolotova G.A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. M., KomKniga, 2007. 203 p.
6. Kolshanskiy G.V. *Kontekstnaya semantika* [Context semantics]. M., Nauka, 1980. 151 p.

7. Lekant P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom rusском языке* [The syntax of a simple sentence in modern Russian]. М., Vysshaya shkola, 2004. 247 p.

8. Lekant P.A., Dibrova E.I., Kasatkina L.L., et al. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian]. М., Drofa, 2000. 560 p.

9. Ozmitel' E.K. *Konflikt v hudozhestvennom proizvedenii i svoeobrazie satiricheskogo konflikta* [The conflict in the work of art and originality of satirical conflict]. К-Л., Nauka, 1973, pp. 54-71.

10. Solganik V.Ya. *Stilistika teksta: Uchebnoe posobie* [Text stylistics. Textbook]. М., Flinta: Nauka, 2001.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Чернова Л.В. Вторичные коммуникативные функции вопросительных предложений / Л.В. Чернова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2. Т. 1. – С. 128–135.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Chernova L.V. Secondary communicative functions of interrogative sentences / L.V. Chernova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2018, No. 2, vol. 1, pp. 128–135. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Басов Игорь Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: basov.i@mail.ru

Basov Igor Ivanovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: basov.i@mail.ru

Бирюков Игорь Леонидович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: birukoff26@gmail.com

Biryukov Igor Leonidovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: birukoff26@gmail.com

Гараев Илья Александрович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: gia1987@yandex.ru

Garayev Ilya Aleksandrovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: gia1987@yandex.ru

Глечян Эдуард Русланович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», Коллегия адвокатов «Ника» АПКК (г. Краснодар), e-mail: glechyan1980@mail.ru.

Glechyan Eduard Ruslanovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University, "Nika" Bar Association of Agroindustrial Complex (Krasnodar), e-mail: glechyan1980@mail.ru.

Губанова Марина Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Gubanova Marina Aleksandrovna – candidate of philosophical sciences, associate professor, associate professor of philosophy, right and social humanities, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: gubanovama2012@yandex.ru

Дохоян Анна Меликсовна – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет», г. Армавир, e-mail: d.a.m@mail.ru

Dokhoyan Anna Meliksovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social, Special Pedagogy and Psychology, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: d.a.m@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: dudarev51@mail.ru

Dudarev Sergey Leonidovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: dudarev51@mail.ru

Киреева Людмила Евгеньевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ФГБОУ ВО «Донского государственного технического университета» в г. Шахты (Шахты), e-mail: lud.kireewa2015@yandex.ru

Kireeva Lyudmila Evgenyevna – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty (Shakhty), e-mail: lud.kireewa2015@yandex.ru

Ковалевич Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: 600horsepower@mail.ru

Kovalevich Elena Pavlovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Methods of Teaching, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: 600horsepower@mail.ru

Корсакова Виктория Андреевна – аспирантка ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: vika.korsackova@mail.ru

Korsakova Victoria Andreevna – post-graduate student, Armavir state pedagogical university, (Armavir), e-mail: vika.korsackova@mail.ru

Курьян Анжела Мисаковна – специалист по учебно-методической работе 1 категории, преподаватель ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: d1234d2@yandex.ru

Kuryan Angela Misakovna – specialist in educational and methodological work of the 1st category, Lecturer, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: d1234d2@yandex.ru

Музаев Артур Исламович – учитель ОБЖ и физической культуры МБОУ «Каспийский лицей № 8» (г. Каспийск), e-mail: arturmuz27@mai.ru

Muzayev Artur Islamovich – life safety and physical education teacher of МБЕЕ "Caspian Lyceum No. 8" (Kaspiysk), e-mail: artur-muz27@mai.ru

Музаева Людмила Васильевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры информационных и коммуникационных технологий Дагестанского государственного педагогического университета (г. Махачкала), e-mail: muzaeva56@mail.ru

Muzayeva Lyudmila Vasilyevna – Candidate of Pedagogical sciences, Senior Lecturer of the Department of Information and Communication Technologies, Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala), e-mail: prijmak1975@mail.ru

Похилько Александр Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Pokhilko Alexander Dmitirivich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University, (Armavir), e-mail: nauka2007-2008@mail.ru

Приймак Юрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: prijmak1975@mail.ru

Priymak Yuri Vladimirovich – doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the History Faculty, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: prijmak1975@mail.ru

Руденко Андрей Михайлович – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в городе Шахты, доктор философских наук, доцент (г. Шахты), e-mail: amrudenko@list.ru

Rudenko Andrey Mikhaylovich – Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, the Institute of Services Industry and Business (branch), Don State Technical University in Shakhty, (Shakhty), e-mail: amrudenko@list.ru

Рудых Сергей Александрович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: rudyx@mail.ru

Rudykh Sergey Aleksandrovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Law and Social Humanitarian Sciences, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: rudyx@mail.ru

Фольк Екатерина Сергеевна – магистрант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: katechka09@inbox.ru

Folk Ekaterina Sergeevna – Master Degree student, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: katechka09@inbox.ru

Хоруженко Виктория Константиновна – заведующая кафедрой истории Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) «РГЭУ (РИНХ)» (г. Таганрог), e-mail: smirnovavk@yandex.ru

Khoruzhenko Victoriya Konstantinovna – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History, A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch), Rostov State University of Economics (Taganrog), e-mail: smirnovavk@yandex.ru

Цокур Ирина Васильевна – научный сотрудник ООО «Ирида» (г. Краснодар), e-mail: naslediekk@mail.ru

Tsokur Irina Vasilevna – research worker, LLC «Irida» (Krasnodar), e-mail: naslediekk@mail.ru

Чернова Любовь Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: lolache@mail.ru

Chernova Lyubov Viktorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: lolache@mail.ru

Шматько Александр Александрович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир), e-mail: alex79andr@mail.ru

Shmatko Alexander Alexandrovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Philosophy, Law and Social and Humanitarian Sciences of Armavir State Pedagogical University (Armavir), e-mail: alex79andr@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Информируем Вас о том, что готовится к выпуску **третий** номер журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета». Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302).

Электронная версия журнала рассылается в течение **15 дней** после окончательной даты приема материалов. Печатная версия рассылается в течение **30 дней** с момента рассылки электронной версии.

Срок приема статей – до 15 февраля 2019 года.

Дата выхода журнала – март 2019 года.

Основные рубрики журнала:

Педагогические науки

Философские науки

Исторические науки и археология

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.
2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:
 - текст статьи (Приложение 1);
 - заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (1 страница = около 1800 знаков без пробелов⁴, при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **100 рублей**.

⁴ Как выяснить примерный объем статьи в страницах? В редакторе MSWord 2003 выбираем меню «Сервис» => пункт «Статистика» в Word 2007 или 2010 Вкладка «Рецензирование» => кнопка «Статистика». Количество знаков без пробелов делим на 1800 и получаем количество страниц.

Правила оформления статьи

Объем до 10 страниц (шрифт Times New Roman Сур, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением *.doc.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК (<http://vak.ed.gov.ru/316>).

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объёмом не более 7-10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объём от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3-6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54-57. (In Russian).

2. Lindorf L.S., Mamikonians L.G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Приложение 1

Шифр специальности: 12.00.01
УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет, г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт, г. Армавир, Российская Федерация

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

Abstract. *The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legisla-*

tion on the issue of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defence. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defence.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16],

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с.
2. Карцев Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 [Электронный ресурс] / С. Фрэнк. – Режим доступа: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p.
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. Available at: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

Приложение 2

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical university, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru.

Представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и/или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____ (название статьи)» отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____

_____ (подпись)

_____ (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

№ 2 2018

Том 1

Редакционно-издательский отдел
Зав. отделом: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко
Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 17,21. Уч.-изд. л. 7,28. Тираж 300 экз.
Заказ № 136/18.

Издатель:

ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Редакционно-издательский отдел
© АГПУ, 352900, Армавир, ул. Ефремова, 35
☎-fax 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net